

ВОКРУГ **СВЕТА**

4 1965
АПРЕЛЬ

Павел Иванович БЕЛЯЕВ.

Алексей Архипович ЛЕОНОВ.

ТРИУМФ ГЕРОЕВ, НАРОДА, СТРАНЫ!

ДВЕРЬ ВО ВСЕЛЕННУЮ ОТКРЫТА!

19 65

ВОКРУГ СВЕТА

№4
АПРЕЛЬ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

На страницах номера:

ЛЕНИН С НАМИ.

95 лет со дня рождения Владимира Ильича.

Юность планеты накануне фестиваля.

Трудовой лагерь юных в горах Кабилии. Заботы молодежи Швеции.

Венгерская Народная Республика празднует двадцатилетие освобождения от фашистских захватчиков.

Автомобили с маркой «УАЗ» известны в стране и далеко за рубежом. Захолустный губернский Симбирск превратился теперь в крупный промышленный Ульяновск.

(См. фотоочерк «Течет река Волга...»)

Космическая связь. Это не поэтический образ, а строго конкретное понятие, вошедшее в науку с началом проникновения человечества в космос.

...Бип... Бип... Бип... — в этих позывных первого искусственного спутника Земли было и утверждение могущества нашей науки, впервые преодолевшей земное притяжение, и строгая научная информация. С тех пор несет свою вахту Центр Дальней космической связи. Инженеры, техники, операторы Центра организовывали и поддерживали непрерывную связь с первыми спутниками, кораблями-спутниками, автоматическими станциями «Луна», космическими кораблями «Восток» и «Восход», посланцами в глубины Вселенной — к Марсу и Венере. Отсюда следили за сложными траекториями маневрирующих аппаратов «Полет». Отсюда ведется опрос спутников серии «Космос». По командам, переданным из Центра, ракета-носитель расставила на далеких друг от друга орбитах автоматические станции «Электрон». Здесь установили мировой рекорд дальности связи — следили за автоматической межпланетной станцией «Марс-1», когда она находилась на расстоянии 106 миллионов километров от Земли.

Связь с разведчиками Вселенной поддерживается не непрерывно, а периодически, в течение нескольких минут или часов — их называют сеансами связи. Один сеанс следует за другим. То отвечает один из «Космосов», то посылается команда на борту автоматической станции «Зонд-2»: «Включить плазменные двигатели». Иногда связь поддерживается сразу с несколькими спутниками. Минуты сеанса — испытание знаний и опыта людей, ведущих разговоры с космосом.

... ГОВОРИТ КОСМОС ...

ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ

...Спутник «выходит на связь». Где-то далеко от Центра антенные системы радиотехнических станций ищут, ждут, ловят сигналы космического посланца. С борта приближающегося спутника приборы передадут на Землю информацию, собранную в запоминающих устройствах. В Центре идут последние приготовления. Операторы проверяют готовность к работе всех звеньев связи — ни одна крупинка сведений, посланных приборами, не должна затеряться в просторах Вселенной.

— Двенадцатый?

— Готов!

— Тридцать второй?

— Готов!

...«Первый» — руководитель сеанса — опрашивает операторов и руководителей служб. Электронно-вычислительные приборы выполняют заданную программу, устанавливая антенну в нужном направлении. Скорость движения спутника или космического корабля, параметры орбиты, направленность антенн — все учтено.

...Бип... Бип... Бип... Связь установлена! Кодированные сигналы бегут по линиям связи в Центр Космос разговаривает с Землей! И его голос для работающих здесь лучше всякой музыки.

...Бип... Бип... Бип... — поступают сведения о состоянии и режиме работы бортовых приборов температуры, давления внутри различных отсеков, о работе солнечных батарей.

...Бип... Бип... Бип... — записываются данные о магнитном поле межпланетного пространства, уровнях солнечной радиации, космических лучах.

...Бип... Бип... Бип... — поступает информация о корпускулярных потоках частиц малых энергий, об энергетическом составе радиационных поясов, о магнитном поле Земли и коротковолновом излучении Солнца.

Огромна скорость аппарата, бороздящего космос, — много нужно связанных, телеметрических и измерительных станций, чтобы обеспечить бесперебойную связь и сопровождение спутника, пока он не уйдет в тень Земли.

Во время сеанса нужно не только принять сигналы из космоса. Группа прогнозирования полета космических кораблей и выдачи целеуказаний проводит с помощью электронно-вычислительных машин расчет точной орбиты спутника. Операторы принимают данные с измерительных станций, расположенных по всей территории нашей

страны. Чем больше измерений, тем точнее вычисляется орбита корабля. Перед операторами — таблицы, белые листы с координатной сеткой, на которые плавными линиями ложатся трассы космических аппаратов.

...Но вот спутник уходит из зоны видимости измерительных пунктов, расположенных на территории Советского Союза. С одного из приборов снимают рулон бумажной ленты. На ленте — не-

сколько линий, напоминающих синусоиды. Вот она, информация, переданная из космоса.

А в Центре уже готовятся к новому сеансу связи — с посланцем в межпланетное пространство, с одним из дальних космических аппаратов, покинувших орбиту спутника Земли.

Команда передана. Центр ждет ответа. Из глубин космоса сигнал

ВЫШЕЛ ИЗ КОРАБЛЯ

Номер находился в печати, когда пришла радостная весть...

Впервые в истории человек в буквальном смысле слова открыл дверь во Вселенную и смело плывал в звездном океане, начав новую эру в освоении космоса. И сделал это советский человек!

18 марта 1965 года на орбиту спутника Земли был выведен восьмой по счету советский космический корабль «Восход-2». Новые герои космоса — командир корабля Павел Беляев, второй пилот Алексей Леонов.

Во время полета летчик-космонавт А. Леонов в специальном скафандре с автономной системой жизнеобеспечения вышел из корабля в космическое пространство, удалился от корабля на расстояние до пяти метров, успешно провел намеченные исследования и наблюдения и благополучно возвратился в корабль. Около 20 минут космонавт А. Леонов находился в условиях космического пространства, в том числе вне корабля — 10 минут. Командир корабля летчик-космонавт П. Беляев во время эксперимента осуществлял управление аппаратурой выхода в космос, вел наблюдение за состоянием А. Леонова и имел с ним непрерывную связь, обеспечивая безопасность выполнения этого беспрецедентного опыта.

Этим небывалым экспериментом доказана возможность для человека не только совершать полет внутри космических кораблей, но активно действовать в космическом пространстве, выполняя наблюдения и другие операции, — словом, работать в космосе. Отсюда создаются реальные предпосылки для решения самых сложных задач, в том числе полетов и посадки на Луне и на других планетах Солнечной системы.

Совершив в течение 26 часов более 17 оборотов вокруг Земли и пройдя расстояние свыше 720 тысяч километров, многоместный космический корабль «Восход-2» благополучно осуществил посадку в районе города Перми. Все системы, оборудование и аппаратура корабля на протяжении всего полета работали нормально и безупречно. Поставленные перед экипажем корабля задачи полностью выполнены.

Весь мир снова увидел превосходство советской космической техники: наших могучих и точных ракет, совершенных космических кораблей, их оборудования, всей системы обеспечения безопасных космических полетов человека.

Подвиги советских космонавтов — это не только общечеловеческие акты героизма, это убедительное торжество советского строя, результат могущества и целеустремленности общенародного государства, способного под руководством ленинской партии сплотить в единый творческий поток все силы народа.

Полет корабля «Восход-2», как и предыдущие, служит делу мира и прогресса.

бежит до Земли, минуты, иногда десятки минут.

...Бип... Бип... Бип...

С борта корабля идет телеметрическая информация. Все члены оперативной группы заняты анализом ее. Все ли в порядке на борту корабля?

Группа анализа работы бортовых систем докладывает: «Бортовые системы функционируют нормально. Однако уменьшается фон солнечных батарей». Космический

корабль почему-то получает уменьшенное количество электроэнергии, необходимой для подзарядки его химических батарей. В чем причина? После всестороннего анализа полученных данных она становится ясна. На борт удаляющегося корабля мчится соответствующая команда С электроснабжением снова все в порядке.

Из группы прогнозирования поступают сведения — корабль несколько отклонился от курса.

Оперативная группа принимает решение: в следующий сеанс связи провести коррекцию траектории полета. Это значит, что к следующему сеансу будут рассчитаны величина и направление в пространстве того импульса, который должна дать бортовая двигательная установка.

Заканчивается и этот сеанс связи. Плывет в межпланетном пространстве аппарат, направляемый человеком с Земли...

Когда на трассу выходит космический корабль с человеком на борту, для работников Центра наступают особенно ответственные и напряженные дни. Число групп, работающих в Центре, увеличивается. Помимо оперативных групп телеметрической информации и орбитальных измерений, организуется группа целеуказания. Ее задача — определять угол и направление подхода космического корабля к тому или иному пункту наземного командно-измерительного комплекса, с которого будет устанавливаться связь. Вводится группа радиационного контроля — она следит за Солнцем и определяет изменения радиационной обстановки вдоль трассы полета; группа медико-биологических исследований контролирует состояние космонавтов; группа контроля спуска отвечает за благополучное приземление корабля.

Во время таких полетов в Центре звучат доклады космонавтов. Космос разговаривает по-русски!

...— Пролетаю над Европой, самочувствие отличное. Передал привет народам мира.

— Вас понял Как слышите?

— Слышу хорошо.

— Слышу вас отлично. Счастливого пути...

Такое ощущение, что разговор идет с человеком, находящимся где-то рядом, а не в просторах Вселенной.

Знаменитый советский летчик В. П. Чкалов мечтал «махнуть» вокруг шарика». Это было всего четверть века назад. Но время неудержимо. И в наши дни советские космонавты уже думают о том, как бы «махнуть» вокруг другого шарика — Луны. И к тем, кому выпадет честь быть первооткрывателями естественного спутника нашей планеты, тоже протянутся невидимые нити космической связи.

В. КИРИК

Эти географические карты висят на стенах кабинета, на белоснежной кафельной печи; они сложены в нижнем ящике книжного шкафа; одна из них — карта границ России в Закавказье — наклеена на полотно самим Владимиром Ильичем. Революционные военные советы республики и фронтов гражданской войны присылали В. И. Ленину специально вычерченные для него карты, которые можно назвать своеобразными вехами напряженнейшей вооруженной борьбы Красной Армии с полчищами белогвардейцев и иностранных интервентов.

Обилие географических карт в кремлевском кабинете В. И. Ленина делает еще более зримым и убедительным то сравнение, которое, наверное, приходит на ум многим, кто побывал здесь. Сравнение с капитанским мостиком...

Да, капитанский мостик могучего корабля — российской пролетарской социалистической революции, корабля, который шел к победе через жесточайшие политические и военные штормы той неповторимо бурной эпохи. Лавина вестей и доносений врывалась в эту тихую уютную комнату каждый день первых лет молодого рабоче-крестьянского государства. Через телеграфные и телефонные аппараты, через личное общение с людьми. И сколько среди этих сообщений и доносений было отчаянно-тревожных вестей! Даже теперь, когда они напечатаны на страницах массивных книг, их нельзя читать без холодка в груди. И каждый день, почти без перерыва в ночные часы, отсюда, с капитанского мостика Октябрьской революции, летели ленинские директивы, распоряжения, советы...

И в памяти возникают воспоминания людей, работавших вместе с В. И. Лениным.

«Быстрые, четкие шаги гулко отдаются по еще пустому коридору. Это он рано утром спешит из своей квартиры в кабинет Совнаркома. Мельком взглянув на стол, где уже всегда была приготовлена почта и обязательно отдельно все военные телеграммы с фронтов, он мигом брал именно эту папку и быстро прочитывал их, так быстро, что, казалось, не было возможности промелькнуть взором, что там написано, а он все телеграммы уже знал наизусть и после цитировал слово в слово, не смотря более в них, причем всегда с изумительной точностью в цифрах...

Просмотрел телеграммы, и мигом к стене — к одной, к другой, к третьей. Всюду развешаны карты и всюду собственной рукой его отмечены все 14 фронтов, с которых в разное время наседали на нас, на нашу социалистическую молодую республику, международный враг...»

Так писал один из ближайших сподвижников

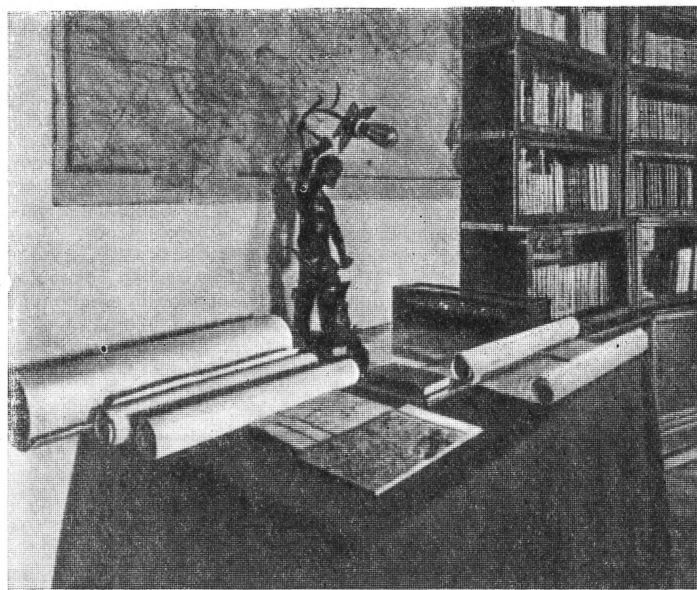
Ильича — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, работавший в первые советские годы управляющим делами Совнаркома.

Были, однако, в кабинете такие карты, с которыми Владимир Ильич работал чаще, чем с другими. Сотрудники Совнаркома неизменно упоминали скромный атлас — «Железные дороги России», изданный в Петрограде в 1918 году картографическим заведением А. Ильина.

«Одним из справочников, которым Владимир Ильич постоянно пользовался и который обыкновенно лежал у него на письменном столе, — свидетельствует в своих воспоминаниях Л. А. Фотиева, — был указатель железных дорог».

С этой в полном смысле слова настольной книгой встречаемся мы и в других рассказах о Владимире

АТЛАС ЛЕНИНА

Ильиче... Так, например, в мае 1919 года в Москву приехал с Восточного фронта С. С. Каменев — бывший офицер старой армии, перешедший на сторону пролетарской революции сразу после ее победы и долгие годы честно служивший в Красной Армии.

Выступление В. И. Ленина перед красноармейцами, отправляющимися на польский фронт (5 мая 1920 г.).

Стол с военными картами в кабинете В. И. Ленина в Кремле.

В. И. Ленин пригласил его в Кремль и попросил рассказать о положении на Восточном фронте.

«В начале моего доклада Владимир Ильич взял железнодорожный атлас «Железные дороги России», издание Ильина, и по этому картографическому материалу мне и пришлось делать доклад. Эту карту я никогда не забуду, на ней имелись только основные ориентиры. От волнения у меня исчезли из памяти все названия деревень, где находились части Красной Армии и разворачивались боевые действия. Вероятно, заметив мое затруднительное положение, Владимир Ильич облегчил мне доклад подачей реплик, на которые давать ответы было уже много легче».

Этот атлас, хранящийся ныне в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, представляет собой огромную ценность: ведь на его листах сохранились пометки, сделанные рукой Владимира Ильича... Точки городов и железнодорожных станций, обведенные кружками. Названия городов, поселков, написанные характерным стремительным ленинским почерком. Подсчет расстояний между железнодорожными узлами...

На картах этого атласа отразились не только битвы гражданской войны, но и первые шаги по строительству социалистической экономики... Одним из самых жестоких и опасных врагов революции был тогда топливный кризис. Теперь и представить себе трудно, что за весь 1920 год в Советской стране было добыто всего лишь 7,5 миллиона тонн угля, что половину топлива, потребляемого народным хозяйством, составляли дрова! Промышленности, разоренной войнами, грозила голодная смерть. Но молодое Советское государство победило и этого врага. В. И. Ленин в те трудные для страны дни думал о новых районах добычи угля и нефти. На карте XVIII Владимир Ильич отметил богатый нефтеносный бассейн по реке Эмбе на северо-западе Казахстана и угольные залежи в районе Актюбинска.

Как интересно и увлекательно теперь, через четыре с половиной десятилетия, восстановить по книгам и архивным документам те события, своеобразным отзвуком которых являются пометки, сделанные ленинской рукой! Воссоздать облик героев революции и гражданской войны, их дела и подвиги, которые как бы стоят за этими кружками и черточками, цифрами и надписями!

Первые шаги на этом пути уже сделаны нашими исследователями, результаты их изысканий опубликованы в предисловии к изданному недавно каталогу книг личной библиотеки В. И. Ленина. В этой статье делаются попытки пояснить значение некоторых других ленинских пометок на картах атласа. Разумеется, эти пояснения являются лишь возможным предположением...

На карту XIV нанесена железнодорожная сеть Среднего Поволжья, Урала и Зауралья. У левого, западного обреза карты стоят города Вятка, Казань, Самара; у нижнего, южного — Оренбург; у правого, восточного — Тюмень, Курган, Кустанай. Города и железнодорожные станции горнозаводского Урала Луньевка, Калино, Горноблагодатская, С. Донато, Егоршино Владимир Ильич обвел кружками.

Когда это было сделано? Вероятно, летом 1919 года, когда Красная Армия на Восточном фронте перешла в наступление и вышвырнула Колчака с Урала. По этим небольшим городкам и поселкам прокатились на восток сокрушающим валом части 3-й армии Восточного фронта — те красноармейские полки и дивизии, которым 1 июля 1919 года В. И. Ленин послал приветственную телеграмму:

«Симбирск.

Реввоенсовет Востфронта

копия Штарм 3

Поздравляю геройские красные войска, взявшие Пермь и Кунгур. Горячий привет освободителям Урала. Во что бы то ни стало надо довести это дело быстро до полного конца. Крайне необходимо мобилизовать немедленно и поголовно рабочих освобождающихся уральских заводов. Надо найти новые революционные способы тотчас включать этих рабочих в войска для отдыха уставшим и для отпусков на юг. Первую часть телеграммы сообщите полкам.

Предсовоборона ЛЕНИН».

Остановимся лишь на одной пометке — на одном кружке, поставленном на карте рукой Владимира Ильича. На кружке, которым отмечен крупный железнодорожный узел Егоршино (ныне Артемовский) к северу-востоку от Екатеринбурга (Свердловска)... Книжки по истории гражданской войны сообщают нам, что 19 июля 1919 года в 12 километрах от станции Егоршино конная группа 3-й армии под командованием Н. Д. Томина завязала бой с колчаковскими частями, которые после многодневного и беспорядочного отступления сумели, наконец, закрепиться на этом рубеже.

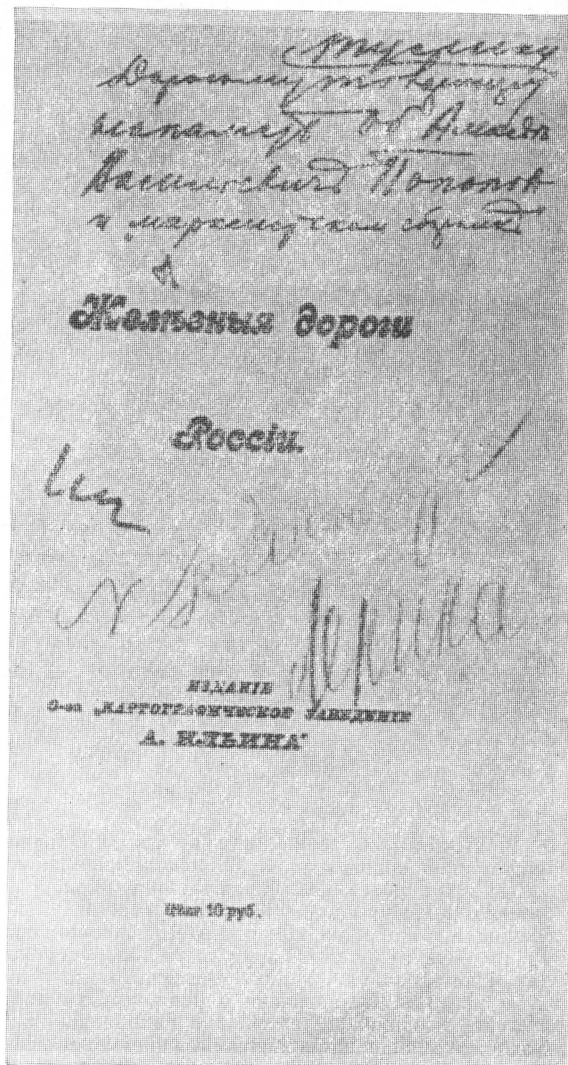
Бой был тяжелый, кровопролитный. Белогвардейцы не могли больше откатываться назад: войска генерала Пепеляева были бы в таком случае отрезаны от остальной колчаковской армии красными конниками Н. Д. Томина. Эта конная группа, вступившая в бой всего лишь пять дней назад, прошла

не одну сотню километров, освободила горные заводы Урала: Верхне-Тагильский, Невьянский, Висимо-Шайтанский — и перерезала железную дорогу Екатеринбург — Нижний Тагил. Колчаковцы едва успевали уносить ноги, дороги их панического отступления были усеяны повозками и оружием.

Но и под Егоршино колчаковцам не удалось задержать стремительный рейд красных кавалеристов. 19 июля эта станция была очищена от белых. Конная группа устремилась дальше, на восток, и вскоре колчаковцы были выбиты из Ирбита, Камышлова, Дюлатова и Кургана.

Что за человек был командир этой конной группы?

Николай Дмитриевич Томин — один из легендарных героев, которыми так богата эпоха Октябрьской революции и гражданской войны. Простой оренбургский казак, с малых лет батрачивший на местных

Надпись В. И. Ленина на обложке атласа «Железные дороги России».

купцов-маслозаводчиков. Солдат на германском фронте в первую мировую войну, награжденный двумя георгиевскими крестами. В начале Октябрьской революции младший урядник Томин провел Оренбургскую казачью дивизию через гетманскую Украину и обратился в ЦК большевистской партии с просьбой отправить эту дивизию на Южный Урал для борьбы с контрреволюционным мятежом атамана Дутова.

Вместе с В. К. Блюхером Томин командовал героическим походом уральских партизан летом 1918 года.

«Личность Н. Д. Томина, — писал маршал Блюхер, — очень интересная. Этот человек произвел на меня сильное впечатление... Он был человеком изумительной честности, беспредельной храбрости и чрезвычайно упрямый... Его отряд был исключительно дисциплинированным».

После разгрома колчаковщины Николай Дмитриевич Томин, беспартийный военачальник, награжденный двумя орденами Красного Знамени, сражался на других фронтах гражданской войны. Летом 1920 года, в дни боев с войсками панской Польши, кавалерийская дивизия, которой он командовал, первой вошла в Вильно... В тяжелые для страны январские дни 1924 года Николай Дмитриевич стал коммунистом ленинского призыва. В том же году 12 августа комдив Томин погиб в Восточной Бухаре в схватке с басмачами.

Очень многое можно рассказать, если пойти вслед за пометками, сделанными рукой Владимира Ильича Ленина на картах железнодорожного атласа — его настольной книги. От пометок — к событиям, котормы, по всей вероятности, они были вызваны; а от событий — к их участникам, к их судьбам, к их подвигам, их последующей жизни, неразрывно связанной с революцией, с партией большевиков-ленинцев.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о самом атласе.

«Однажды, — сообщает Л. А. Фотиева в своих воспоминаниях о В. И. Ленине, — он (атлас железных дорог. — А. Ш.) исчез, Владимир Ильич очень жалел об этом, так как в нем было много его отметок, несколько раз просил нас опросить всех, кто у него бывает, предлагая заменить его другим экземпляром. Мы опросили всех, кого только можно было, но указатель так и не нашелся. После этого на другом экземпляре Владимир Ильич сделал надпись: «экземпляр Ленина», и предупредил нас, чтобы нужные ему книги мы не разбрасывали в кабинете, так как товарищи не считают за большой грех стащить интересующую их книгу».

Итак, атлас, который хранится ныне в Центральном партийном архиве, — это второй экземпляр. А первый, с многочисленными пометками, сделанными рукой Ильича, так и не был найден... Безнадежно ли он утрачен?.. Хочется верить, что нет!.. И мы обращаемся ко всем нашим читателям: не попадался ли вам железнодорожный атлас, титульный лист которого вы видите на фотоснимке? Поищите в личных библиотеках, поглядите в государственных книгохранилищах. А найдете — полистайте внимательно. И если на картах вы обнаружите пометки, которые могут быть пометками В. И. Ленина, — отнесите его на проверку в местный партийный архив. Ни одна крупница поистине бесценного ленинского наследия не должна быть нами утеряна!

А. ШАМАРО

ВЕНГРИЯ

НЕФТЕПРОВОД «ДРУЖБА», питающий волжской нефтью индустрию братских стран, дал новый толчок развитию венгерской нефтеперерабатывающей промышленности.

В этом году вступит в строй самый большой в стране нефтеперерабатывающий завод в Сазхаломбатте. В Гедёлле, недалеко от Будапешта, в 1967—1968 годах будет построена новая насосная станция.

На мазуте, полученном после переработки советской нефти, работают два агрегата строящейся самой крупной в стране Дунайской теплоэлектростанции.

РАБОТЫ ВЕНГЕРСКИХ «ИСКАТЕЛЕЙ ВОДЫ» получили мировую известность. Гидрологи из Венгрии работают в Гане, Нигерии и Мали, помогая этим молодым странам Африки в разведке запасов воды. А недавно венгерских «искателей воды» пригласили ОАР и Ирак.

Заключено новое соглашение о проведении венгерскими специалистами пятилетней программы исследований и разработки подземных вод в Монгольской Народной Республике. По этому соглашению венгерские гидрогеологи взялись пробурить в Монголии 220 артезианских скважин.

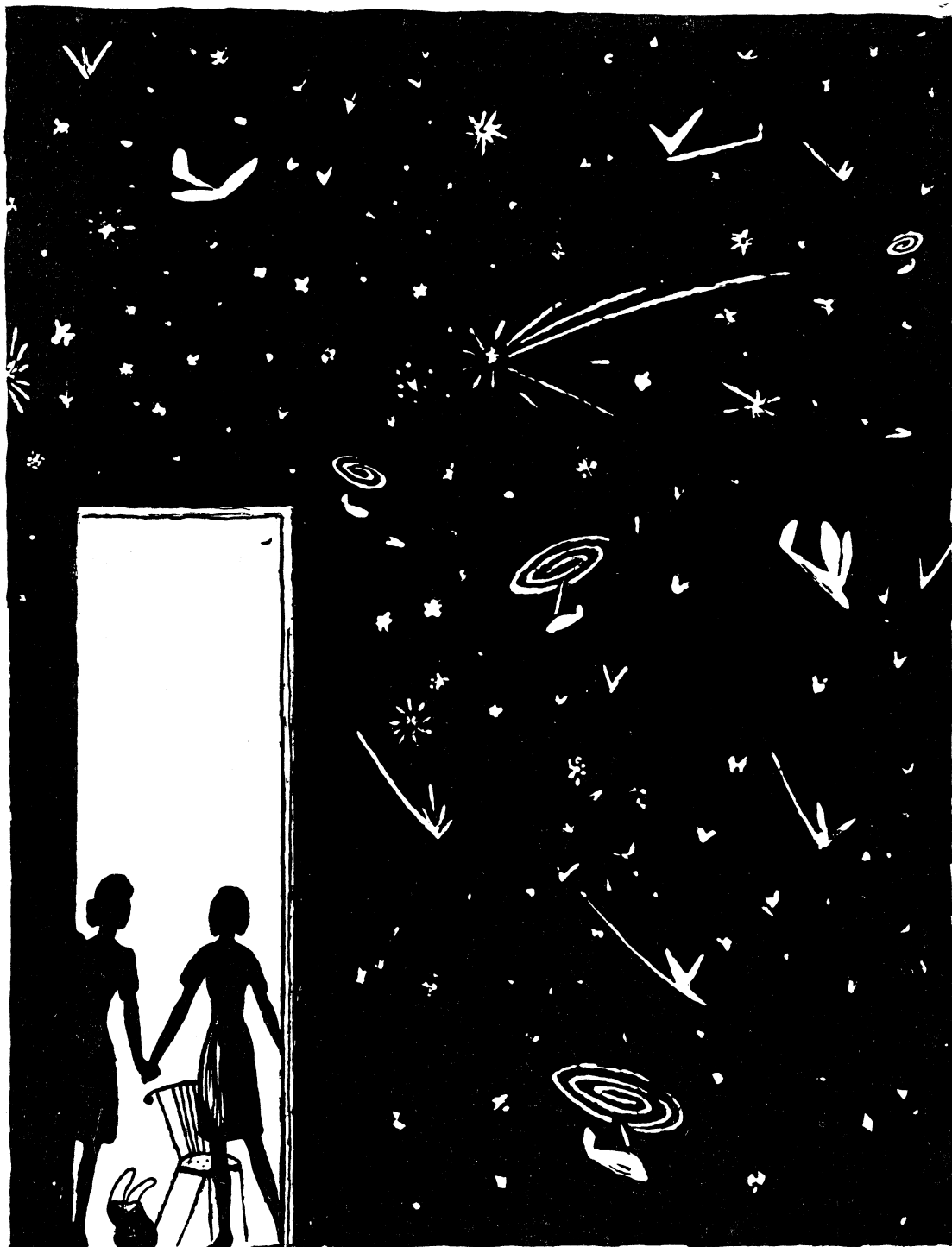
НА ЮЖНЫХ СКЛОНАХ РУДНЫХ ГОР в Словакии берет начало река Ипель. Вбирая в себя многочисленные притоки, река устремляется на юг, к Дунаю. Два с половиной года венгерские и чехословацкие специалисты проводили картирование и разрабатывали план совместного использования плодородной Приипельской низменности. В этот план входит, в частности, создание водохранилища в верхнем течении Ипеля, воды которого пойдут на орошение земель в обеих странах.

1200 СОРТОВ СЕМЯН сельскохозяйственных культур выращивается на экспорт в Венгрии. В том числе семена клевера и других кормовых трав, арбузов, укропа, семена 70 сортов гороха, 40 видов цветов, 40 процентов экспорта венгерских семян идет в страны — участницы Совета Экономической Взаимопомощи, остальное закупают Австрия, Англия, Нидерланды, многие скандинавские страны, Франция, ФРГ, Швейцария, Ирак, Алжир, США и Канада...

62 МОСТА отправлено из Венгрии в Индию. Длина каждого моста в собранном виде 35 — 40 метров, вес — 4500 тонн.

20 ВАГОНОВ столовых улиток вывезено в прошлом году из Венгрии во Францию, ФРГ и Швейцарию. Чтобы собрать этот богатый урожай, был произведен «посев»: миллионы маленьких улиток в сухую летнюю погоду были переселены под сень лесов.

28 СТРАН мира закупают в Венгрии лекарственные травы. Дело в том, что в стране не только собирают дикорастущие лекарственные травы, но и специально выращивают их. Плантации лекарственных растений занимают свыше 5 тысяч гектаров.

Рисунки В. ВАКИДИНА

Рэй Брэдбери

ПУСТЫНЯ

Итак, настал желанный час...

Уже смеркалось, но Джейнис и Леонора во флигеле неумоимо укладывали вещи, что-то напевали, почти ничего не ели и, когда становилось невтерпёж, подбадривали друг друга. Только в окно они не смотрели — за окном гущалась тьма, высыпали холодные яркие звезды.

— Слышишь? — сказала Джейнис.

Звук такой, словно по реке идет пароход, но это взмыла в небо ракета. И еще что-то — играют на банджо! Нет, это, как положено по вечерам, поют свою песенку саерчки в лето от рождества христово два тысячи третье. Несчетные голоса звучат в воздухе — голоса природы и города. И Джейнис, склонив голову, слушает. Давным-давно в 1849-м, здесь, на этой самой улице, раздавались голоса чревовещателей, проповедников, гадалок, глупцов, школяров, авантюристов — все они собирались тогда в этом городке Индипенденс, штат Миссури. Они ждали, чтоб подсохла почва после дождей и весенних разливов и поднялись густые травы, плотный ковер, что выдержит их тележки и фургоны, их пестрые судьбы и мечты.

Итак, настал желанный час —
И мы летим, летим на Марс!
Пять тысяч женщин в небесах
Творить сумеют чудеса!

— Такую песенку пели когда-то в Вайоминге, — сказала Леонора. — Чутьочку изменить слова — и вполне подходит для две тысячи третьего года.

Джейнис взяла маленькую — не больше спичечной — коробочку с питательными пиллюлями и мысленно прикинула, сколько всего везли в тех старых фургонах на огромных колесах. На каждого человека — тонны груза, подумать страшно! Окорочка, грудинка, сахар, соль, мука, сушеные фрукты, галеты, лимонная кислота, вода, имбирь, перец — длиннейший, нескончаемый список! А теперь захвати в дорогу пиллюли не крупнее наручных часиков — и будешь сыт, странствуя не просто от Форта Ларами до Хангтауна, а через всю звездную пустыню.

Джейнис распахнула дверь чулана — и чуть не вскрикнула. На нее в упор смотрели тьма и межзвездные бездны.

Много лет назад было в ее жизни два таких случая: сестра заперла ее в чулан, а она визжала и отбивалась, а в другой раз в гостях, когда играли в прятки, она через кухню выбежала в длинный темный коридор. Но это оказался не коридор. Это была неосвещенная лестница, глубокий черный колодец. Она выбежала в пустоту. Опора ушла из-под ног, Джейнис закричала и свалилась. Вниз, в непроглядную черноту. В погреб. Она падала долго — успело гулко ударить сердце. И долго-долго она задышалась в том чулане — ни один луч света не пробивался к ней, ни одной подружки не было рядом, никто не слышал ее криков. Совсем одна, взаперти, во тьме. Падаешь во тьму. И кричишь!

Два воспоминания.

И вот сейчас распахнулась дверь чулана, и тьма повисла бархатным пологом, таким плотным, что можно потрогать его дрожащей рукой: точно черная пантера, дышала тьма, глядя в лицо тусклым взором, — и те давние воспоминания вдруг нахлынули на Джейнис. Бездна и падение. Бездна и одиночество, когда тебя заперли, и кричишь, и никто не слышит. Они с Леонорой укладывались, работали без передышки и при этом старались не смотреть в окно на пугающий Млечный Путь, в бескрайнюю, беспредельную пустоту. И только старый привычный чулан, где затаился свой, отдельный клочок ночи, напомнил им наконец, о том, что их ждет.

Вот так и будешь скользить в пустоту, к звездам, во тьме, в огромном, чудовищном черном чулане, и станешь кричать и звать, и никто не услышит. Вечно падать сквозь тучи метеоритов, среди безбожных комет. В бездонную лестничную клетку. Через немыслимую, как в кошмарном сне, угольную шахту — в ничто.

Она закричала. Ни звука не сорвалось с ее губ. Вопль метался в груди, в висках. Она кричала. С маху захлопнула дверь чулана! Навалилась на нее всем телом. Чувствовала, как по ту сторону дышит и скулит тьма, и изо всей силы держала дверь, и слезы выступили у нее на глазах. Она долго стояла так и смотрела, как Леонора укладывает вещи. И, наконец, дрожь унялась. Истерика, которой не дали волю, понемногу отступила. И стало слышно, как трезво, рассудительно тикают на руке часы.

— Шестьдесят миллионов миль! — она подошла, наконец, к окну, точно ступила на край глубокого колодца. — Просто не могу поверить, что сейчас на Марсе наши мужчины строят города и ждут нас. — Верить надо только в завтрашнюю ракету — не опоздать бы на нее!

Джейнис подняла обеими руками белое платье, в полутемной комнате оно казалось призраком.

— Странно это... выйти замуж на другой планете.

— Пойдем-ка спать.

— Нет! В полночь вызовет Марс. Я все равно не усну, буду думать, как мне сказать Уиллу, что я решила лететь. Ты только представь, мой голос полетит к нему по световому за шестьдесят миллионов миль! Я боюсь: а вдруг передумаю, со мной ведь это бывало.

— Наша последняя ночь на Земле...

Теперь они знали, что так оно и есть, и примирились с этим: уже не укрыться было от этой мысли. Они улетают и, быть может, никогда не вернуться. Они покидают город Индипенденс в штате Миссури: на североамериканском континенте, который омывает два океана: с одной стороны Атлантический,

с другой — Тихий, и ничего этого не захватишь с собой в чемодане. Все время они страшились посмотреть в лицо этой суровой истине. А теперь она стала перед ними во весь рост. И они оцепенели.

— Наши дети уже не будут американцами, они даже не будут людьми с Земли. Теперь мы на всю жизнь марсиане.

— Я не хочу! — вдруг крикнула Джейнис.

Ужас сковал ее.

— Я боюсь! Бездна, тьма, ракета, метеориты... И все, все останется позади! Ну зачем мне лететь?! Леонора обхватила ее за плечи, прижала к себе и стала укачивать, как маленькую.

— Там новый мир. Так бывало и в старину. Мужчины идут вперед, женщины — за ними.

— Нет, ты скажи, зачем, ну зачем это мне?

— Затем, — спокойно сказала Леонора и усадила ее на край кровати. — Затем, что там Уилл.

Отрадно было услышать его имя. Джейнис притихла.

— Это из-за мужчин нам так трудно, — сказала Леонора. — Когда-то бывало, если женщина одолеет ради мужчины двести миль, это уже событие. Потом они стали уезжать за тысячу миль. А теперь улетают на другой край вселенной. Но все равно это нас не остановит, правда?

— Боюсь, в ракете я буду дура душой.

— Ну и я буду душой, — сказала Леонора и поднялась. — Пойдем-ка погуляем на прощанье. Джейнис выглянула из окна.

— Завтра все в городе пойдет по-прежнему, а нас тут уже не будет. Люди проснутся, позавтракают, займутся делами, лягут спать, на следующее утро опять проснутся, а мы уже ничего этого не узнаем, и никто про нас не вспомнит.

Они слепо кружили по комнате, словно не могли найти выход.

— Пойдем.

Отворили, наконец, дверь, погасили свет, вышли и закрыли за собой дверь.

В небе царил небывалое оживление. То ли распускались огромные цветы, то ли свистала, кружила, завивалась невиданная метель. Медлительными снежными хлопьями опускались вертолеты. Еще и еще прибывали женщины — с востока и запада, с юга и севера. Все огромное ночное небо снежило вертолетами. Гостиницы были переполнены, радушно распахивались двери частных домов, в окрестных полях и лугах поднимались целые палаточные городки, точно странные уродливые цветы, и весь город и его окрестности согреты были не только одной летней ночью. Тепло излучали запрокинутые к небу раздумывавшиеся лица женщин и загорелые лица юношей. За грядой холмов готовились к старту ракеты, казалось — кто-то разом нажимает все клавиши гигантского органа, и от могучих аккордов ответно трепетали все стекла в каждом окне и каждая косточка в теле. Дрожь отдавалась в зубах, в руках и ногах, до самых кончиков пальцев.

Леонора и Джейнис сидели в аптеке среди незнакомых женщин.

— Вы премило выглядите, красавицы, только что вы нынче невеселые? — сказал им продавец за стойкой.

— Два стакана шоколада на солоде, — попросила Леонора и улыбнулась за двоих, потому что Джейнис не промолвила ни слова.

И обе уставились на свои стаканы, точно на редкостную картину в музее. Не скоро, очень не скоро на Марсе можно будет побаловаться солодовым напитком.

Джейнис порылась в сумочке, нерешительно вытащила конверт и положила на мраморную стойку.

— От Уилла. Пришло с почтовой ракетой два дня назад. Из-за этого я и решила лететь. Я тебе сразу не сказала. Посмотри. Возьми, возьми, прочти записку.

Леонора вытряхнула из конверта листок бумаги и прочтала вслух:

«Милая Джейнис. Это наш дом, если, конечно, ты решишь приехать. УИЛЛ!».

Леонора еще постучала по конверту, и из него выпала на стойку блестящая цветная фотография. На фотографии был дом — старый, замшелый, золотисто-коричневый, как леденец, уютный дом, а вокруг адели цветы, прохладно зеленел папоротник, и веранда заросла косматым плющом.

— Но позволь, Джейнис!

— Да?

— Это же твой дом здесь, на Земле, на Улице вязов!

— Нет. Смотри получше.

Обе всмотрелись — по сторонам уютного коричневого дома и за ним открывался вид, какого не найдешь на Земле. Почва была странного лилового цвета, трава чуть отливала красным, небо сверкало, как серый алмаз, а сбоку причудливо изогнулось дерево, похожее на старуху, в чьих седых волосах запутались блестящие льдинки.

— Этот дом Уилл построил там для меня, — сказала Джейнис. — Как посмотрю, легче на душе. Вчера, когда я оставалась на минутку одна и меня одолевал страх, я каждый раз вынимала эту карточку и смотрела.

Они не сводили глаз с фотографии, разглядывая уютный дом, что ждал за шестьдесят миллионов миль отсюда, знакомый и все же незнакомый, старый и совсем новый, и справа теплый желтый прямоугольник — это светится окно гостиной.

— Молодчина Уилл, — Леонора одобрительно кивнула. — Он знает, что делает.

Сни допили коктейль. А по улице все бродили оживленные толпы приезжих, и падал, падал с летнего неба нетающий снег.

Они накупили в дорогу уйму всякого вздора — пакетики лимонных леденцов, дамские журналы на глянцевиной бумаге, тонкие духи; потом взяли прокат две гравизащитные куртки — наряд, в котором стоит коснуться едва заметной кнопки на поясе — и порхаешь, как мотылек, бросая вызов земному притяжению, — и, словно подхваченные ветром цветочные лепестки, понеслись над городом.

— Все равно куда, — сказала Леонора. — Куда глаза глядят.

Они отдались на волю ветра, и он понес их сквозь летнюю ночь, полную яблоневого цвета и оживленных приготовлений, над милым городом, над домами их детства и юности, над школами и улицами, над ручьями, лугами и фермами, такими родными, что каждое зерно пшеницы было дорожке золота. Они трепетали, точно листья под жарким дуновением ветра, что предвещает грозу, когда в горах уже сверкают летние молнии. Под ними в полях белели пыльные дороги — еще так недавно они по спирали спускались здесь на блестящих под луну стрекочущих вертолетах и дышали ноч-

ной прохладой на берегу реки, и с ними были их любимые, которые теперь так далеко...

Они парили над городом, уже отдаленным, хотя они пока не так высоко поднялись над землей; город уходил вниз, словно черная река, и вдруг, точно гребень волны, вздымался свет живых и ярких огней... И все же город был уже недосыгаем, уже только видение, затянутое дымкой отчужденности; он еще не скрылся навсегда из глаз, а память уже в тоске и страхе оплакивала утрату.

Покачиваясь и кружа в воздухе, они украдкой за-

глядывали на прощанье в сотни родных и милых лиц, которые проплывали мимо в рамках освещенных окон, будто уносимые ветром; но это само Время подхватило их обеих и несло своим дыханием. Они всматривались в каждое дерево — ведь кора хранила вырезанные на ней когда-то призна- ния; скользили взглядом по каждому тротуару. Впервые они увидели, как прекрасен их город, прекрасны и одинокие огоньки и потемневшие от старости кирпичные стены, — они смотрели расши- ренными глазами и упивались этой красотой. Город кружил под ними, точно праздничная карусель; по- рой всплеснет музыка, забормочут, перекликнутся голоса в домах, мелькнут призрачные отсветы теле- визионных экранов.

Две женщины скользили в воздухе, точно иглы, и за ними от дерева к дереву тонкой нитью тянулся аромат духов. Глаза, кажется, уже не вмещали ви- денного, а они все откладывали впрок каждую ме- лочь, каждую тень, каждый одинокий дуб и вяз, каждую машину, пробегающую там, внизу, по из- вилстой улочке, и вот уже полны слез глаза, полны с краями и голова и сердце...

«Точно я мертвая, — думала Джейнис, — точно лежу в могиле, а надо мной весенняя ночь, и все живет и движется, а я нет, все готово жить дальше без меня. Так бывало в пятнадцать, в шестнадцать лет: весной я не могла спокойно пройти мимо клад- бища, всегда плакала, думала — ночь такая чудес- ная и я живу, а они все лежат мертвые, и это не- справедливо, несправедливо. Мне стыдно было, что я живу. А вот сейчас, сегодня меня будто вытащили из могилы и сказали — один только раз, последний, посмотри, какой он, город, и люди, и что это значит — жить, а потом за тобой опять за- хлопнется черная дверь».

Тихо-тихо, качаясь на ночном ветру, словно два белых бумажных фонарика, проплывали они над своей жизнью, над прошлым, над лугами, где в све- те множества огней раскинулись палаточные город- ки, над большими дорогами, где до рассвета будут второпях тесниться грузовики с припасами для дальнего пути. Долго смотрели они сверху на все это и не могли оторваться.

Часы на здании суда гулко пробили три четверти двенадцатого, когда две женщины, словно две пау- тинки, слетевшие со звезд, опустились на залитую лунной мостовую перед домом Джейнис. Город уже спал, и дом Джейнис сулил покой и сон им тоже, но обеим было не до сна.

— Неужели это мы? — сказала Джейнис. — Мы, Джейнис Смит и Леонора Холмс, и на дворе год две тысячи третий?

— Да.

Джейнис провела языком по пересохшим губам и выпрямилась.

— Хстела бы я, чтобы это был какой-нибудь другой год.

— Тысяча четыреста девяносто второй? Тысяча шестьсот двенадцатый? — Леонора вздохнула, и заодно с нею вздохнул, пролетая, ветер в листве деревьев. — Всегда было не одно, так другое — отплытие Колумба, высадка в Плимут-Роке. И хоть убей, не знаю, как тут быть нам, женщинам.

— Оставаться старыми девами.

— Или сниматься с якоря, как мы сейчас.

Они открыли дверь, дом дохнул им навстречу теплом и ночной тишиной, шум города медленно отступал. Они закрыли за собой дверь, и тут в доме раздался звонок.

— Вызов! — крикнула на бегу Джейнис.

Леонора вошла в спальню за нею по пятам, но Джейнис уже схватила трубку и повторяла: «Алло, алло!» В большом далеком городе техник готовился включить огромный аппарат, который соединит сейчас два мира, и две женщины ждали — одна, вся побелев, сидела с трубкой в руках, другая склонилась над нею, и в лице ее тоже ни кровинки.

Настало долгое затишье, и в нем только звезды и время — нескончаемое ожидание, какими были для них и все последние три года. И вот настал час, пришла очередь Джейнис позвать через миллионы миль, через бездну, где мчатся метеориты и кометы, убегая от рыжего солнца, которое вот-вот опалит и расплавит ее слова и выжжет из них всякий смысл. Но голос ее все пронизал серебряной иглой, прошел стезжками слов бескрайнюю ночь, отразился от лун Марса. И нашел того, кто ждал в далекой-далекой комнате, в городе на другой планете, до которой радиоволнам лететь пять минут. Вот что она сказала:

— Здравствуй, Уилл! Это я, Джейнис!

Она сглотнула комок, застрявший в горле.

— Дают так мало времени. Только одну минуту.

Она закрыла глаза.

— Я хочу говорить медленно, а велят побыстрее. Так вот... я решила. Я приеду. Я вылетаю завтрашней ракетой. Я все-таки прилечу к тебе. И я тебя люблю. Надеюсь, ты меня слышишь. Я тебя люблю. Я так соскучилась...

Голос ее полетел к далекому невидимому миру. Теперь, когда все уже было сказано, ей захотелось вернуть свои слова, сказать не так, по-другому, лучше объяснить, что у нее на душе. Но слова ее уже неслись среди планет, и если б какое-нибудь чудо космической радиации заставило их вспыхнуть и засветиться, подумала Джейнис, ее любовь озарила бы десятки миров, и на той стороне земного шара, где сейчас ночь, люди изумились бы неурочной заре. Теперь ее слова принадлежат уже не ей, но межпланетному пространству, они ничьи, пока не долетят до цели, к которой они мчатся со скоростью сто восемьдесят шесть тысяч миль в секунду.

«Что он мне ответит? — думала она. — Что скажет он в ту короткую минуту, которая отведена ему?» Она беспокойно вертела и теребила часы на руке, а в трубке световфона потрескивало — само пространство говорило с Джейнис, она слы-

шала неистовую пляску электрических разрядов и голос магнитных бурь.

— Он уже ответил? — шепнула Леонора.

— Ш-ш! — Джейнис пригнулась к самым коленям, точно ей стало дурно.

И тогда из бездны долетел голос Уилла.

— Я его слышу! — воскликнула Джейнис.

Голос звучал с Марса, он летел через пустоту, где не бывает ни рассвета, ни заката, лишь вечная ночь, и во мраке — пылающее солнце. И где-то на полпути между Марсом и Землей голос потерялся — быть может, слова захватил силою тяготения и увлек за собой пронесшийся мимо наэлектризованный метеорит, быть может, на них обрушился серебряный дождь метеоритной пыли — как знать. Но только все мелкие, незначительные слова будто смыло. И когда голос долетел до Джейнис, она услышала одно лишь слово:

— ...люблю...

И опять воцарилась бескрайняя ночь, и слышно было, как вращаются звезды и что-то нашептывают солнца, и голос еще одного мира, затерянного в пространстве, отдавался у нее в ушах — гром ее собственного сердца.

— Ты его слышала? — спросила Леонора.

У Джейнис едва хватило сил кивнуть.

— Что же он говорил, что он говорил?

Но этого Джейнис не сказала бы никому на свете, это была радость слишком дорогая, чтобы ею можно было поделиться. Она сидела и вслушивалась — в памяти опять и опять звучало то единственное слово. Она сидела и вслушивалась и даже не заметила, как Леонора взяла у нее из рук трубку и положила на рычаг.

И вот они лежат в постелях, свет погашен, в комнатах веет ночной ветер, а в нем — дыханье долгих странствий среди мрака и звезд; и они говорят о завтрашнем дне и о днях, которые настанут после; то будут не дни и не ночи, но неведомое время без границ и пределов; а потом голоса смолкнут, заглушенные то ли сном, то ли бессонными мыслями, и Джейнис остается в постели одна.

Так вот как бывало столетие с лишним назад? — думается ей. В маленьких городках на востоке страны женщины в последнюю ночь, в ночь кануна, ложились спать и не могли уснуть и слышали в ночи, как фыркают и переступают лошади, и скрипят огромные фургоны, снаряженные в дорогу, и под деревьями шумно дышат волю, и плачут дети, до срока узнав одиночество. Равнины и лесные чащи голнилились извечным шумом прибытий и отъездов, и кузнецы за полночь гремели молотами в багровом аду подле своих горнов. И пахло грудинкой и окороками, что коптились на дорогу, и, словно корабли, тяжело раскачивались фургоны, до отказа нагруженные припасами для перехода через прерию; в деревянных бочонках плескалась вода, ошалело кудахтали куры в корзинах, подвешенных снизу к осям; собаки убежали вперед и в страхе прибежали обратно, и в глазах у них отражалась пустыня. Значит, вот как было в те давние времена? На краю бездны, на грани звездной пропасти. Тогда был запах буйволов, в наши дни — запах ракеты. Значит, вот как это было?

Дремотные мысли путались, и, уже погружаясь в сон, она окончательно поняла — да, конечно, неизбежно и неотвратимо, — так было от века, и так будет во веки веков.

Перевела с английского НОРА ГАЛЬ

ВЕСТИ ИЗ БРАТСКИХ СТРАН

ВЕНГРИЯ

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ — 210 крепостей и замков, построенных в XIII—XVI веках, взяты государством под охрану. Во многих из них ведутся реставрационные работы.

В некоторых из реставрированных средневековых замков открыты отели для путешественников. Средневековая экзотика, современный сервис и прославленная национальная кухня привлекают сюда множество экскурсантов и туристов.

ОЗЕРО ВЕЛЕНЦЕ стало новым домом для 700 тысяч мальков белого амура и других рыб, привезенных из Советского Союза. Сотрудники Сарвашского экспериментального института рыбного хозяйства установили, что в стране хорошо акклиматизируются эти азиатские растительноядные породы рыб.

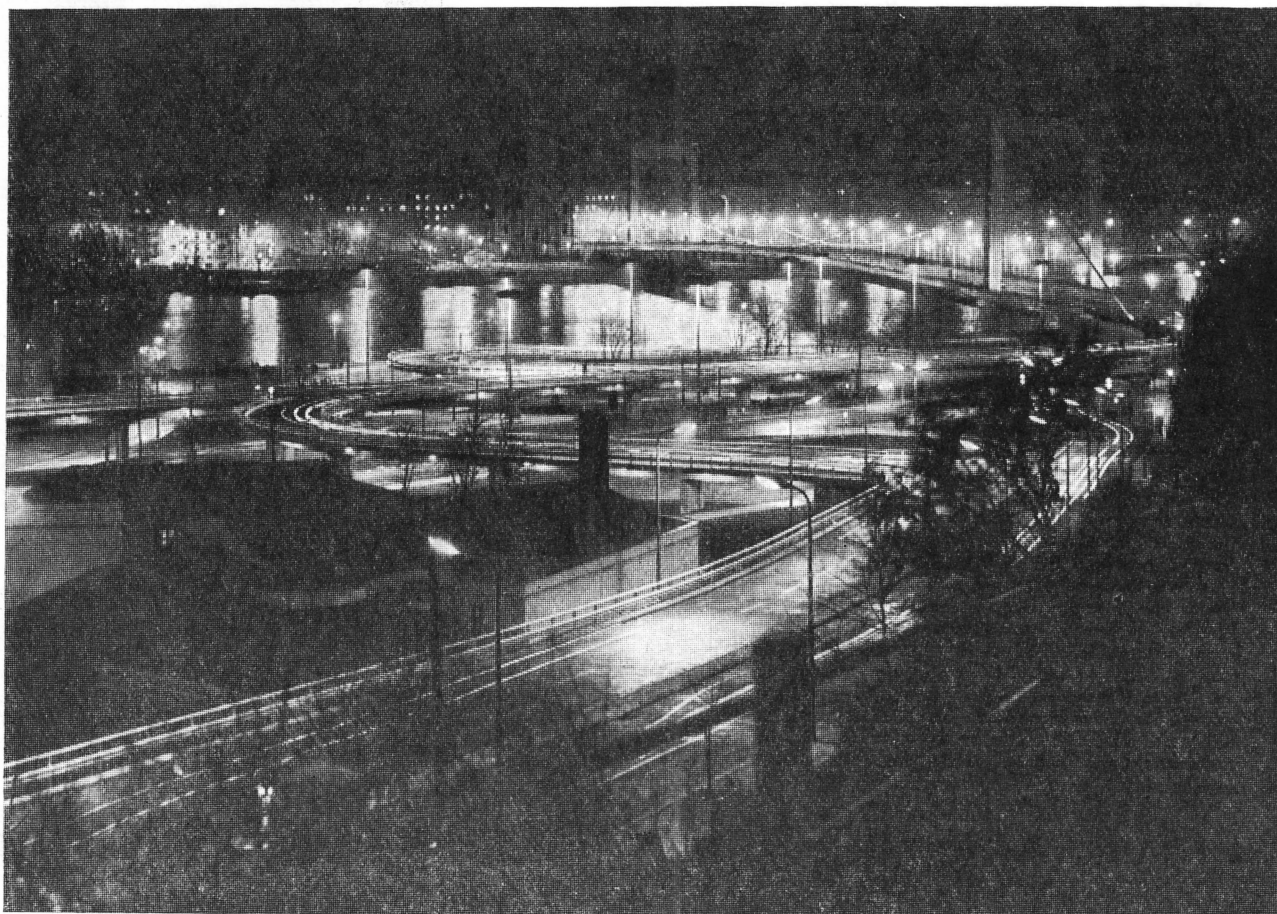
БЛИЗ ПЕЧА создана первая в Венгрии экспериментальная плантация водорослей под открытым небом. Ее площадь 15 тысяч квадратных метров. Водоросли будут использоваться как корм для скота.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА, которой так славилась Венгрия, в последние годы возрождается в охотничьих хозяйствах страны. Здесь обучают охоте на мелкую дичь соколов, ястребов-тетеревятников и халзанов. Скоро будет возобновлена и соколиная охота с лошадей...

Охотничьи угодья страны с некрупной дичью — фазанами, зайцами — привлекают поклонников соколиной охоты из других стран.

МОСТ ЭРЖЕБЕТ-ХИД был одним из красивейших цепных мостов Европы. Будапештцы гордились этим «дунайским красавцем». Во время второй мировой войны мосты венгерской столицы были разрушены, не стало и Эржебета.

И вот осенью прошлого года состоялось открытие нового Эржебет-хида, самого современного по техническому решению кабельного моста Венгрии. Его держат 122 прочных металлических кабеля. Грузоподъемность нового моста в два раза больше, чем у старого, ширина его 27 метров.

ПРОИСШЕСТВИЯ

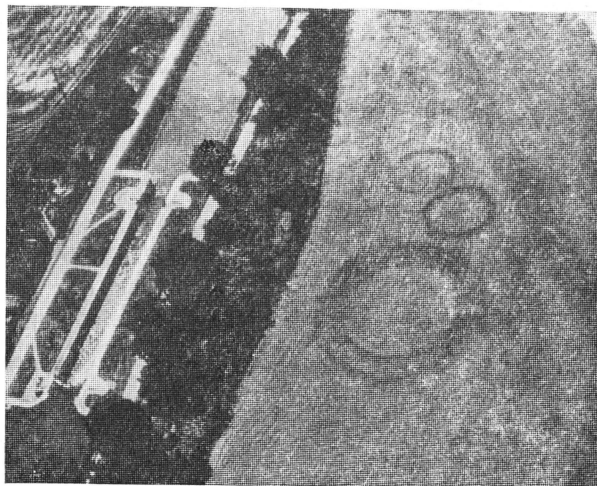
В утреннем ясном небе кружил самолет. Под крылом проплывали деревни, пашни, перелески древней Бургундии. Профессор Гогей, страстный любитель аэрофото-съемок, снимал наиболее эффектно освещенные пейзажи.

Самолет летел вдоль Бургундского канала. Вдруг... Гогей перестал верить глазам. Недалеко от города Дижона среди поля люцерны он увидел громадное, правильной формы кольцо. Казалось, что под землей скрывается гигантский круг — и трава, более густая и яркая, чем на всем поле, ясно обрисовывала его. Рядом были видны другие кольца, правда, не такие заметные и меньших размеров.

Гогей потерял покой. Что скрывается под землей? Какое столетие или тысячелетие оставило свой след на поле люцерны?

Гогей поделился своим открытием с археологами. Начались подготовительные археологические работы, возник ряд гипотез. Одни ученые предполагают, что под зелеными кругами скрываются святилища бронзового века, другие рассчитывают найти под землей остатки средневекового замка, окруженного некогда рвом, через который протекала вода. По их мнению, подземные воды продолжают циркулировать и сейчас, давая дополнительную влагу растениям.

Но пока таинственные круги на поле люцерны остаются загадкой.

Нас трое. Море спокойно. Над нами вьется стайка сардин. Мы внимательно наблюдаем. Спокойствие рыбок означает, что вблизи опасности нет. Как жаль! А ее-то нам и не хватало: давно ждем «дьявола». И вдруг словно электрический ток пробегает по стайке рыб: сверкнув зеркальными блестками, они резко метнулись в сторону.

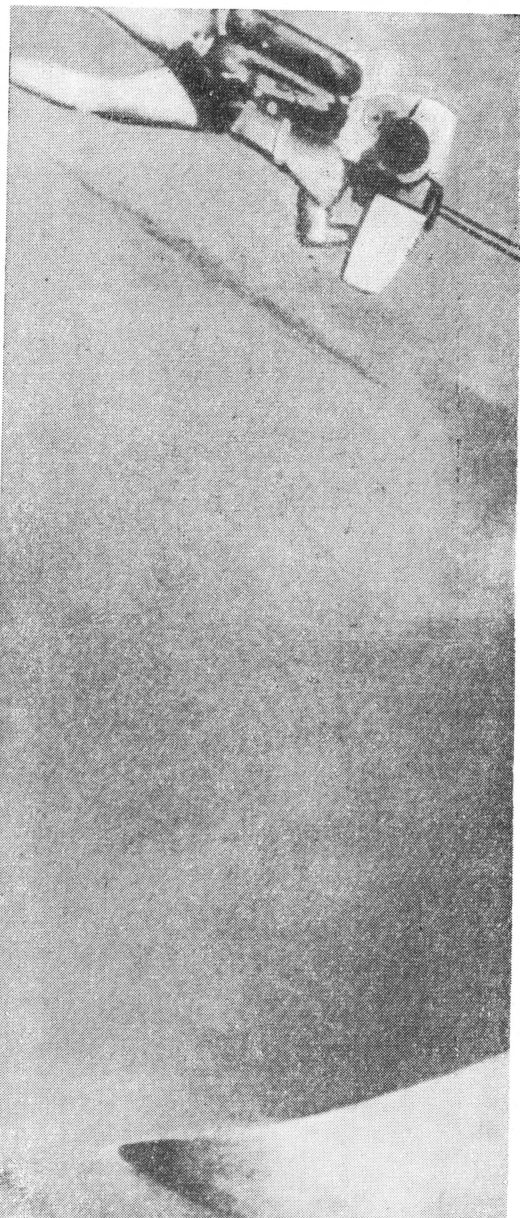
Вот он, морской дьявол! Весом в полторы тонны, с семиметровым размахом плавников-крыльев, вооруженный мощным хвостом с ядовитыми шипами на конце, этот скат вполне заслуживает такого названия.

Чудовище приближается. Вот оно уже повисло над нами. На миг померк солнечный свет, пробивающийся сквозь толщу воды, рельефней стали тени. Кто за кем охотится?... Словно огромные лопасти, шевелятся головные плавники. Иногда они свертываются подобно рогу, прикрывая пасть, — «дьявол» завтракает планктоном..

Очевидно, его покой нарушил стрекот кинокамеры. Плавно взлетели в волнообразном изгибе «крылья». Скат медленно скользнул в сторону. И тут же с места срываются наши ныряльщики — вслед за уплывающим гигантом. Вижу, как вспенил воду гарпун. Через секунду темная масса рванулась из глубины на меня. Я еле успеваю отскочить. Огромные крылья на миг заслонили всю картину битвы. Еще момент — скат выше меня, и я вижу, как вода окрасилась в красный цвет.

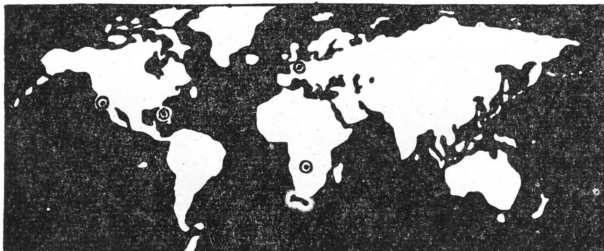
Мне удалось снять крупным планом эту сцену: ныряльщики несутся на буксире у морского дьявола. Двадцатиметровые прочные тросы, прикрепленные к гарпунам, выдержали нагрузку. Они же позволили не только оседлать ската, но и уберечься от губительных ударов его страшного хвоста...

— Так, подвергая себя смертельной опасности, мы победили морского дьявола, — заканчивает свой рассказ об охоте на ската в южной части Средиземного моря итальянский писатель и кинооператор Фолько Куилличи.

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ·ГДЕ·КОГДА·ПОЧЕМУ

ТАИНСТВЕННЫЕ КОЛЬЦА БУРГУНДИИ

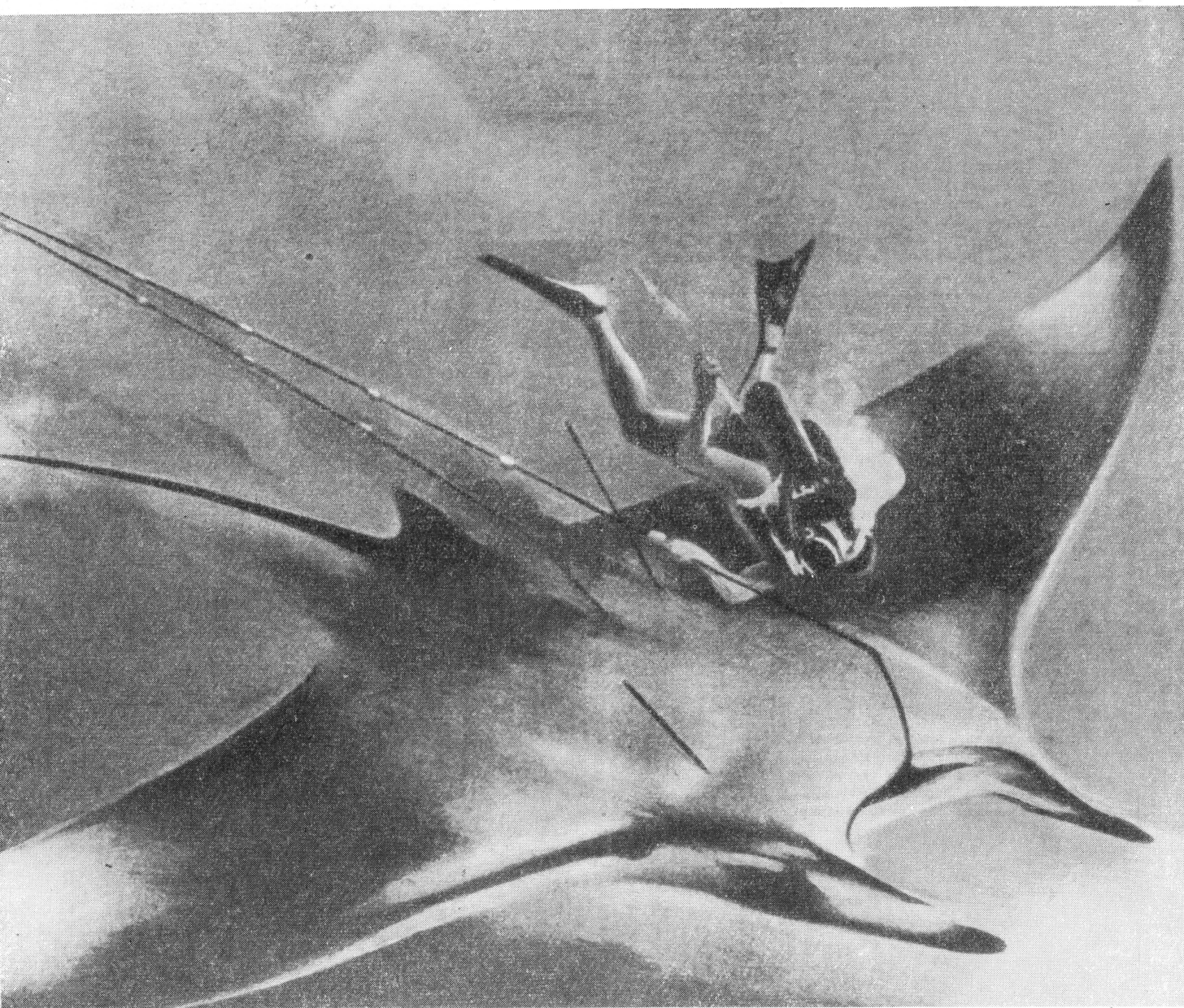
СХВАТКА С МОРСКИМ ДЬЯВОЛОМ

Они шли через джунгли.

...Под ногами чавкает топь. Между скользкими корнями деревьев поблескивают озера черной воды. Высокая жесткая трава режет, колет, цепляется за одежду. Дышать трудно. Воздух влажен, пахнет болотом, гнилью. Топор с трудом прокладывает дорогу через лианы и густой кустарник. Опасность повсюду: зеленые чиявки, прыгающие с деревьев, змеи.

Вот и долина реки Красная, вот и Тан-Лап, место удивительных находок. Среди отвесных скал зияют провалы пещер. Они-то и интересуют вьетнамских и немецких ученых.

Два года назад вьетнамская геолого-археологическая экспедиция в одной из таких пещер случайно «встретилась» с гигантским орангутангом — точнее, с останками давно вымершего животного. Для ученых-палеонтологов такие «встречи» — настоящий праздник. Не меньший интерес представляли и найденные в этих расщелинах скелеты похожих на слонов животных, которые обитали здесь 18—20 тысяч лет назад.

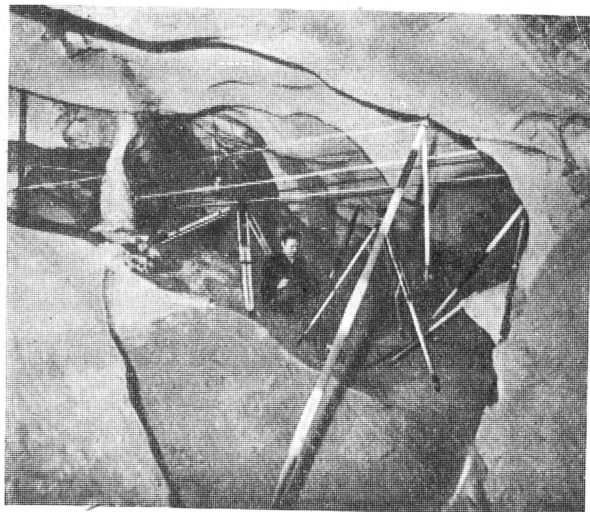

ПРОИСШЕСТВИЯ

Вьетнамские ученые обратились за помощью к крупным специалистам — палеонтологам Веймарского института палеонтологии четвертичного периода (ГДР). В прошлом году четверо немецких палеонтологов прибыли в Демократическую Республику Вьетнам.

Совместные поиски вьетнамских и немецких ученых продолжались около трех месяцев. Были найдены останки человека, жившего в джунглях 200 тысяч лет назад. Всего было исследовано 100 пещер, расселин и лабиринтов. Сделано несколько тысяч палеонтологических находок, благодаря которым впервые появилась возможность познакомиться с фауной вьетнамских джунглей далекого прошлого.

Сейчас в джунгли Северного Вьетнама выехала новая экспедиция.

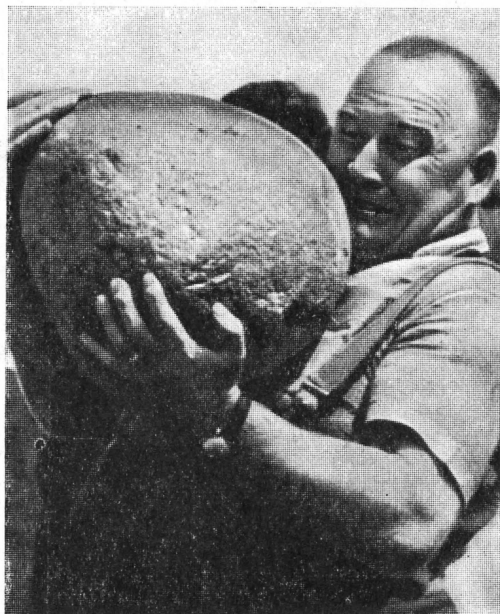
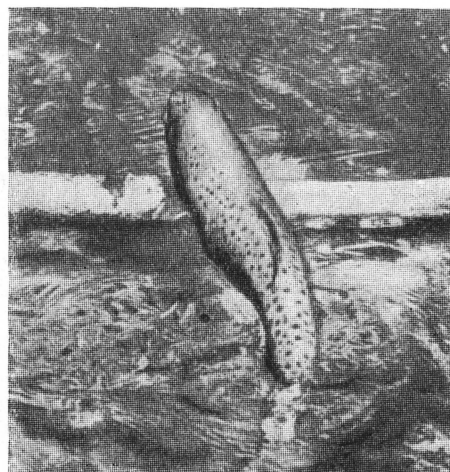

Австралийский мельник Люгер сидел на берегу горного ручья. Закинув удочку, он задумчиво посматривал на плывущие листья. Вдруг струя воды вспенилась, и через секунду он увидел в ручье большую красивую форель. Она плыла вверх по течению, навстречу человеку. Боясь пошевелиться, Люгер машинально протянул форели червяка, приготовленного для наживки. Пестрая рыбка смело повернула к человеку, выпрыгнула из воды и схватила червяка... Домой Люгер возвратился без улова: он скормил всю банку с наживкой.

На следующий день Люгер на том же месте встретил «знакомую» форель. Так завязалась дружба человека с рыбкой из горного ручья...

Люгер назвал ее «Капитаном». Форель осталась жить в ручье: мельник не делал никаких попыток, чтобы пленить доверчивую «пеструшку». Капитан, в свою очередь, проявил полное доверие к человеку. Съев положенную норму, Капитан начинал играть и резвиться. Он любил, когда его ласкали, и понимал, что от него хотят. Как дрессированный дельфин, Капитан брал барьеры, выпрыгивая из воды. Правда, после этого он сразу же направлялся к стакану, где его ждала заслуженная награда — вкусный земляной червяк. Капитан понимал оттенки голоса человека, слушался его, приплывал на зов и уплывал по команде. Он позволял брать себя в руки и слегка пощипывал при этом пальцы...

Кончилось все довольно необычно. Капитан стал знакомить с человеком одну форель за другой, которых он приводил к своему берегу. Теперь их целая флотилия — 20 форелей, и каждую из них Люгер знает по имени и отличает от других. Для своих друзей Люгер соорудил на берегу ручья гавань-бассейн, где теперь днюют и ноют быстрые пестрые рыбки во главе с Капитаном.

Этот валун когда-то лежал на одном из альпийских ледников. Тысячи лет его шлифовали снежные лавины, и он стал гладким и округлым, как голубиное яйцо. Но вот уже много лет его полируют натруженные мозолистые руки швейцарских рабочих и земледельцев.

Каждый год в Швейцарии проводят традиционные на-

ОН ЖИЛ В ДЖУНГЛЯХ 200 ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

«ЗОЛОТАЯ РЫБКА» ИЗ ГОРНОГО РУЧЬЯ

УНШПУННЕНСКОЕ ЯДРО

ЕДИНОБОРСТВО С ЛЕОПАРДОМ

НЕПОКОРЕННЫЙ ФОРС

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

родные состязания по метанию камней. Среди каменных «ядер» — и этот знаменитый валун весом 83,5 килограмма.

Метание камней считается в стране национальным видом спорта. В 1805 году этот валун впервые «участвовал» в празднике швейцарских пастухов в местечке Уншпуннен, и с тех пор он кочует из кантона в кантон, с праздника на праздник.

«Уншпунненский камень», пожалуй, самый древний из применяемых в современном спорте снарядов.

При первых атаках Мелвин Кунтц еще сохранял равновесие. С поразительной ловкостью увертывался он от когтей и зубов нападающего хищника. Но вот противники сплелись в клубок, покатались в траву. Клыки леопарла коснулись обнаженной руки Кунтца...

Трагический исход схватки казался неминуемым. Но... оба борца, отряхиваясь, поднялись с земли. Тренер доволен. На этот раз на укушенной руке не заметно даже царапин.

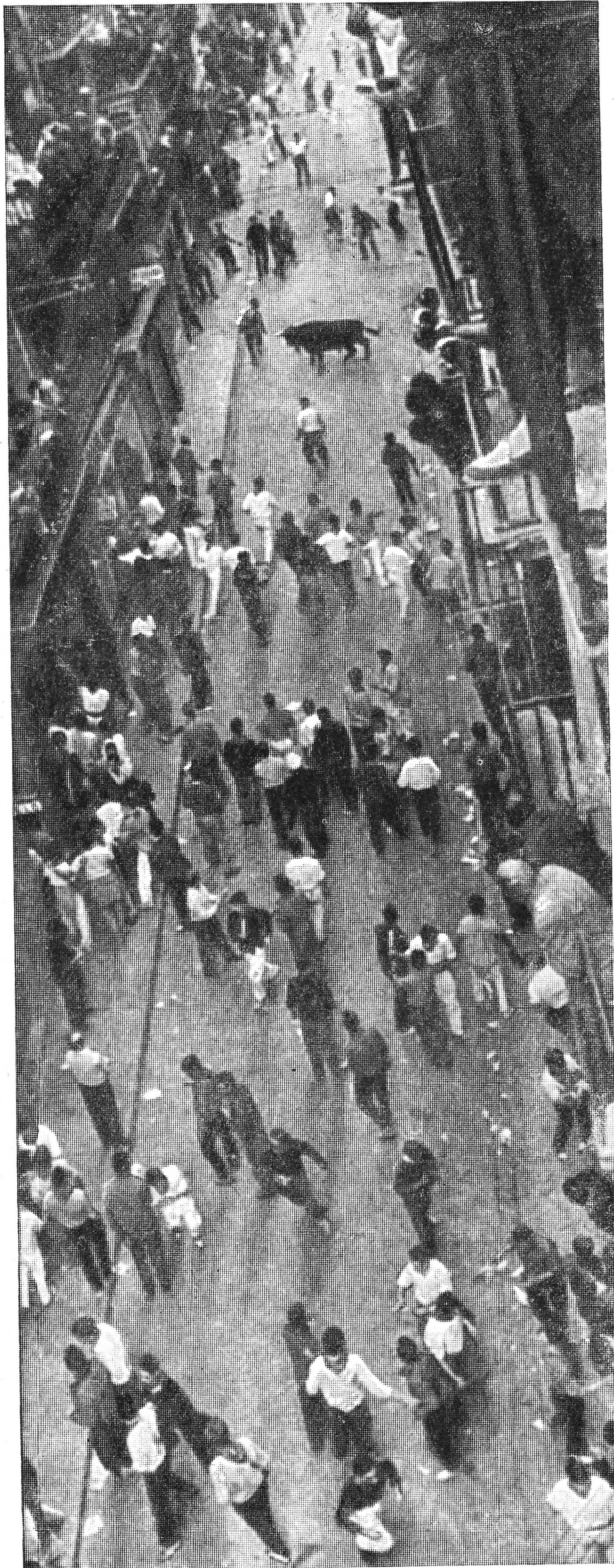
Каждый день вступает в единоборство с дикими животными американский дрессировщик Мелвин Кунтц. Его профессия — тренировка будущих четвероногих киноартистов: львов, леопардов и тигров. Он учит своих кровожадных питомцев нападать, кусать и бороться только для видимости, не причиняя вреда человеку. Это долгий, утомительный и опасный труд. Дрессированные звери, не опасные в спокойном состоянии, в процессе обучения легко входят в азарт и могут в любой момент допустить ошибку — не рассчитать силы своих объятий и укусов.

Бесчисленные шрамы на теле Кунтца свидетельствуют о тесном «контакте» тренера и его питомцев.

Белые гребешки бушующего потока как будто замирают на мгновение, прицеливаются, а потом подскакивают, отдавая спину картечью тяжелых холодных брызг. Рубашка хоть выжми, но спортсмен неторопливо перебирает руками и ногами тонкий стальной трос. Он не спешит попасть на берег. Ведь здесь его ждет разочарованная многотысячная толпа, которая собралась на берегу в надежде увидеть, как Руне покорит Форс.

22-летний швед Руне Олссон, чемпион мира по ходьбе на натянутом канате, решил показать свое искусство, пройдя над бурной горной рекой по тонкой проволоке. Этого еще не делал никто.

Однако, преодолев метров десять, Руне потерял равновесие. К счастью, ему удалось схватиться за запасной канат. До берега Олссон добирался уже «на четвереньках», ползя по канату спиной к непокоренной горной реке.

КОРРИДА ПО-ПАМПЛОНСКИ

«Памплона, конечно, изменилась, но все же меньше, чем нас изменили годы».

*Э. ХЕМИНГУЭЙ,
«Смерть после полудня»*

Памплона — старинный городок в Наварре на северо-востоке Испании, зажатый между холмами у подножия Пиренеев. В XVIII веке в Памплону перевезли раку с останками «святого» Фермина. Это событие и положило начало ежегодной фиесте...

Веселая и праздничная, возбужденная и неистовая, памплонская фиеста похожа на все испанские фиесты, на все карнавалы в Латинской Америке. Но памплонская фиеста вправе гордиться местной корридой — единственной в своем роде.

«Ему особенно хотелось знать, как будет по-английски «Corrida de toros». Я объяснил, что «бой быков» по-испански «lidia toro». Испанское слово «коррида» значит «бег быков», — пишет Хемингуэй в романе «Фиеста». Не бой быков, а бег быков.

В дни фиесты сотни людей участвуют в опасном соревновании: они состязаются в беге с быками, несущимися по улицам к цирку. Весь город затаив дыхание следит за поединком безрассудной смелости добровольных тореро с тупой яростью рассвирепевших животных.

Официальные лица города заранее намечают путь, по которому пройдут быки от загона на окраине города до цирка. Этот путь — длиной в два с лишним километра — пролегает по узким старым улочкам Памплоны. Все боковые улицы города перегораживаются заборами, чтобы быки не нарушили маршрут. Окна нижних этажей, выходящие на улицу, по которой пройдут быки, забиваются досками.

Большинство участников — среди них много американских студентов, приехавших на каникулы в Памплону, — собираются на улице в нескольких сотнях метров от цирка. Дождавшись появления быков, они пробегают небольшое расстояние до арены. И... возвращаются в Америку «героями». Об одном из таких туристов рассказал журнал «Уайд Уорлд».

...Роберт приехал в город по приглашению своего друга Карлоса — чемпиона памплонских соревнований...

Когда до станционного корраля, где находились животные, осталось несколько сотен метров, Карлос остановился.

— Подождем здесь. Мы побегим до следующего угла. За ним много подъездов, заскочим в один

из них... Пробежись сквозь толпу и прижмись к двери. Быки пробегут не останавливаясь. Но будь осторожен!..

Из окон домов, с крыш, из-за заборов выглядели тысячи людей. Вскоре взрыв ракеты оповестил: быки побежали. Толпа зашумела. Все бросились врассыпную. Но Карлос стоял, как каменное изваяние, — у него были отличные нервы.

Наконец появились быки. Они бежали бок о бок, занимая всю ширину улицы — между ними ни сантиметра пространства. Передняя фаланга быков приближалась, толпа ревела. Но Карлос спокойно стоял на месте, небрежно помахивая рукой. И только когда бычье дыхание, казалось, начало обжигать спину, он крикнул: «Ахора!» (Пора!)

Роберт был неплохим бегуном — в молодости звезда средней величины на гравековой дорожке, но тут он побил все рекорды. За углом бегун начал искать подъезд, в котором можно было бы укрыться. Напрасно. Все подъезды были забиты людьми. Что делать? Вот оконная решетка. Одно мгновение — ухватиться за нее и подтянуться на руках. Решетка закачалась, подалась и... вывалилась из стены. Роберт свалился на круп одного из быков и скатился на булыжную мостовую.

Все еще лежа на улице с решеткой в руках, он услышал крик какой-то женщины:

— Быки! Быки!

Карлос забыл рассказать ему о шести быках, неизменно следовавших за первым. Эти быки были еще крупнее и бежали быстрее прежних.

Отбросив решетку, он вскочил и помчался как одержимый, прятаться было некуда. До цирка оставалось еще больше километра.

Быстрее, быстрее! Но быки нагоняли. Когда до цирка осталось метров триста, несколько храбрецов выскочили из подъезда и присоединились к Роберту. Но тот уже запыхался и стал отставать.

Двухметровые ворота при входе в цирк всегда остаются открытыми, пока последний бегун не минует их. Потом ворота закрываются, и быки поворачивают в боковой коридор, ведущий в корраль.

Здесь их держат до начала боя.

Добрых два десятка людей, бежавших впереди, проскочили ворота и оказались в безопасности. Подождя несколько секунд, сторож закрыл ворота — быки были слишком близко.

В последнем отчаянном прыжке Роберт перепрыгнул через ограду и свалился за воротами, слыша, как в нескольких дюймах от него быки со страшным топотом пронесли в корраль.

А памплонская коррида продолжалась. По традиции сторожа выпустили в толпу людей, собравшихся в цирке, с полдюжины безрогих коров. Они не могли нанести серьезных повреждений, но удары их крепких лбов и мощных тел довольно болезненны. Получив несколько крепких толчков, Роберт с трудом выбрался на улицу и встретил там Карлоса. Оказалось, что тот давно разыскивает его по больницам в полной уверенности, что он серьезно ранен. За день до этого быки затоптали одного человека насмерть.

Впрочем, на общем веселье это не отразилось. Фиеста продолжалась еще шесть дней.

Г. ГАЕВ

поиск

Е. ФЕДОРОВСКИЙ,
наш спец. корр.

Все записи в блокноте уложились в полстранички. Четыре фамилии, число и два слова: «Была вьюга».

Это произошло не так давно в местах, дорогих каждому нашему человеку, недалеко от Шушенского, где когда-то жил в ссылке Владимир Ильич. Сейчас изыскатели ищут здесь место створа для новой Саяно-Шушенской электростанции. Перед вылетом из Красноярска мне говорили, что глубокой зимой вряд ли что найдется интересное, основные работы идут летом, людей там почти нет, и смотреть, собственно, нечего. И все же я решил поехать туда.

В Майне все были встревожены. Пропали в тайге двое. Понесли теодолит в одну из съемочных партий и не пришли. На поиски вылетал маленький самолетик «ЯК-12». Он и прихватил меня.

И вдруг курс самолета резко изменился. Мы вынуждены были сесть у безымянной деревушки в семь домов и пережить внезапно нагрянувшую вьюгу...

Итак, «была вьюга». Она дует всюду одинаково: сгусток накопившейся энергии поднимает тучи снега, хлещет по глазам, сбивает с ног, гудит и воет, тащит над самой землей черные, грузные тучи.

В первый же день наш самолетик утонул

в сугроб по самые крылья. Назавтра синоптики дали тоже неутешительный прогноз.

— Она, ведьма, теперь зарядит на неделю, — злится пилот Борис Рыбаков, и раскладушка стонет под его длинным костлявым телом.

— Как назло, может, — соглашается Слава Зоткин, механик самолета.

Перед домиком, где мы ночуем, бьется фонарь, и свет от него мечется по низкому потолку комнаты, швыряет на стены клинья и круги теней.

Свет раздражает Славу.

— Вот выйду и расколочу, — грозит он, приподнимаясь на локте. — Зачем здесь фонарь? Чтоб волки боялись?

— Куда они пойдут? Ясно: к Енисею, — рассуждает сам с собой Борис. — Там и человека скорее встретишь и с воздуха легче найти. А ну, дай карту!

Слава соскакивает с постели. Мы рассматриваем летную карту.

— Видите, Енисей делает разворот, — говорит Борис, — огибает возвышенность? Они должны быть где-то здесь! Километров тридцать...

— А если пешком? — предлагает Слава.

— Может, завтра пурга стихнет, долетим... Но пурга не стихает. Даже во сне гудит

Рисунок И. БРУНИ

в ушах недалекий лес, чудится разная чертовщина — почерневшие от мороза лица, голодные псы, воющие сирены

На рассвете мы втроем бежим к самолету.

Крылья и фюзеляж от носа до хвоста покрылись ледяной коркой. Ее ни ножом, ни ногтями не соскребешь. С трудом отдираем замерзшую дверцу. В кабине пахнет бензином и морозом. Стекла в узорчатой наледи. Обросли инеем ручка управления, приборы, сиденья. Машина замерзла, умерла.

— Как, запустишь? — кричит, заглушая вой вьюги, Слава.

— Как стихнет, вылечу! Зажжете три костра!

Мы берем мешок с продуктами и уходим. Борис, укрывшись воротником, смотрит вслед и скоро исчезает в густой снежной круговерти...

«Была вьюга» За этими словами прячутся и два дня, когда мы брели по таежной чаще со Славой, стреляли из карабина, вслушивались в гул леса. Мы наверняка прошли километров тридцать. Но Енисея не видно. Еще не хватало бы нам заблудиться. Мы то и дело сверяем путь по компасу и карте, которую нам дал Боря. Чтобы стрелка не замерзла, Слава несет компас под курткой — вытасчит, посмотрит, и дальше идем — строго на юго-запад.

Сейчас Слава спит, а я подбрасываю в костер сучья. Огонь мечется веником, сверху сыплет комьями снег, а вокруг чернота. На карте совсем близко от нашего пути кружочки сел и городов, но сейчас кажется, что во всем мире мы со Славой одни и есть еще вьюга, и темень, и неизвестность.

Постанывают стволы старых елей. Кожа на лице горячая и сухая. От мельтешащих огоньков устают глаза. Приваливаюсь спиной к стволу, кладу на колени карабин. «Не спать, не спать! Да чего уж там! Ведь только капельку...» Сверкает красными бусинками рябина. Остро пахнет сырым осиновым листом и папоротником. По рыжему овражку струится ручеек. Мальчишка в красной футболке, грязный до самых ушей, сооружает плотину. Он долго и путано объясняет, где река и где пруд и сколько надо идти... «Извините меня». — Что ты сказал, мальчик? — «Извините». — За что?.. — с удивлением думаю я. «Вы спите?» Я вздрагиваю и отрываю глаза.

— Извините меня...

— Кто? — с испуга хватаю карабин, пытаюсь определить, откуда до меня доносится голос.

— Извините, пожалуйста, это я...

По другую сторону костра поднимается тщедушный человечек в черном полубубке и кожаной шапке-ушанке. На маленьком остром носике держатся большие запотевшие очки.

— Кто вы?..

— Я из изыскательской партии техник. Мы к балку на Енисее несли запасной теодолит, и с моим товарищем произошло несчастье — он оступился и растянул ногу. А вы охотники?

— Да мы вас ищем! — кричу я и бросаюсь будить Славу.

Слава долго моргает глазами, рассматривая точно с неба свалившегося человечка.

Человечек снимает рукавички и протягивает худенькие, бледные ручки к огню.

— Простите, вы мальчик или девочка? — спрашивает Слава.

— Я?.. Вита. — растерянно произносит человек.

Мы разом бросаемся к мешку с едой.

— Только немного, прошу вас, я так давно не ела, — умоляюще говорит Вита.

Я набираю в котелок снега и ставлю его в пламя. Слава высыпает пачку крепкого цейлонского чая.

— Вита... Что это за имя такое — Вита? — спрашивает он, разливая по кружкам коричневый дымящийся чай.

— По-латыни это «жизнь», — Вита снимает очки, и мы видим ее глаза, большие, темные, трогательно-беспомощные.

— Вита есть жизнь! — восклицает Слава и подает девушке кусок хлеба с толстым слоем консервированной говядины.

— Пожалуйста, немного, — Вита осторожно берет кусок.

— А товарищ далеко отсюда? — спрашивает Слава.

— В километре примерно. В избушке.

— Сейчас пойдем. — Славе очень хочется в новой ситуации быть начальником.

— Конечно, — отвечает Вита.

Слава первым трогается в путь, но вскоре запыляется в ветвях и кричит из темноты:

— А мы найдем избушку?

— Хотите, я пойду вперед?

Идти в темноте плохо. По лицу хлещут колючие ветки, то и дело спотыкаешься о валежник. Слышишь впереди только щебечущий голосок Виты и идешь на него, зажмурив глаза.

— А я вас нашла по дыму. Выстрелов не слышала. Пурга заглушала.

Значит, дым каким-то чудом донесся до охотничьей избушки, и Вита пошла на дым, одна, в ночь, без ружья и спичек.

Наконец мы подходим к охотничьей избушке.

— Сергей Владимирович! — кричит Вита.

Глухо отодвигается засов, показывается человек в валенках и большом ватнике.

— Это наш рабочий, Сергей Владимирович Боков, — знакомит Вита и разжигает огонь. Оглядываюсь — в углу широкие нарты, у оконца стол, чурбак, печь из железной бочки. На печи большой закопченный котел.

Сергей Владимирович о колено крошит сучья, растапливает печь. Вита устало опускается на нарты и снимает шапку, рассыпая на плечи белокурые волосы.

Слава выкладывает на стол консервы, хлеб. Из кармана достает четвертинку спирта. Сергей Владимирович переводит на нее взгляд и говорит:

— Оно ведь как с ногой получилось. Без малого всю жизнь по тайге хожу, а такого не было. Назад ворочаться — далеко. Ну и пурга опять же. Вита Алексеевна почти на себе меня и волокла...

— Да что вы говорите, Сергей Владимирович, — откликается Вита, — просто я вас подерживала.

«Была вьюга». Помню, как мы срубили мохнатую ель, привязали к стволу ремни от рюкзаков, положили Сергея Владимировича на ветви, впряглись и двинулись к Енисею.

Нам обязательно надо было выйти к Енисею. Там нас найдет Боря.

Ветер рвет карту из рук, когда Слава определяет направление. На карте расстояние до Енисея закрывает мизинец. Мы идем, но как будто и тайга шагает с нами, перемещается, закрывая путь заснеженным валежником, гущей молодняка. Вита впереди. Мы, почти повиснув на ремнях, видим только ее маленькие шажки. Мы тянем ель, сзади остается широкая борозда, словно от снегоочистителя.

От ремня горит плечо, словно туда поставили горчичники.

Слава садится в сугроб.

— Отдохнем...

— Я сменю тебя, — говорит Вита.

— Чего еще не хватало!

— Ну! — прикрикнула Вита и нахмурила пушистые в снежинках брови.

Слава, сопя, взваливает на себя тяжелую треногу с теодолитом, рюкзаки, мешок, карабины. Вита берется за лямки.

«Ах, ах», — доносится сбоку, и гулкий толчок встряхивает землю.

Облако снежной пыли на мгновение скрывает ели. Снег со свистом хлещет по лицу. Когда мы протягиваем наши «санки» чуть вперед, видим расщепленный пополам бело-желтый ствол и вершину, зарывшуюся головой в снег.

— Не выдержала, — произносит Вита.

Мы тащимся по зыбким сугробам, с боем метр за метром, но лес никак не кончается. И никогда, кажется, не кончится. Будем так идти и идти, уставившись под ноги и закрывая слезящиеся глаза от снежной колкости.

— А ведь, кажется, полегчало, — вдруг заявляет Сергей Владимирович.

— Братцы, нога не болит! Ну-ка, придержи!

Боков встает с ели, качнувшись, притопывает больной ногой:

— Палочку только вытесать — и я пойду...

Мы бредем еле-еле, Боков не отстаёт.

«Была вьюга». Когда стемнело как-то разом, без сумерек, мы свалились у подножия высокой ели и замерли. Под нами похрустывает сухой валежник. «Надо бы разрыть снег и костер развести, высушиться», — вяло ворочается мысль. «Ладно уж, спи...» — спорит другая.

Ночью особенно явственно слышна унылая дикая песня пурги. Разноголосый хор ветра, который в ярости хлещется в чаще, сливается в одно громовое гудение. Крепче прижимаешь к ушам шапку. Но если вслушаться, то можно услышать все звуки — тихие и громкие, из чего и создается этот свирепый оркестр. По брезенту куртки молоточками стучат снежные комочки и, шурша, скатываются к ногам. Валторной отзываются стволы. Тянут боем вершины леса. И, только взяв самую последнюю ноту, ведет смычок скрипка — то мчит ветер тучи, не давая им, обессиленным, упасть на тайгу. А тайга гудит и плачет, тоскуя по ним.

Глухо стонет во сне Сергей Владимирович. Посапывает Вита, уткнув лицо в маленькие кулачки. Ну и выбрала она себе работу... Интересно, о чем мечтала она, когда выбирала ее, посягая в геологоразведочный техникум? О топях и горях, о комарах и грязных спальных мешках? О леденящих ночевках под открытым небом и полуголодных походах? Сидела бы, к приме-

Рассказы

О СМЕЛЫХ
СЕРДЦАХ

ру, в конторе или библиотеке — или ей обязательно нужно строить новые электростанции?

Интересно, что думал начальник, когда принимал ее в отряд? И что подумала мать, когда ее дочь, переболевшая в детстве скарлатиной и корью, ветрянкой и дифтеритом, с ярко выраженной близорукостью, сказала, какую она выбрала себе беспокойную участь...

«Была вьюга». Мы просыпаемся, оледеневшие, полусасыпанные снегом от тишины и яростного холода. Голубой снег блещет миллионами искр. Сквозь ели, нахлобучившие пухлые шапки, косыми столбами втыкаются в снег оранжевые солнечные лучи.

— Братцы, кончилась пурга, — прошептал Боков.

Мы поднялись, распрямляя занемевшие спины. Под ногами отчаянно заскрипел снег.

Шагах в ста четко виднелось редколесье, а за ним белое, в торосах, поле Енисея.

Мы побежали туда, вслахивая хрустящий снег. Берег ровный и голый. Площадка, кажется, для самолета подходящая. Над Енисеем кое-где курится пар: мороз не в силах унять течение.

Я оглядываюсь и вижу лицо Бокова. Оно искажено болью, в глазах — слезы. Боков пытается улыбнуться, машет рукой, хотел привычно, как вчера, сказать — идите, мол, мне хорошо, но, вдруг качнувшись, опускается на колени.

— Да какое вы имеете право молчать? — взволнованная Вита бежит к нему. — Вы и вчера не могли идти!

— Шел ведь! Не мог я лежать! — кричит, скривившись от боли, Сергей Владимирович.

Мы стаскиваем с его ноги валенок. Боков цепляется за рукав своего обледеневшего ватника, скрипит зубами. Нога распухла. Быстро зажигаем костер, кипятим воду для компресса.

— Упрямый вы человек! — выговаривает Вита, пряча его ногу под свой полушубок.

— Мне и правда легче было, — отвечает Боков и отводит глаза.

«Была вьюга». Сейчас она прошла и ударил мороз, окутав туманом лес. Мы ждем самолет, подбрасывая в костры толстые сучья. Белый дым столбом поднимается в небо и на высоте незаметно тает.

Мы вышли к Енисею совсем не в то место, куда намечал Борис. Найдет ли он нас. Сумеет ли запустить мотор?

А вокруг чистое небо, подернутый дымкой голубой лес, плотный, прибитый пургой снег. Стуча зубами, Вита смотрит на эту зимнюю ясность и спрашивает:

— Хорошо?

— Обыкновенно, — тянет Слава.

— Ничего ты не понимаешь! — ласково прикрикивает на него Вита, отбегает в сторону, хватая ком снега и по-мальчишески наискось швыряет его в Славу. — Скоро здесь будет город!

— Скажешь...

Она вдруг выпрямляется, вскидывает головку, сверкнув стеклышками очков:

А если я гореть не буду,
А если ты гореть не будешь,
А если мы гореть не будем —
Так кто ж тогда рассеет мрак?

Вдруг мы слышим то удаляющийся, то приближающийся гул. Борис ищет нас! Он, конечно,

встал до рассвета, разогрел, оживил машину и полетел. Мы торопливо бросаем в огонь лапник.

Пламя гудит, выбрасывая клубы пахучего, смолянистого дыма

Из-за леса выскакивает самолет и низко пролетит над нами. Борис уходит на второй круг. Я вытаскиваю блокнот и одереженными

ПАМЯТНИК ОТВАЖНЫМ

Охота на китов издавна считалась опасным промыслом. На утлых суденышках китобой подплывали вплотную к морскому гиганту. Взмах руки — и гарпун летел прямо в кита. Гребцы налегали на весла, стараясь уйти от ударов чудовищного хвоста. И сколько раз, когда кончалась схватка, на волнах можно было видеть лишь обломки шляпки да уходящего к горизонту кита с гарпуном в теле...

Среди китобоев прошлого особенно славились норвежцы. Жители города Санде-фиорд — потомственные охотники за морскими великанами — давно хотели увековечить память погибших китобоев. В 1960 году по проекту норвежского скульптора Кнута Стилна памятник отважным охотникам был создан — на вздыбленной волной шляпке вставший во весь рост китобой занес тяжелей гарпун...

пальцами хочу что-то записать. Ведь в блокноте только дата, имена и два слова «Была вьюга».

Где-то здесь будет строиться электростанция, и сколько еще топографов пройдут по этой земле, сколько геологов будут искать камень и песок для бетона, сколько дорожников будут прорубать к реке дороги? И будут вьюги гудеть, и дуть жаркие ветры, и сыпать дожди и снега. Сколько приключится с людьми всяких историй, и от каждого потребуетсся свершить свой, пусть маленький, но свой подвиг.

*Жар пустыни нам щеки щиплет,
И песок засыпает рот.*

(Из песни)

Гарри ТАБАЧНИК

ПУЛЬС-

Алжир возник неожиданно. Белесая дымка, прильнувшая к бирюзовой морской воде, стала прозрачнее, и сквозь нее проступили бегущие вверх улицы города и залитые ослепительным солнцем дома. Белые, они напоминали о снеге. Чистом, только что выпавшем.

Но снега не было. Была жара. Была Африка.

Турбоход «Красное знамя» приближался к берегу. Теперь панорама города раскрылась перед ними вся. Уже были видны не только современные здания в западной части города, но и лачуги бидонвиллей, буйная роскошь садов и парков, старинные мечети...

Гостям сразу открылось обращенное к морю лицо города. Красивое, гордое, на которое, как морщины, легли следы, оставленные войной.

В детстве страны нам открывают марки. Разноцветные квадратики приносят названия загадочных островов и волнующие ароматы тропических лесов, рокот волн в далеких морях и призывный свист ветра, рвущего паруса. Быть может, многие из тех 112 парней, что сейчас стояли на палубе, так и открыли для себя Алжир.

Потом они узнали о другом Алжире, Алжире в огне. И как когда-то другим мальчишкам снилась

Испания, так им, наверное, не раз виделись в снах суровые горы и сухие долины Алжира. Видно, судьба мальчишкам нашего времени видеть такие сны. Но теперь перед ними был действительно Алжир. Отряд студентов-строителей приехал сюда по просьбе алжирских молодежных организаций, по приглашению правительства Алжира. Ребята привезли с собой автомашины, строительную технику, инструменты, палатки. Они приехали сюда строить...

УАДИАС ВСТРЕЧАЕТ РУССКИХ

«Уадиас» — значит «долины». Она и расположена в долине, деревня, носящая это название. Со всех сторон ее окружают горы. Они как бы охраняют

деревню, охраняют кусок плодородной земли, такой дорогой здесь, в Кабилии.

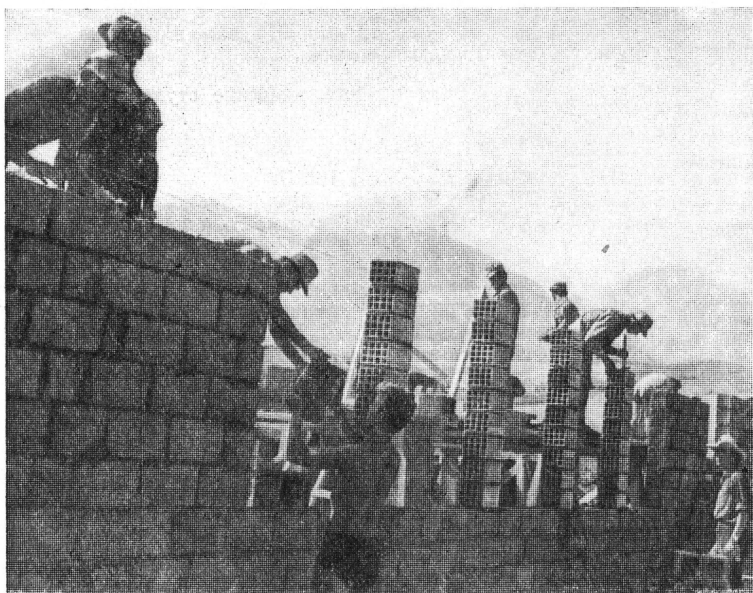
А земля нужна, нужна тем, кто живет в прилепившихся к горным склонам деревушках и уже много лет мечтает о ней.

Для них, жителей «ласточкиных гнезд», и решено было рядом со старым Уадиасом построить Уадиас новый.

Вот сюда-то и направлялся отряд советских студентов. Москвичи и минчане, киевляне и ленинградцы приехали на эту стройку.

Когда автобусы, сделав бесчисленное количество поворотов по горным дорогам, въехали в Уадиас, ребята увидели пустынные полуденные улицы кабийского селения. Лишь редко мелькнет женщина в желто-алом платье, пройдет с кувшином воды мальчишка.

И вдруг все высыпали на улицу. Еще бы — русские! Какие они?

150 в МИНУТУ

Из автобусов вышли парни в больших широкополых соломенных шляпах, легких рубашках и сандалиях. Они огляделись по сторонам. Вот, значит, где им предстоит жить и работать. Маленькая, пыльная деревня. Узкие улочки уводят в лабиринт дворов.

Ну что же, жить можно. Только жарковато.

КАК РОЖДАЛСЯ ПРОЕКТ...

С водой надо обращаться на «вы».

(Из спора)

Французский инженер, неторопливо потягивая лимонад, внимательно слушал. Ему не нужен был переводчик. Русский был языком его детства, и, только когда кто-нибудь из русских инженеров употреблял особенно трудные слова, он просил повторить.

А русские инженеры старались объяснить ему, что проект деревни, предложенный фирмой «Берю», во многом не отвечает запросам жителей.

— Мы знаем, чем живет арабская деревня, — вежливо перебил француз. — То, что предлагает наша фирма, лучше всего отвечает ее духу.

И француз еще раз повторил свои доводы. Прачечная должна остаться в центре селения. Здесь будут по утрам встречаться женщины. Здесь они смогут поговорить друг с другом. У мужчин для этого есть кафе. Этого достаточно, и никакого общественного центра, как предлагают русские инженеры, строить не следует.

Проект французов отвечал традиционному типу алжирской деревни. И узкие улочки, дающие тень, и маленькие окна, оберегающие комнаты от палящих

лучей солнца, создавались с учетом многих условий, в том числе и климатических. Но ведь в жизни арабской деревни сейчас многое меняется. Не прачечная, а общественное здание, где будет собираться все население деревни, должно стать культурным центром.

— А иначе что же получается?.. — слегка волнуясь, заметил главный инженер Володя Никитин. — В новые мехи нальем старое вино... В общем пусть решают хозяева...

Юсуф, технический руководитель стройки, и командант лагеря строителей Урабах согласились с мнением советских специалистов.

Француз недоуменно пожал плечами.

— А кроме того, надо выбрать другую площадку для строительства, — продолжал Никитин. — Ровнее. С меньшим объемом земляных работ.

— Все это, быть может, и хорошо. Только воду вам придется тянуть с гор. А без воды здесь... — француз сделал выразительный жест. — Здесь с водой надо обращаться на «вы».

— Это верно. Но вот расчеты. Экономия земляных работ перекроет затраты на строительство водопровода.

— С вами спорить трудно. У вас тут все инженеры... — иронически заметил француз. — Делайте как знаете.

Вот после этого разговора и решено было создать группу проектировщиков. В отряде ее скоро окрестили Конструкторским бюро. Его возглавил Анатолий Егоян. Француз не был далек от истины, называя наших ребят инженерами. Они действительно были без пяти минут инженеры — студенты последних курсов строительных институтов. И конечно же, для них было не в новинку решение таких задач. Еще на третьем и четвертом курсах они делали проекты посложнее тех, что разработала французская фирма.

Первое время на строительной площадке еще появлялись французские инженеры. Но потом их не стало. Весь проект фирмы так и остался в эскизах. Строить по нему было нельзя.

Тогда и начались самые горячие дни и ночи для группы Егояна. Вся техническая документация, графики работ, проект общественного центра, разработка плана и рабочие чертежи — все легло на них.

А тут еще кто-то заметил:

— Братцы, что же это получается? Проектируем новую деревню, а в ней ни одной детской площадки.

— Ведь верно.. Две надо делать.

Так окончательно родился проект нового Уадиаса.

ДЕРЖИТЕСЬ, МАЛЬЧИШКИ...

Напиши мне, мама, в Алжир.

(Из письма)

«...Встаем мы рано, чтобы до самой жарыши успеть поработать. Иначе тут нельзя: в 11 такое начинается пекло, что носу не высунешь. Мы словно оказались на другой, более близкой к солнцу планете. Поэтому и приходится подыматься в пять утра. В шесть мы уже на работе.

Сейчас строим лагерь.

Наша московская группа ставит палатки, ленинградцы и киевляне строят склад и мастерские. Минчане долбят котлован для кузницы. Земля здесь сухая, твердая как камень. Все загорели.

Ты за меня не волнуйся. Аппетит у меня нормальный. Хотя мы больше пьем, чем едим. По три, наверное, литра лимонада выпиваем вместе с кус-

кусом. Блюдо есть такое. Вроде нашей манной каши, только рассыпчатая и сухая. Ничего. Уже привыкли.

Кабилы — народ очень сдержанный. Мы сразу не поняли, как они к нам относятся. Но теперь идешь по улице, и каждый с тобой обязательно здоровается. Даже старики. Возьмут руку и к сердцу прижмут. Это самое дружеское приветствие у них.

Одеваются они, наверное, так же, как и сто, а может, и больше лет назад. Только чалму теперь носят нейлоновую. И у женщин на лице нейлоновая повязка до глаз. Но это в других районах Алжира, а в Кабилии женщины ходят с открытыми лицами.

Вечером, когда стихает шум, можно слышать характерное пощелкивание аистов. Они неподвижно стоят на одной ноге, точно кто-то взял и наклеил их на черепичные крыши. Чистое небо быстро темнеет. И на нем появляется большая луна. Тогда все вокруг покрывается серебром, начинают выть шакалы. Но мы уже спим. Завтра опять вставать в пять. Ты пиши мне почаще».

В день, когда было отправлено это письмо, пришла весточка с Родины. Письмо было с целины и кончалось так: «У нас трудно. Но вам наверняка труднее. Держитесь, мальчишки...

Валя и Галя, киевские студентки».

РУССКИЙ ТЕМП

Наших прозвали камарад «Давай-давай».

(Из дневника)

А стройка росла. Уже заканчивали фундамент первого дома будущей деревни, готовились к закладке первого кирпича, когда напомнила о себе Сахара.

Сирокко дул постоянно, неторопливо. Мелкая песчаная крупа лезла в глаза, скрипела в зубах, сушила горло. Хотелось пить и пить. И куда-нибудь спрятаться, в какой-нибудь ледяной погреб. Но темп на стройке не падал. Врачу отряда Боре Шуркалину то и дело приходилось отправлять под навес тех, у кого пульс был свыше 150 ударов в минуту. Шли неохотно. Выпивали несколько стаканов грузинского чая и через 10—15 минут убегали из-под навеса, чтобы вновь взяться за работу. Даже те из них, кто был на целине, никогда не видали такого темпа. А работавшие вместе с нашими алжирские парни с изумлением повторяли:

— Русский темп... Камарад «Давай-давай». Харачо!

Откуда пошло это камарад «Давай-давай», теперь сказать трудно. Одни говорят, что еще с того дня, когда снимали с трайлера трактор «С-100». Тогда дело долго не ладилось. И наши начали: «Раз-два, взяли!» Арабы подхватили: «Рас-два, зяли». И потом, когда трактор сдвинулся с места, понеслось наше «давай-давай».

Другие утверждают, что так подбадривали друг друга в бригаде Толи Богданова, строившей дорогу от лагеря к шоссе. Всего 700 метров было в ней. Но каждый метр — это десятки ударов киркой и ломом, это поездки за камнем в горы, это укладка тяжелых неровных булыжников.

Но может, пошло это от Коли Дьяченко? Возле его бетономешалки долго никто не задерживался. Серый от цементной пыли, с черными от пота бороздами на щеках, он крутит штурвал, и бетон заполняет одну тачку за другой. «Давай-давай!» — кри-

чит Коля. Его так и прозвали: камарад «Давай-давай».

А в последние дни работы так стали звать всех.

И вдруг тишина. Умолкли бетономешалки, не слышно моторов. Лишь из столовой то и дело долетают взрывы аплодисментов. Потом оттуда выскочили Толя Солонец и Гена Дьячков и, как были в белых рубашках и парадных брюках, кинулись готовить раствор. Они и не предполагали, что, когда начнется торжественная закладка, каждый гость захочет положить свой кирпич — кирпич, который значил очень многое для каждого из них.

КИРПИЧ ТАБАНИ-АРАБА

*Спасибо вам, что вы здесь.
(Из речи полковника Табани)*

Его звали Табани-араб. «Араб» — это как бы почетное добавление к имени. Его удостаивался лишь тот, кто пользовался особым уважением.

Он был уже немолод, этот человек в форме полковника, начальник жандармерии Кабилии. Свой кирпич он клал старательно, аккуратно подгоняя его к остальным. Быть может, это был первый кирпич, уложенный его руками с тех пор, как он взял ся за оружие.

Десять лет назад Табани покинул родное село и ушел в горы. Их было пятеро, и на всех лишь одно ружье. Старое. Наверное, с ним когда-то воевал против французов еще его дед или прадед. Потом

из пятерых остался он один. Тяжело раненного, его захватили в плен. Почти месяц допросов и пыток — и на рассвете расстрел. В ту ночь он бежал. Опять в горы.

Но и когда пришла победа, он не сложил оружия. В горах рыскали контрреволюционеры. Он воевал с ними. Отзвуки этой войны долетали до лагеря. Горы были всего в четырех километрах, и горное эхо доносило иногда треск винтовочных выстрелов и автоматные очереди. Патрули на дорогах проверяли машины.

А банды свирепствовали. Переодевшись в женское платье, бандиты проникали в деревни, убивая активистов Фронта национального освобождения, членов местного самоуправления. То, о чем наши ребята знали лишь по учебникам истории, здесь воочию предстало перед ними. Вот она, классовая борьба. Однажды ночью в лагере увидели десятки костров, огненными бабочками взлетевших в горы. И наутро узнали: был бой. Бандитов загнали в пещеры.

И всем этим руководил Табани-араб. Он не спал ночами, гоняясь по следам бандитов.

Вот такой уставший, с красными от бессонницы глазами, он вновь появился в лагере.

А на следующий день по радио услышали: главарь бандитов Аит Ахмед пойман. Это означало, что еще одна попытка контрреволюционеров, выступающих против революционного алжирского правительства Бен Беллы и социалистических преобразований, провалилась.

(Окончание в следующем номере)

ОБРУЧЕНИЕ С ДЕРЕВОМ

Впереди идут музыканты. Нарумяненная, с сподведенными глазами, десятилетняя «невеста» серьезна и преисполнена чувства собственного достоинства. Красочный наряд, предмет многодневных родительских забот, и украшения, взятые напрокат у жреца, делают ее сказочной красавицей. Рядом родственники. Шестные замыкают любопытны.

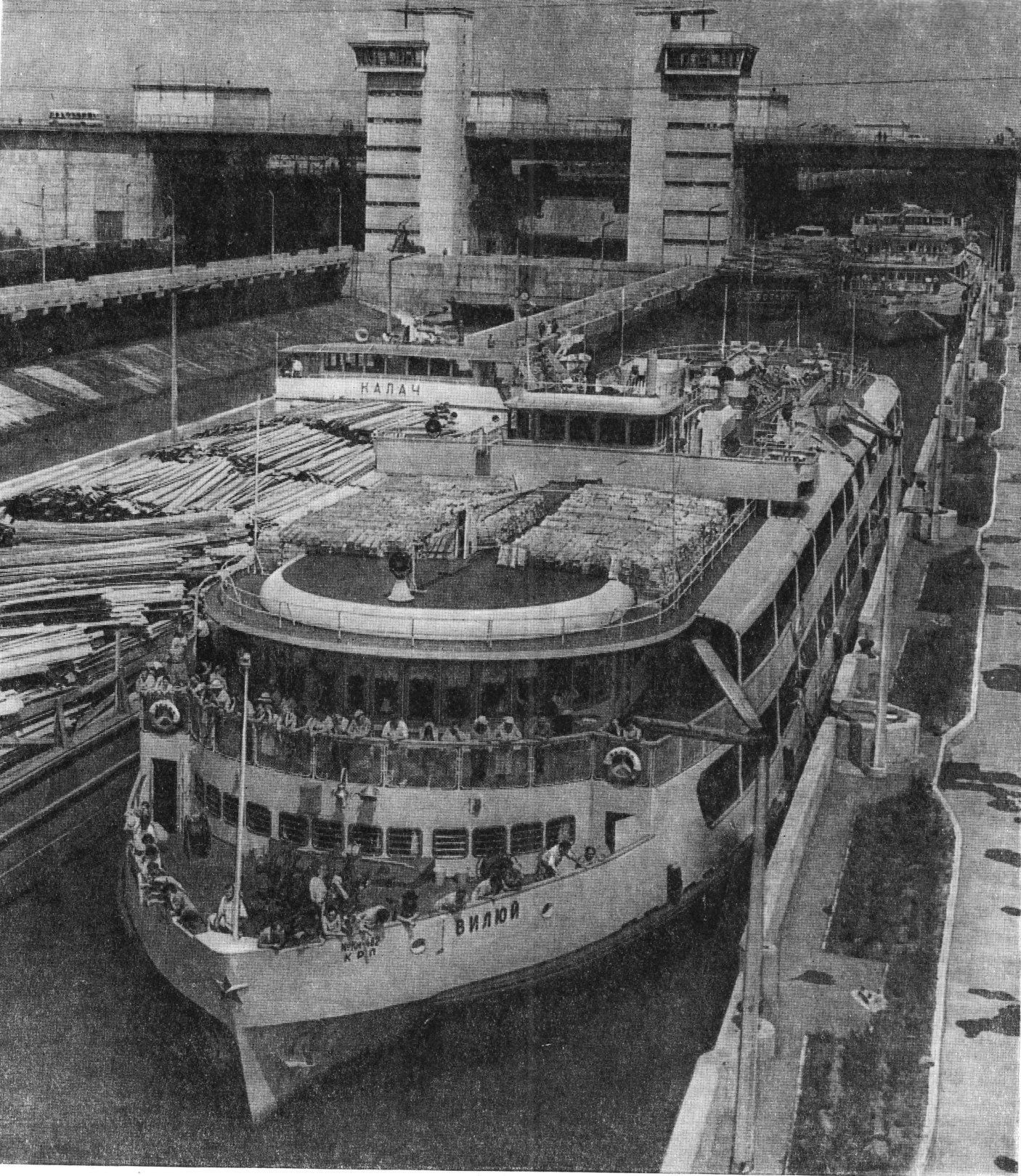
Торжественная процессия останавливается перед «женихом». Это дерево, с которым девочке предстоит вступить в символический брак. Сложная церемония бракосочетания начинается с жертвоприношений. Невеста кладет к корням дерева фрукты, а потом, встав на колени, кланяется своему «повелителю» и почтительно целует ствол.

«Обручение с деревом» — древний народный обычай непальцев. В Непале много столетий назад жена считалась собственностью мужа. Если он умирал, вдову сжигали

ли на костре вместе с трупом. Но со временем этот жестокий обычай был заменен символическим ритуалом — девочек еще до замужества, в возрасте 8—15 лет,

стали обручать... с деревом. Теперь в случае смерти мужа вдове не грозит гибель, так как она не только вдова, но и супруга «здравствующего» дерева.

Течет река Вага...

Фотоочерк М. РЕДЬКИНА

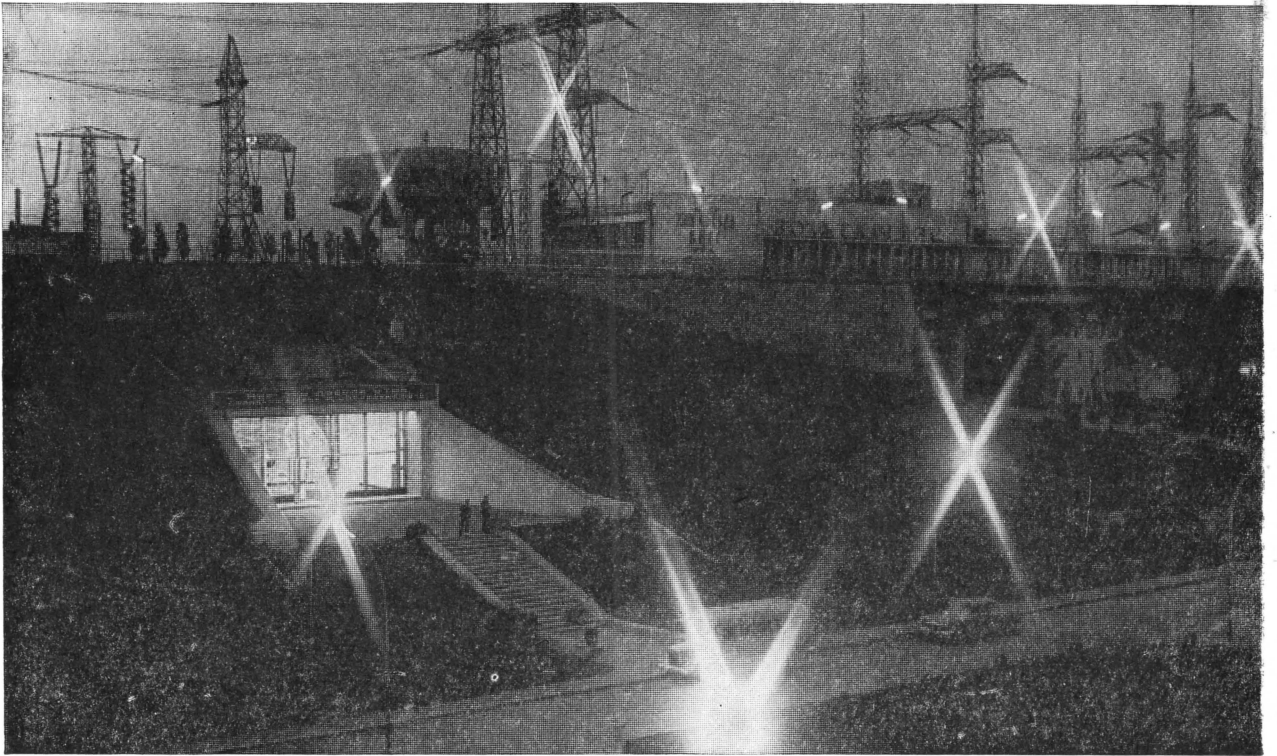
Волжский каскад... Плотины... Теплоходам, буксирам, баржам надо преодолеть ступени «речной лестницы». Этому помогает сложный комплекс сооружений длиной во многие километры: волноломы, каналы с причалами и дамбами и, наконец, гигантская система шлюзов. Суда по ним могут проходить одновременно вверх и вниз. Каждая камера шлюза может вместить до 6 больших судов.

Двести лет династии кормчих Чесноковых. Сорок семь лет, с первой советской навигации, водит суда Александр Степанович Чесноков. Лик реки менялся у него на глазах. Он хорошо помнит и коварные мели и многочисленные перекаты. Но люди преобразовали реку: подняли ее воды, создали фарватеры для больших судов. Современная Волга — это почти непрерывная цепь искусственных морей. Потомственные речники становятся «морскими волками». А. С. Чесноков — капитан самого крупного в мире речного ганкера «Бесстрашный».

Жигулевское море... Яхты, катера, аквалангисты. Подводное плавание — спорт, характерный для моря, становится спортом волжан.

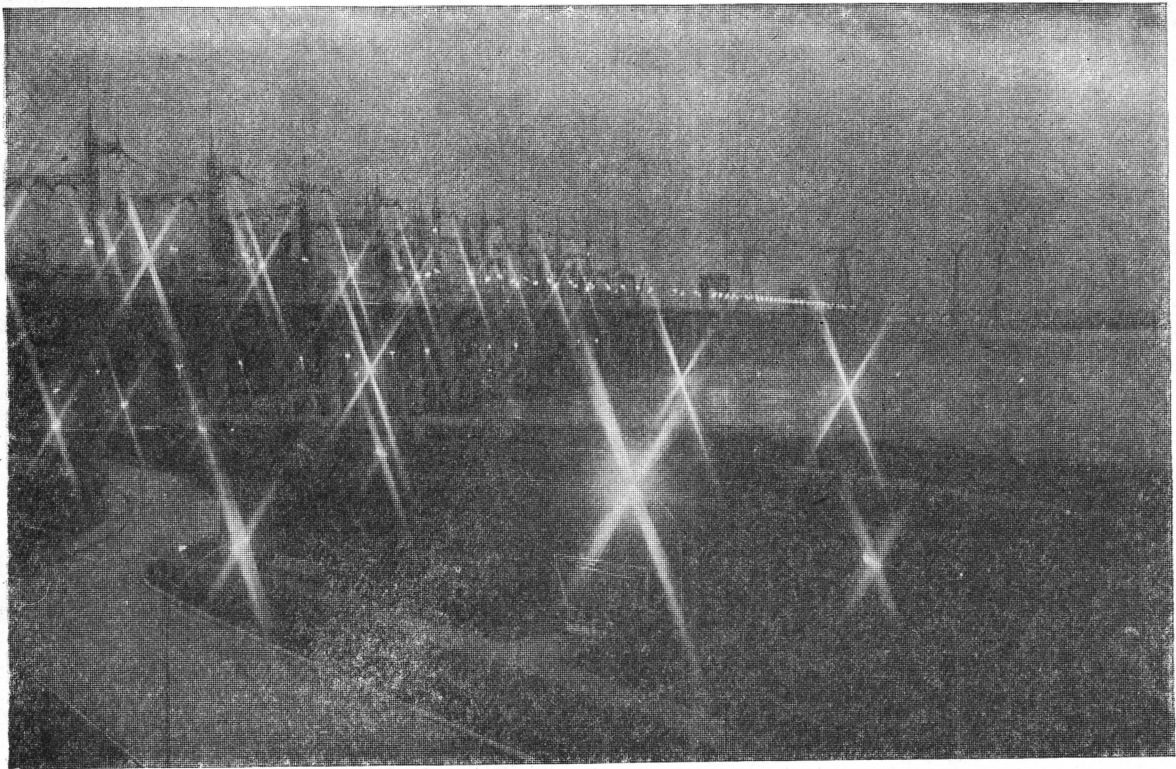
Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС. Темпы и размах ее строительства поражают воображение. Строители вынули 144 миллиона кубометров земли, уложили 5,5 миллиона кубометров бетона, за два года смонтировали 21 турбину! ГЭС — высокий образец инженерного искусства. Ее турбины могут давать до 14 миллиардов киловатт-часов в год. Это ток для Московского метро и шахт Донбасса, уральских заводов и приволжских колхозов.

Вечером, когда по всей плотине рассыпаются огни, кажется, что ты попадаешь в какой-то сказочный «электрический лес».

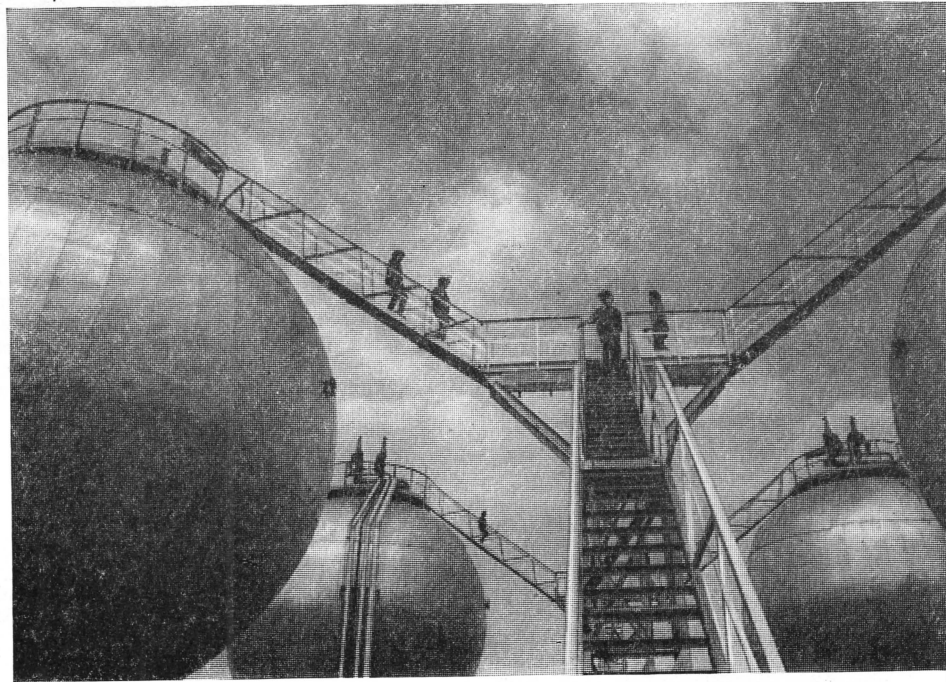
Сормово — колыбель волжского флота. Здесь были построены первые железные баржи, первый в мире теплоход, два самых крупных речных пассажирских корабля — «Ленин» и «Советский Союз», самые большие речные танкеры, катамараны, морские паромы-великаны.

30 километров в час. Долго существовал этот порог скорости речных судов. И вот сормовичи переступили этот порог. Они создали совершенно новый тип судна — крылатый теплоход «Ракета», — скорость 70 километров в час! Вслед за «Ракетой» появились «Метеоры», «Спутники»... Скорость выросла до 100 километров в час, а сормовские умельцы продолжают конструировать новые корабли..

Эти «крылатые экспрессы» можно увидеть теперь на многих реках страны и за рубежом.

Волга промышленная. Ярославский каучук, горьковские автомобили, волгоградские тракторы... Пришла на берега Большой Волги и большая химия. Здесь строятся новые очереди гигантов химии: Волжского, завода синтетического каучука в городе Тольятти...

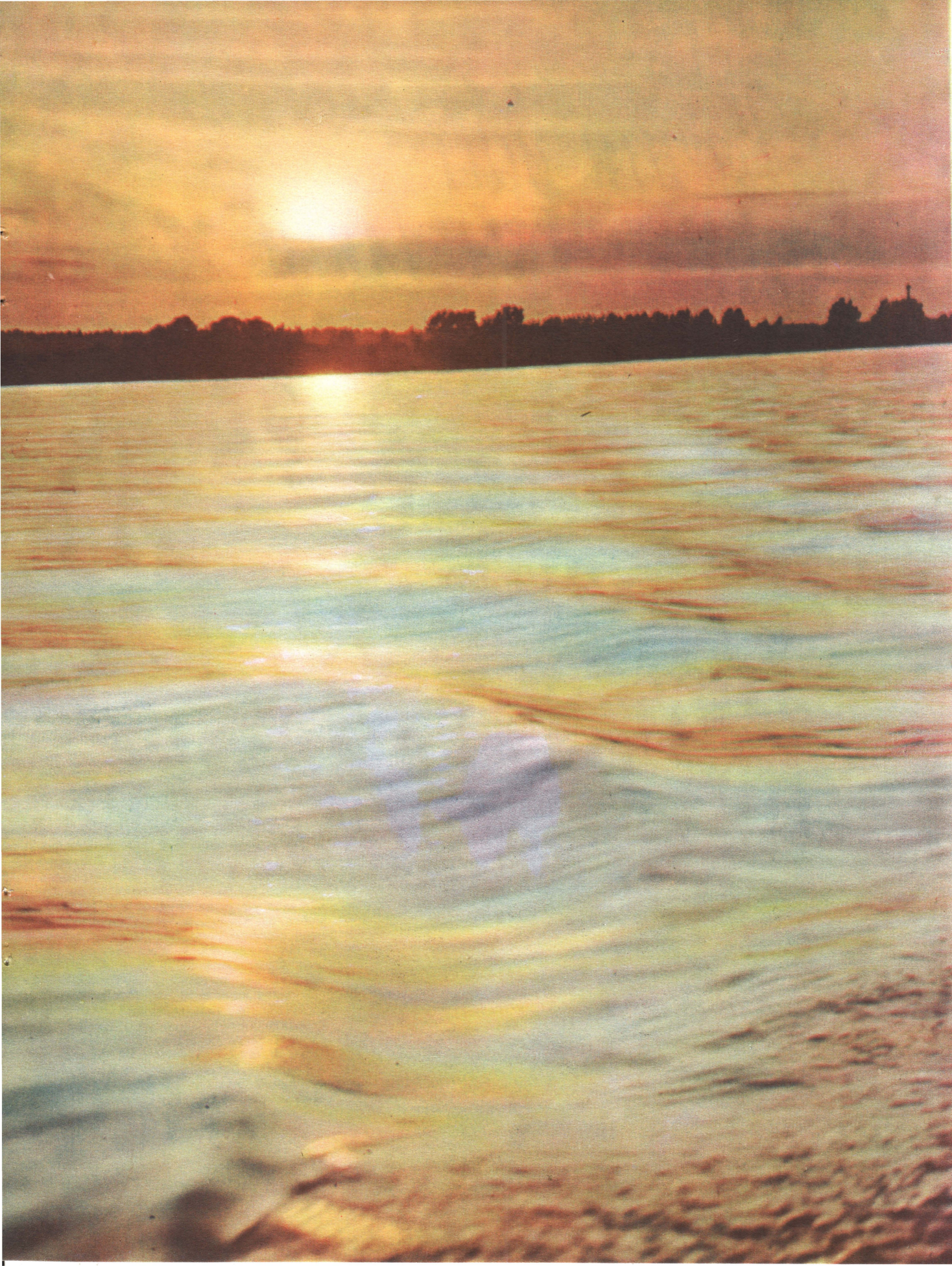

Сухопутная Казань стала приморским городом. Новый Казанский порт — крупнейший речной порт Европы по грузообороту. У его причалов длиной в километр могут одновременно разгружаться свыше десятка больших кораблей. «Моря соедини реками», — когда-то писал Ломоносов. И впрямь волжские корабли вырвались на морские просторы. Недавно обновленный Волго-Балт укрепил пути Волги в Ледовитый океан, Балтику и Атлантику. Волго-Дон проложил путь через Азовское и Черное моря к Средиземноморью.

Вокзал — первый шаг в путешествие. И приятно совершать этот первый шаг из такого светлого и полного воздуха речного вокзала. И вот она, волжская ширь...

„БАУНТИ“ ИДЕТ НА ТАИТИ

— Эй, на «Баунти»! — окликнул сторож шлюзовой камеры в Панамском канале. — Где ваш первый помощник?

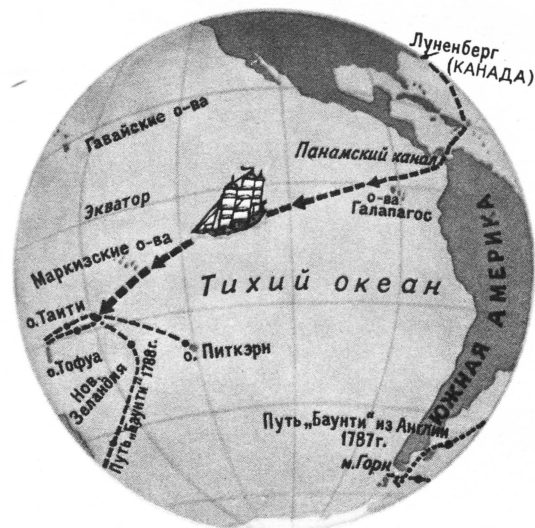
Старший офицер как раз стоял на вахте.

— Берегись, Кристиан Флетчер! Английское правительство разыскивает тебя почти двести лет!

Многим, вероятно, известна история английского парусника, отправившегося в 1787 году из Англии на Таити. По повелению короля Англии Георга III капитан «Баунти» Вильям Блай должен был доставить с этого тихоокеанского острова на королевские плантации в Вест-Индии саженцы хлебного дерева.

Первоначально проложенный курс — от берегов Англии через Атлантику, потом вокруг мыса Горн и через Тихий океан на Таити — капитану удалось осуществить лишь частично. У мыса Горн снежные бури и вихри набросились на судно. Изо дня в день, из ночи в ночь боролась команда с отвердевшими, налившимися ледяной тяжестью парусами. А они так и несли «Баунти» на юг, в неведомые белые просторы Антарктики. Целый месяц пытался «Баунти» обогнуть мыс Горн — тщетно. Измотанная и ропщущая команда, порванные, латанные паруса, иссякающие запасы солиныны и свежей воды, цинга и истощение — все это заставило капитана Блая в конце концов изменить курс. Но «Баунти» все-таки добрался до обетованной земли Таити: через юж-

Саженец хлебного дерева держит путь к земле предков.

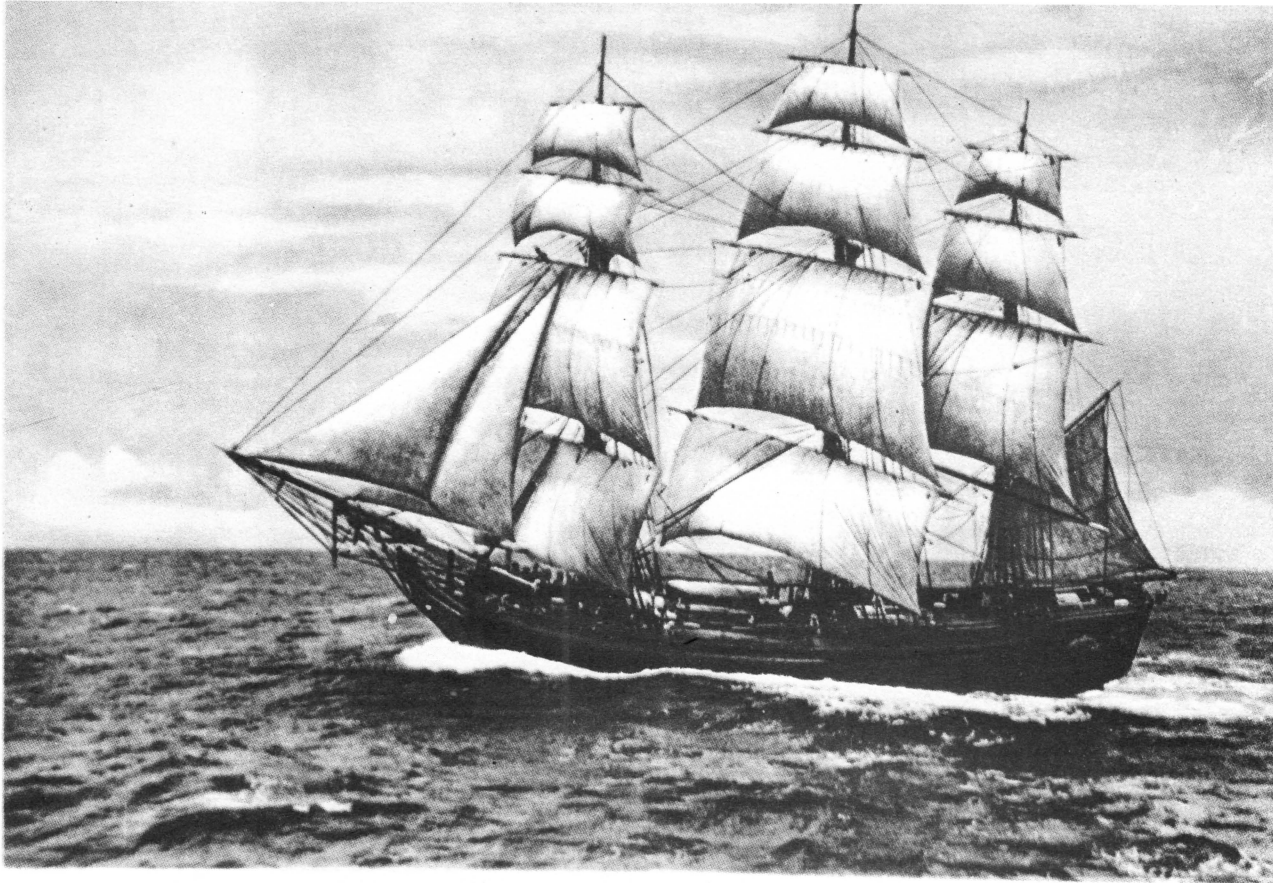

ную Атлантику, мимо мыса Доброй Надежды и берегов Австралии, миновав коварные рифы южных морей он спустя одиннадцать месяцев после выхода из Англии бросил якорь в таитянских водах.

Почти полгода простоял «Баунти» у берегов прекраснейшего острова. И вот пора в обратный путь, через моря и океаны, сквозь штормы «ревущих сороковых» и не менее изнурительные знойные штили... Еще свежи в памяти моряков «Баунти» трудности и лишения рейса из Англии, а жизнь на прекрасном, щедром солнцем и покоем острове так заманчива. И едва «Баунти» вышел в обратный путь, команда разбилась на два лагеря.

В конце концов те, кто хотел вернуться на Таити, возглавляемые помощником капитана Кристианом Флетчером, взбунтовались. Капитана Блая и восемнадцать его приверженцев высадили в открытый бот и пустили на волю волн. Мятежные моряки вернулись на райский остров. А позже некоторые из них с женами-таитянками и детьми отправи-

«Баунти-2» на всех парусах.

лись на далекий от торных морских путей остров Питкэрн. Здесь, в уединенной бухте острова, «Баунти» был затоплен.

Окруженная разноречивыми преданиями и легендами, история «Баунти» не раз привлекала внимание любителей морских приключений.

В 1957 году один из самых настойчивых исследователей истории мятежного корабля, американский журналист Луис Марден, нашел на дне гавани острова Питкэрн остатки легендарного «Баунти». Интерес к этой «классической морской истории», как называет ее Марден, вспыхнул с новой силой. Несколько лет спустя по заказу одной из кинофирм в Канаде, в Луненберге, был построен новый «Баунти», чтобы играть главную роль в новом приключенческом фильме.

Команда из 26 человек, набранная в Канаде, должна была провести парусник от Новой Шотландии (Канада) через Панамский канал в Тихий океан, на Таити, где и снимался фильм.

В середине XX века совершить плавание по Тихому океану на паруснике — такая «морская душа» не мечтает об этом! Желających поплавать на паруснике, побывать в Южных морях оказалось немало — и среди романтически настроенных юнцов и среди матерых морских волков. И вот позади пробный рейс от Луненберга до Кристополя — атлантического «устья» Панамского канала. Впереди Тихий океан, плавание под парусами, по воле ветра, под звездами, по которым прокладывал курс капитан Блай.

Впрочем, «Баунти-2» вовсе не был точной копией своего тезки: «кинозвезда» сохранила, пожалуй,

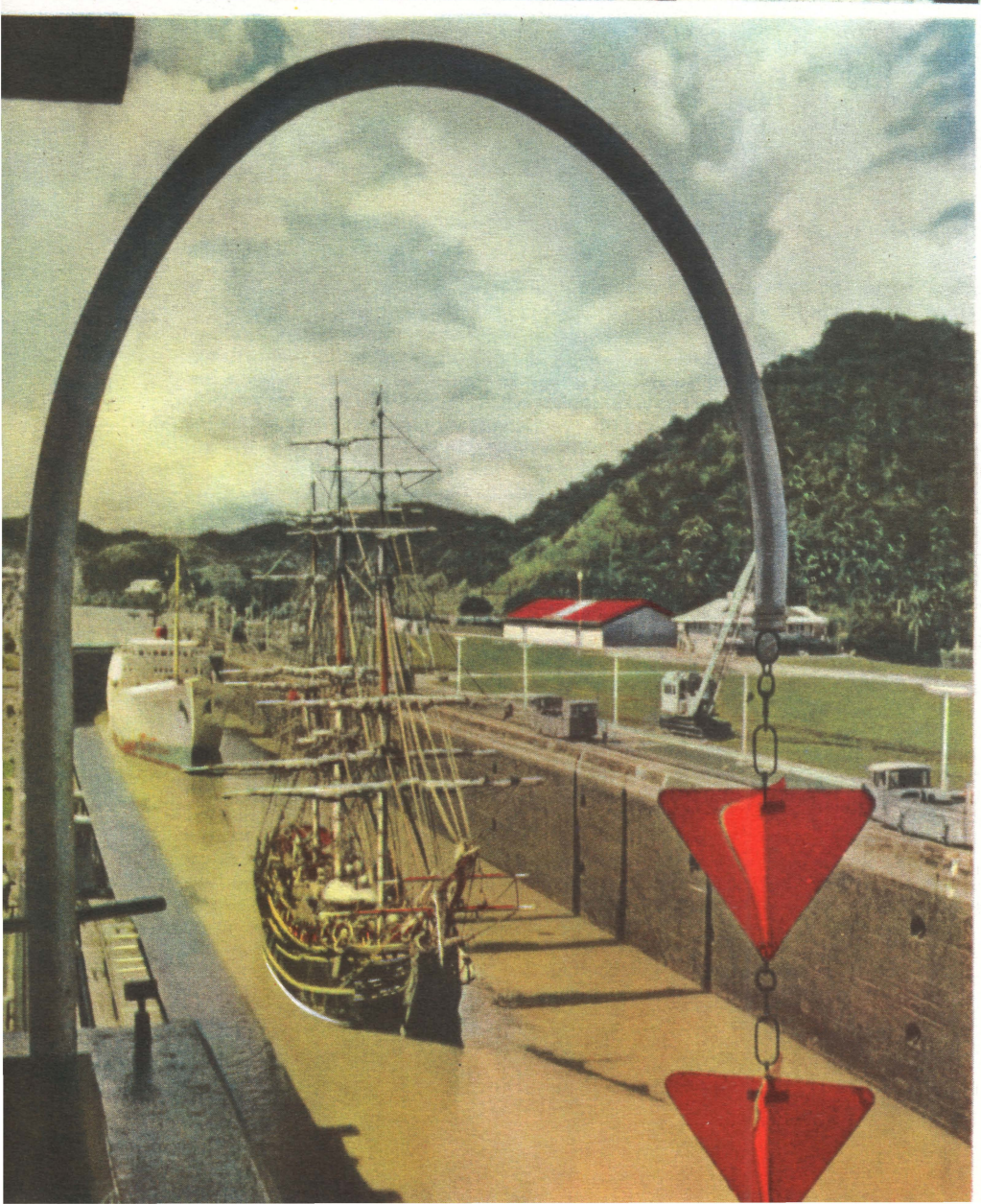
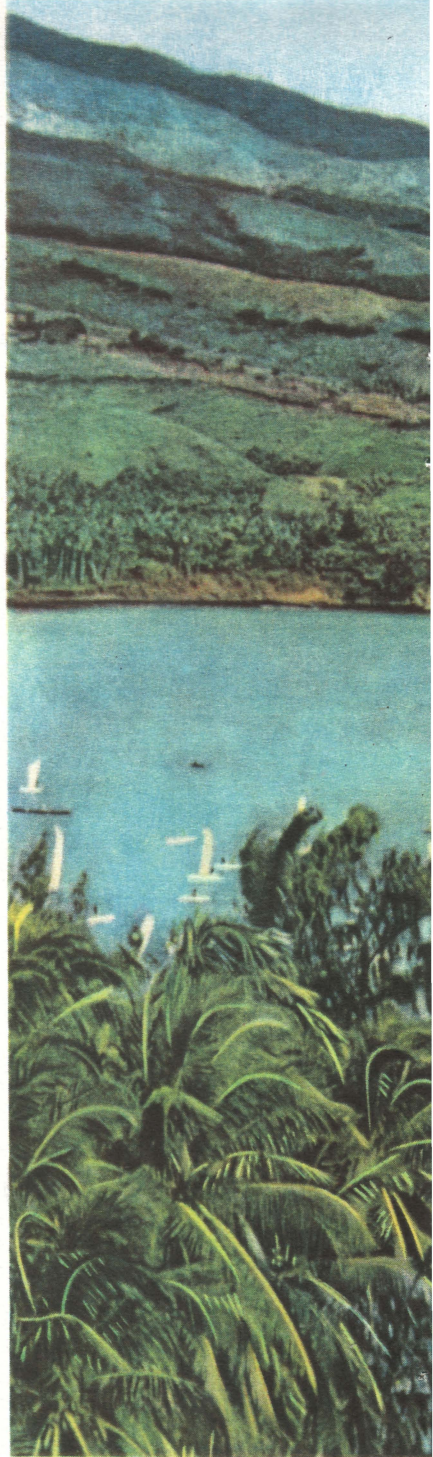
лишь основные, внешние, черты сходства с «мятежником».

В недрах «Баунти-младшего» постукивают два дизеля — надежная замена парусов на случай штиля; его капитан и штурман пользуются современной навигационной аппаратурой, в его каюты и отсеки подается кондиционированный воздух, его команда на двадцать человек меньше, а его палуба на десять метров длиннее, чем у «Баунти-настоящего».

Да и само плавание — через Панамский канал, не существовавший во времена Блая и в проекте, — длилось всего 20 дней и было на... 19 759 миль короче.

К тому же кинофирма торопила с началом съемок, и потому идти приходилось и под парусами и на дизелях. Правда, Луис Марден — он был третьим помощником капитана, — прокладывая курс парусника, пользовался старинной астрольбией. Но делал он это не столько по необходимости, сколько из-за желания почувствовать себя настоящим средневековым мореплавателем.

Впрочем, на борту «Баунти-2» было кое-что и от его знаменитого тезки. Луис Марден перед выходом в Тихий океан торжественно вбил в его корпус обшивочный гвоздь, поднятый со дна гавани острова Питкэрн. А на палубе рядом с корабельной пушкой он водрузил саженец хлебного дерева, вывезенный им с Ямайки. Ведь капитан Блай, спасшийся после мятежа на «Баунти», в 1793 году — спустя пять лет — все-таки доставил злосчастные саженцы на британские плантации в Вест-Индии. Вот от одного из хлебных деревьев на Ямайке и взял

«Прекрасная амазонка» — копия носовой фигуры мятежного парусника — украшала и форштвень парусника-«кинозвезды».

Паруса убраны, дизели выключены. Два красных треугольника означают, что две пары локомотивов удерживают «Баунти-2» на месте, когда из камеры шлюза в Панамском канале спускают воду.

Наверное, так же выглядел «Баунти-настоящий», когда, окончив почти годовое плавание из Англии, он, наконец, бросил якоря у берегов Таити.

Луис Марден росток, чтобы спустя полтора с лишним века высадить его на Таити, земле предков.

...Итак, прошло двадцать дней после выхода из Панамы, и вот как-то ясным теплым декабрьским вечером на месте только что сиявшей Венеры вдруг вспыхнула новая, необычно яркая и сильная звезда. Это, сияя в тропической ночи, маяк указывал путь кораблю. Так спустя 172 года «Баунти» вновь пришел на Таити.

М. КОНДРАТЬЕВА

Изделия
из металла
индийских
кустарей

Ожерелье. Серебро, филигрань (Бомбей). Вазочка. Латунь : эмалевой росписью (Джайпур). Фигура Сарасвати, играющей на вине. Бронза (южная Индия). Брошь с узором по мотивам росписей Аджанты. Серебро, чеканка (Бомбей). Браслет для запястья. Серебро, чеканка (Раджастан). Декоративный сосуд. Техника бидри. Шкатулка в форме утки. Техника бидри (Хайдарабад).

Широко известны в Индии предметы из металла черного цвета. Их впервые стали делать в южноиндийском городе Бидаре в XV веке, поэтому техника изготовления получила название «бидри». Бидри — это отливка из сплава меди и цинка, которая затем обрабатывается сернистой медью и особой землей, содержащей селитру. Удивительная пластика сосудов бидри подчеркивается холодным блеском серебряного орнамента на черном фоне.

Сдержанной и строгой выглядит бидри рядом с латунными вазами, чашами, блюдами, изготовленными мастерами из Джайпура. Праздничную красочность джайпурских изделий дополняет роспись цветными эмалями. Латунь из Джайпура украшала некогда дворцы могущественных магараджей.

Дутые массивные браслеты, височные подвески, серьги, кольца, ожерелья, броши, сплетенные из тончайших серебряных проволочек, свидетельствуют о большом мастерстве индийских ювелиров. Формы женских украшений, так же как и традиционные узоры тканей, за много веков изменились очень мало.

Индийские литейщики, чеканщики, граверы бережно охраняют традиции старинного ремесла.

На этих страницах — рисунки некоторых предметов из экспозиции Государственного музея искусств народов Востока в Москве.

О. ТОМИЛИНА

И. ГРИЧЕР

ОСТРОВ МАКИ

Фото автора

Корсиканские крестьяне в прошлом веке занимались подсечным земледелием. Они выжигали участок леса и засевали землю, на которой лежал толстый слой золы. После того как колосья были собраны, оставшиеся в земле невыгоревшие корни деревьев пускали весной частые побеги, которые за несколько лет достигали высоты более двух метров. Побеги сплетались между собой и, как трясина, засасывали деревья. Этот корсиканский буш называется «маки». Человек может проложить себе дорогу через маки лишь с топором в руках.

В годы войны с фашистами здесь скрывались отряды корсиканских партизан. Словом «маки» стали называть все силы Сопротивления борющейся Франции.

...Вечером территория палаточного лагеря огласилась трелью автомобильных сирен. Машины

Из корсиканского блокнота

въезжают одна за другой. Их пять — самых разнообразных видов и марок, а общий возраст, наверное, уже далеко перешагнул за сто.

Это приехали крестьяне селения Пента. В руках гитары, оплетенные лозой бутылки с добрым домашним «вин дю Корсо». Сегодня у нас встреча с бывшими партизанами.

Троекратные крепкие объятия. Бутылки на стол! Пробки долой! Крутобокие кружки наполнены густым красным вином.

Среди гостей вижу пожилого бородача. На нем национальный корсиканский наряд: черная шляпа, красный кушак, на плечах внакидку жилетка, рукава рубахи с напуском, а на иссеченной морщинами шее — узлом цветастый платок. От него ни на шаг не отстает кряжистый мужчина в сбитой на затылок клетчатой кепке и полосатой матросской тельняшке.

— Мы из семейства Арри, — говорит старик. — Меня зовут Паул, а это мой сын Ягом. А нука, парень, дай нам еще вина!

Семейство Арри — отец и сын.

Ягом уносится в погребок. Паул удовлетворенно кивает:

— Корсика — это вам не Париж, здесь дети уважают своих отцов.

Ягом возвращается с глиняным кувшином и кругом крепкого, пахнущего овчиной, необычайно вкусного козьего сыра.

...В дни Сопротивления отец и сын ушли в маки. Длинные холодные ночи в горах, на обед — луковица да глоток ключевой воды, короткие ожесточенные встречи с итальянскими и немецкими карателями. Они вспоминают «забавный» случай.

Ягому оружия еще не доверяли, он нес бурдюк с водой. В разгар перестрелки партизаны отослали мальчонку подальше в тыл. Но Ягом, пробираясь сквозь заросли маки, неожиданно вывалился из кустов прямо в ноги к притаившемуся итальянскому жандарму.

Шаг в сторону от дороги — и маки проглотят человека с головой.

Каменные статуи греют свои красные бока под щедрым корсиканским солнцем.

Жандарм крепко ухватил его за шиворот. Но Ягом, словно волчок, впился зубами жандарму в запястье. Тот взвыл и выпустил мальчишку, а заодно уронил и карабин. Ягом схватил карабин и — в кусты. В маки человека найти невозможно, особенно такого — от горшка два вершка.

...После войны Ягом уехал из дому, поплавал по морям, да, так и не найдя счастья в чужих краях, вернулся на родной остров.

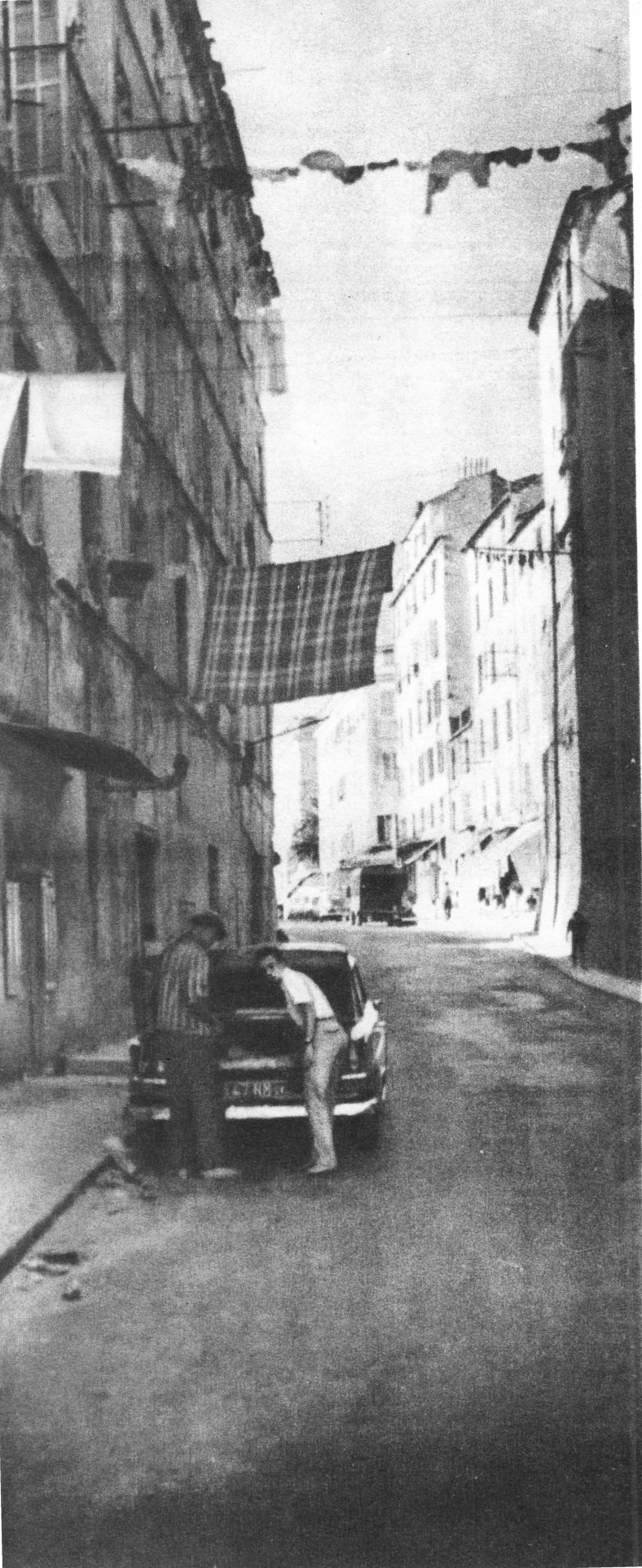
За поворотом открывается, наконец, долина, а воздух еще напоен терпким ароматом маки.

Мы минуем развалины генуэзской крепости и, обогнув поросший оливами холм, тормозим у проволочной изгороди. Отсюда пыльная тропинка уводит нас в прошлое: здесь ведутся раскопки древнего поселения Филитозы.

Навстречу из неглубокой траншеи, «охраняемой» идолами из красного камня, поднимается высокий человек. Щеточка франтовских усов и по-мальчишески облупленный нос. Он смущенно вытирает заскорузлые руки, представляется: Роже Гросжан, директор центра по изучению доисторического прошлого Корсики.

Гросжан рассказывает нам удивительную историю Филитозы. Долгие годы считалось, что зна-

Недалеке от дома, где родился Наполеон, возвышается помпезный памятник.

Переулки «города императора» выглядят отнюдь не парадно.

чительных памятников древности на Корсике нет. Но когда в 1954 году начались раскопки на юго-западном побережье, под тонким слоем почвы обнаружили десятки примитивных гранитных изваяний. Мастера, жившие в те далекие времена (IV—II тысячелетия до н. э.), пытались добиться даже портретного сходства.

Это было неожиданным открытием. Вначале предположили, что изваяния служили надгробьями. Но в кладке крепостной стены обнаружили застрявшие между камнями наконечники бронзовых стрел. А потом последовала целая серия находок — уникальные образцы бронзового оружия. Откуда оно взялось? Жители поселения были мирными скотоводами и не воевали друг с другом. Значит, решили ученые, они подверглись нападению.

Может быть, в знак победы жители высекли из гранита изображения повергнутых врагов?

И все-таки Филитоза пала. Но чужеземцы, которые пришли, видимо, с востока Средиземноморья, прожили на острове недолго. Следы их пребывания здесь теряются в первом тысячелетии до нашей эры.

Десять лет раскопок — срок небольшой. Загадок осталось множество. Сегодня археологи прокладывают лишь тропинку в прошлое острова.

Пустынная морская гладь подернута дымкой... Косой рыбацкий парус замер на горизонте. Мясистые ладони кактусов тянутся к воде. Берег бухты — ожерелье из золотого песка...

Вода прозрачна, как утро. К мшистым камням прилепились и щетинятся иссиня-черными иголками морские ежи. Целыми днями мальчишки ныряют за ними. Затем, ловко обломав хрупкий панцирь, лакомятся в тени кактусов пахнущим йодом мясом.

Ружье у меня в руках пускает солнечные зайчики. Ружье замечательное. С таким, наверное, не страшно встретить и акулу. Дал его мне черноусый богатырь Арман. Это приз, полученный на чемпионате по подводной охоте.

Светлые блики выхватывают картины прибрежного дна. Камни, худосочная зелень водорослей. На песчаных лужайках стайками

гуляют полосатые, плоские, как нож, рыбешки. На них я не обращаю внимания. Терплю и, как истый рыбак, ищу большую рыбу. Человек, которому доверили такое ружье, должен доказать, на что он способен.

Через минуту вижу на дне непонятный предмет, похожий на огромный ящик. Нырять. Это какая-то деталь судна — громоздкий металлический короб, в кружево источенный ржавчиной. Внутри шевелится серая бугристая масса. Вдруг высовывается пара щупалец, покрытых пятнами присосков. Осьминог!

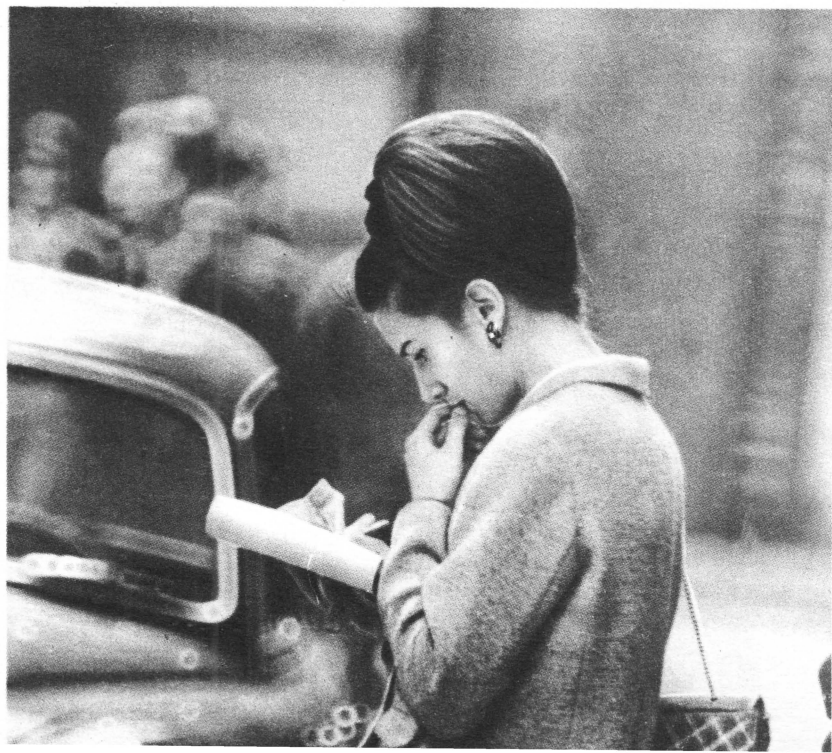
Лихорадочно готовлю ружье к выстрелу. За гарпуном вскипает ниточка пузырьков. Щупальца мгновенно исчезают. Тяну за литье, прикрепленный к гарпуну.

На берегу небрежно швыряю «чудище» подальше от воды и падаю ничком на горячий песок. Краем глаза слежу за любопытными, сбежавшими со всего пляжа. Раненый осьминог неожиданно резко выбрасывает щупальца. Толпа редеет. Вразвалку подходит мальчишка. Привычным

жестом поднимает животное за голову и выворачивает наизнанку кожистый мешок. Осьминог тут же затихает, а парнишка с недоумением смотрит на грозное

ружье: «Гарпун? Да мы их руками ловим!»

Вечером повариха Анжелика приносит нам огромное блюдо с дымящимся деликатесом. Мы

Молодая корсиканка.

Руки вверх, осьминог!

Набережная в Аяччо.

лакомимся отбитыми, как бифштекс, кусочками зажаренных в томатном соусе щупалец. И в который раз слушаем изобилующую «ужасными» подробностями историю о том, как однажды Анжелику схватил осьминог и хотел

утащить под скалу. Но ей на помощь бросился молодой рыбак, который вырвал Анжелику из страшных объятий.

— Ах, это было так давно! — неожиданно грустно вздыхает Анжелика.

Рисунок К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

НИГЕРИЙСКАЯ СКАЗКА

ХРАБРЫЙ ОХОТНИК ИЗ ГОЛО

Человек, по имени Сейду, жил в деревне Голо. Всякий раз, когда мужчины деревни шли на охоту и возвращались с добычей, Сейду говорил жене:

— Среди охотников я самый храбрый. Один на один я сражался с леопардом и охотился на слона. Я шел вперед, и лев убегал. Я самый храбрый среди охотников.

Его жена Лади отвечала:

— Разве ты один приносишь домой мясо?

Сейду говорил:

— Другим просто везет.

Однажды несколько женщин деревни решили пойти на похороны в соседнее селение. Но мужчины работали на полях и не могли оставить свою работу. Лади сказала женщинам:

— Мой муж самый храбрый. Он проводит нас через лес.

Она пришла к Сейду и сказала:

— Женщины собираются на похороны, они просят, чтобы ты один проводил их через лес. Ты согласен? Сейду сказал:

— Когда требуется мужество, люди говорят: «Где Сейду?» Я согласен.

Он взял копье и пошел с женщинами через лес. В лесу были воины другого племени. Они охотились. Увидев Сейду, идущего с женщинами, они сказали:

— Смотрите, он вышагивает, как петух. Давайте нагоним на него страху.

Охотники выскочили из кустарника.

Сейду крикнул:

— Мы окружены! Лезьте на деревья!

Женщины кинулись к деревьям. Сейду вместе с ними. Но охотники, притаившиеся за деревьями, схватили всех.

Вождь охотников спросил жену Сейду:

— Как тебя зовут?

Она ответила:

— Лади.

— В нашем племени тоже есть женщина с таким именем. Мы не причиним тебе зла, потому что тебя зовут Лади.

Увидев, как хорошо, когда носишь имя Лади, другая женщина ответила:

— Меня тоже зовут Лади.

Вождь охотников сказал:

— Хорошее имя. Мы не причиним тебе зла.

Он опросил всех женщин, и все они ответили: «Мое имя Лади».

Затем вождь охотников обратился к Сейду:

— Все женщины твоей деревни носят имя Лади. Станный обычай. В нашей деревне у женщин разные имена. Ну ты, петух, ведущий выводок кур, как зовут тебя?

— Меня, — сказал Сейду, — меня тоже зовут Лади.

Воины засмеялись. Женщины Голо засмеялись тоже.

Охотники отпустили всех. Сейду и женщины пошли на похороны, а потом вернулись к себе домой. Когда они прибыли в Голо, все стали смеяться над Сейду. Вместо того чтобы называть его по имени, все звали его теперь Лади. Сейду пошел прямо домой и закрыл дверь.

Наконец он послал свою жену сказать всем:

— Сейду согласен, что теперь он не самый храбрый в деревне.

И люди Голо не стали смеяться над Сейду.

Перевел Э. Ермолаев

КОТИКИ У СЕБЯ ДОМА

Галечные пляжи суровых Курил и Командор — излюбленное место обитания морских котиков. Каждую весну на давно обжитые лежбища из дальних южных стран приплывают их стада.

Первыми прокладывают путь могучие самцы-секачи. Они стараются занять места получше и не уступают соперникам ни пяди.

Следом за секачами к желанным берегам приплывают стада самок. Жизнь на лежбищах вступает в новую фазу: котики создают семьи. Самые сильные собирают «гаремы».

Коротко скупое северное лето. Близятся холода, уходят в теплые южные воды котики.

Плохую службу сослужила котикам их драгоценная шкура. В прошлом веке они почти полностью были выбиты. Много усилий приложили советские биологи, чтобы вновь ожили умолкнувшие было галечные пляжи у подножий вулканов.

Теперь на острова, где обитают котики, высадка разрешена только специалистам котикового хозяйства, да и то без оружия.

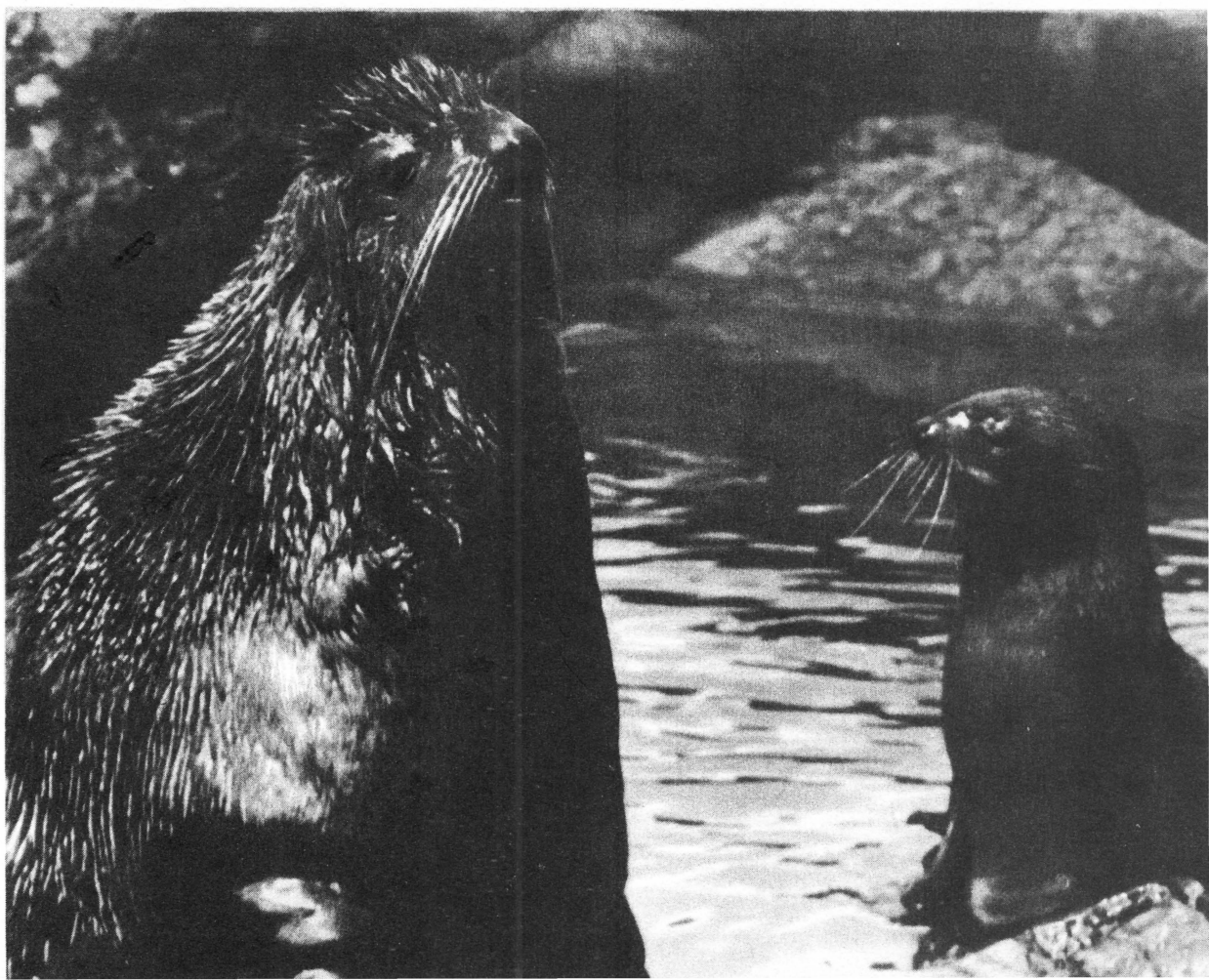
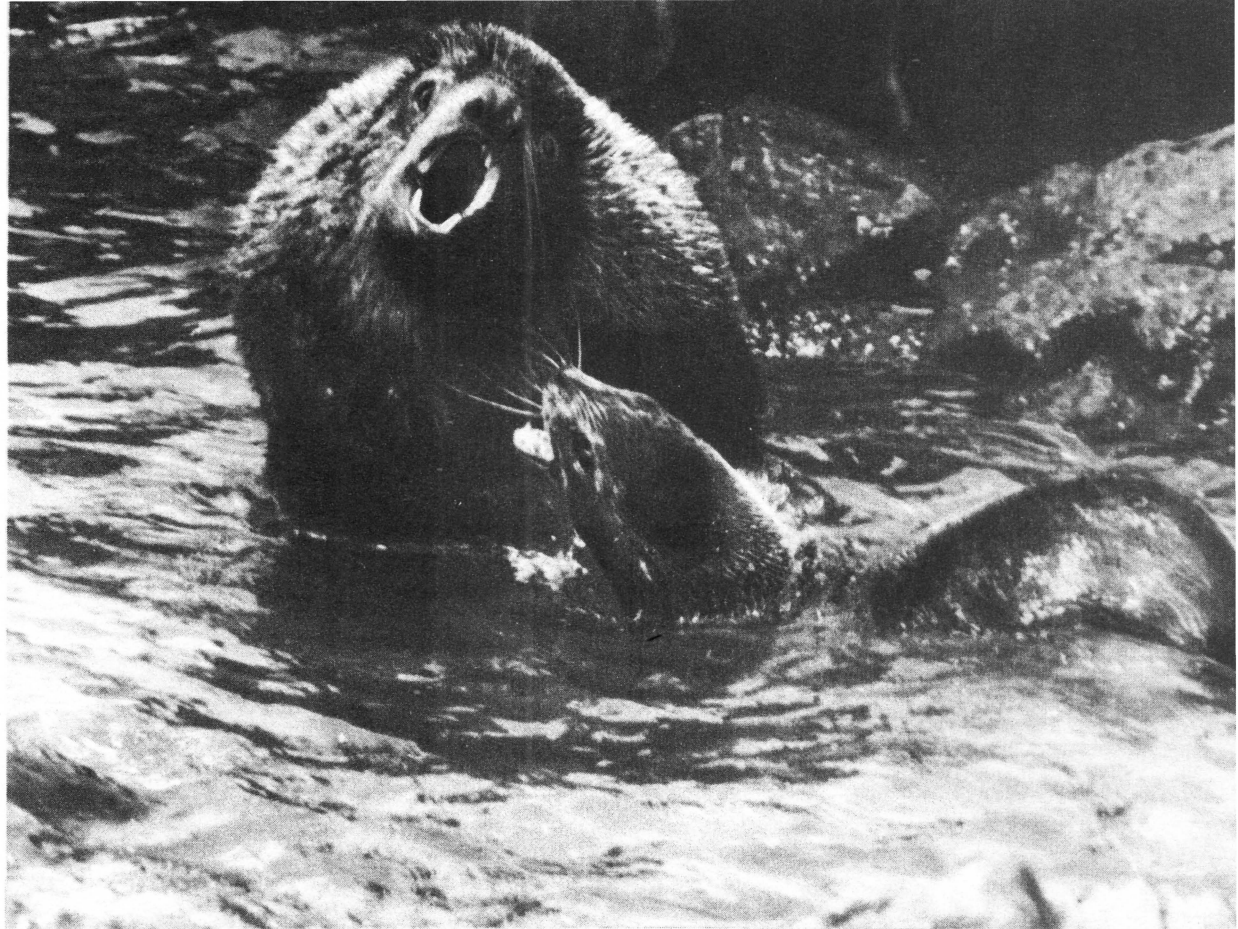
И вот я, биолог, вооружившись телеобъективом и терпением, приехал в гости к котикам.

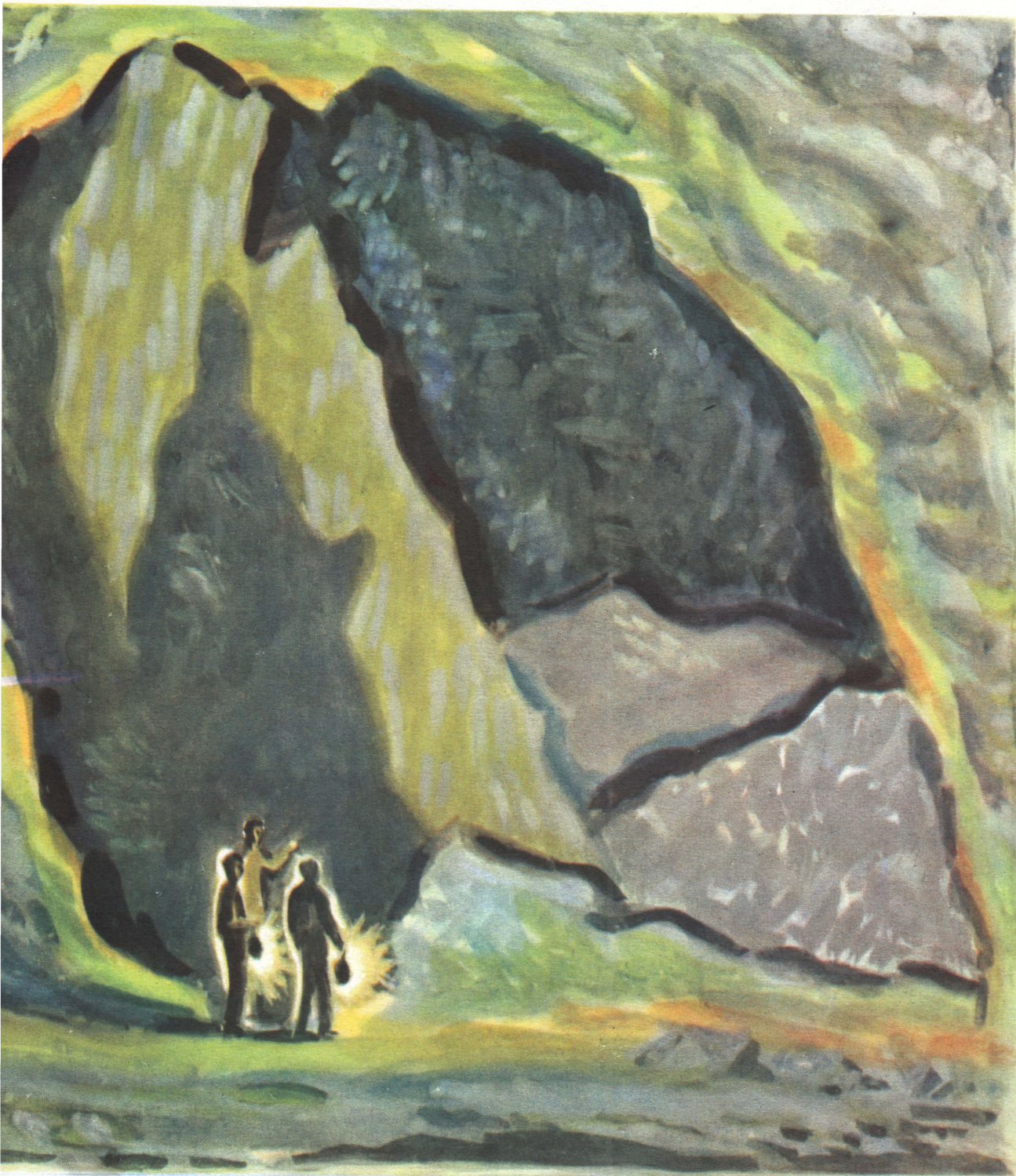
А. РАКОВ

Приморский край, пос. Кировский

ФОТОКОНКУРС «ВОКРУГ СВЕТА»

Фантастический мир возник перед глазами...
Экспедиция «Вокруг света» в подземельях Солотвина.

ОТ ЧЕРНОГО

Репортаж ведут наши специальные корреспонденты:
Ю. САВЕНКОВ, В. СМИРНОВ, рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

СТРАНИЦА ДЕВЯТАЯ МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ ПРУТ

«Ливневые дожди с грозами ожидаются в Молдавии...»

(Из сообщения
Института прогнозов)

Едем в Унгены.

Шоссе играет с железной дорогой в чехарду. Перепрыгнет через рельсы, отбежит далеко, так что не видно насыпи и маслянистого блеска рельсов, снова приблизится для очередного прыжка.

«Ферицивэ де трэн!», «Ферицивэ де трэн!» — «Берегитесь поезда!» Только успевай глядеть.

А поезда бегут, зеленые, едва заметные среди поросших сочной травой холмов. Москва — Унгены. И далее — до Бухареста, Софии. Что же это за станция, название которой четко выведено на белой эмали рядом с гордыми столичными именами?

Едем в Унгены.

Молдавия, благословенный край. Виноградники, табачные плантации, кукурузная чащоба...

На пригорке, среди взрыхленной рыжей земли, работают сожженные солнцем парни в ковбойках. Деревянные лопаточки, осторожные движения. Археологи — люди, которым дано путешествовать на машине времени. Остатки древней стены вырастают, словно мексиканские кактусы.

Веками пахнет, историей. И — дождем.

Дожди в этих краях могучие. Надо же природе что-то противопоставить жаре и засухам. Такую же буйную, неукротимую стихию.

Огромное пепельно-серое облако с серебристыми краями выползает из-за лилового хол-

ма, хочет сравняться с ним в размерах. Перерастает. Тянется к земляничного цвета домам с белыми крышами. Переключка ярчайших, соперничающих красок. Сейчас все погаснет. Погасло.

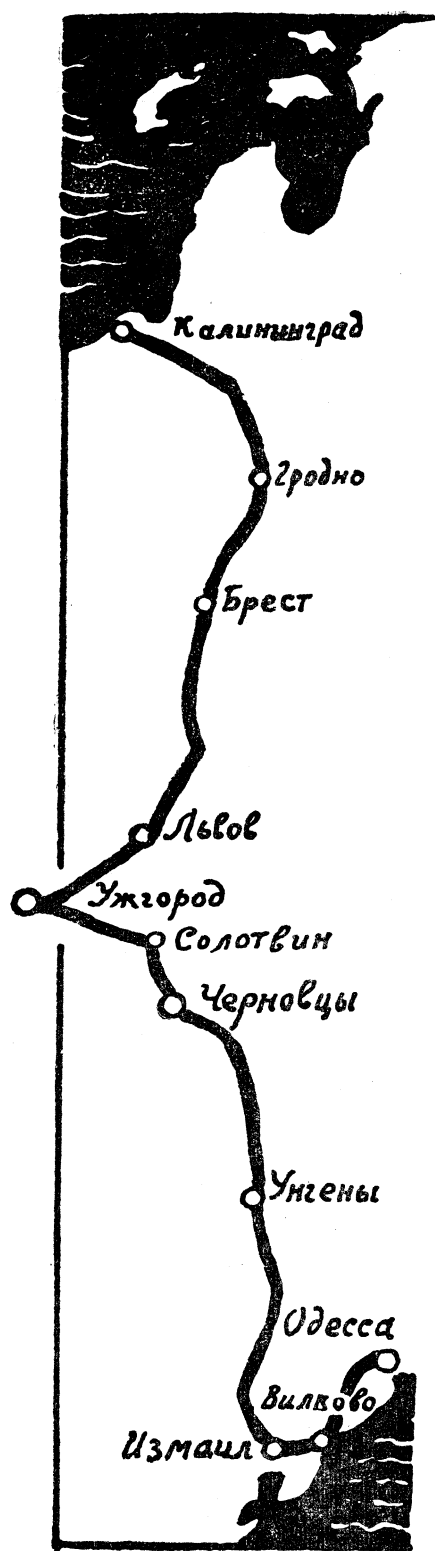
От облака отрываются легкие серые осколки и плывут к нам, как разведчики, гонцы близкого ливня. Все застывает — только облака в движении.

И грянул дождь. Ни зги не видать. Кажется, згой называли в старину бубенчик на дуге. А где зга у «Москвича»? Хромированная блямба на капоте, близ радиатора? Не видать блямбы, утонула.

Гасим скорость и прощаемся с надеждами добраться до Унген засветло. Но вряд ли нам следует сетовать на задержку в пути — не будь ее, мы не остановились бы в ближайшем селе и не узнали бы об этих ребятах. Во время короткой остановки, когда дождь лупил по крыше, как осатаневший жестящик, мы узнали о дне, когда вот так же выползла из-за холмов пепельно-серая туча, повисла над Прутом и превратилась в ливень.

В тот день Володя Козьменко и Яков Левенец ехали на тракторе вдоль границы по густо заросшему ивняком берегу Прута. Ливень, в одно мгновение превративший солнечный полдень в вечерний сумрак, заставил их остановиться.

Село лежит в ложбинке, в том месте, где ручей Болоешты впадает в Прут. Ручеек всегда был домашним, тихим, а тут... Такого в этих краях еще не бывало. Вода хлынула в ложбину. Свины и куры, выхваченные из разрушенных сараев, неслись в Прут. Пролетел, ворочаясь и взблескивая в сумраке лемехами, тракторный плуг.

ДО БАЛТИЙСКОГО

Люди бросились к телефону. Но связь была уже прервана. Володя Козьменко повернул к селу. Трактор спустился в ложбину, и гусеницы его скрылись в воде. Даже тяжелая машина ощущала напор потока.

Только бы не провалиться в яму! Накроет с головой.

Вот здесь был мостик. Как найти узкий деревянный настил, скрывающийся в потоке?

Гусеницы как бы сами собой нащупали настил. Неожиданно нос трактора нырнул в поток. Яма.

Теперь машину приходилось вести рывками. В задний мост попала вода с песком, нагрузка на двигатель резко возросла. Дизель работал с переборами.

Дома вынырнули из сетки дождя. Люди сидели на крышах. Задним ходом Володя подал трактор к накренившемуся домику. Люди прыгали на крышу кабины. Семь человек. Вся семья.

Яков крикнул:

— Правь по заборам!

Верхушки плетней еще кое-где торчали из воды.

Когда Володя оглянулся, дома не было. Уплыл в Прут.

И еще один рейс, и еще.

В село уже вступали военные амфибии — спешили на помощь.

Через час стих ливень, и градины, лежавшие на крышах, мгновенно стаяли под лучами солнца.

Еще через час спал поток, меей ушел в Прут, всосался

в землю. Трактор медленно выбирался из последних луж. У того места, где дорога пересекала ручей, двигатель смолк. Не выдержало стальное сердце машины.

— Володя, как же мы переехали?

Мутный ручей бежал в обрывистых берегах. Мостика не было. Опоздай пограничники хоть на несколько минут...

— Значит, успели, — устало отозвался Козьменко.

Привокзальная гостиница стоит на узком островке, сжатом железнодорожными путями. Рельсы, наткнувшись на острый асфальтовый мысок, обтекают вокзал и снова смыкаются.

Ночью, когда гостиница затихает, станция продолжает работать. Лязг, грохот, свистки маневровых тепловозов. И все звуки покрывают металлические голоса динамиков.

— Остановка, третий пост!

— Вперед, бросаем на шестнадцатый.

— Стрельцов, по шестому вертушка.

Будто грубоголосые великаны бродят меж рельсов, передвигая поезда и вагоны и занимаясь загадочной, непонятной непосвященному человеку ночной работой.

Спят в гостинице люди, привычные к дорожному гаму. Ремонтники. Инженеры, приехавшие налаживать новую систему сигнализации. Спят в от-

делении «Интуриста» гости, для которых Унгены — маленькая остановка на длинном пути.

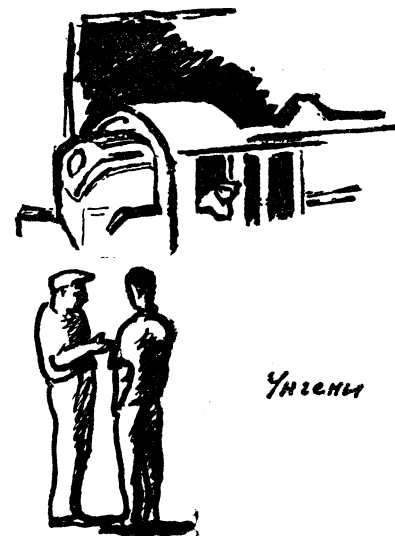
Ветер вносит в открытые окна запахи дегтя, разогретого за день и еще не остывшего металла, дизельную гарь. И ко всему этому сложному и характерному железнодорожному букету примешивается нежный и волнующий садовый аромат. Он кажется странным, таинственным.

Ранним утром черное, широкое, изрезанное рельсами станционное полотно напоминает вспаханное поле. От него исходит ощутимое тепло, как от свежей, взрытой плугами земли... Так вот источник садового аромата! Ящики с алыми помидорами, покрытые матовой изморозью лиловые сливы, гроздь раннего и такого соблазнительного винограда.

Унгены — словно в гигантском конвейере, поставляющем в наши города плоды и фрукты, выращенные в Румынии и Болгарии. Лето — самая горячая пора для железнодорожников Унген. Москвич, остановившийся у фруктового лотка, наверно, не думает о том, какой длинный и нелегкий путь проделали подчас «дары земли поденной», прежде чем попасть в бумажный кулек.

— Давайте помидоры, «вертушка» пришла. Примем. Возьмите узкий порожняк...

Это начальник станции Унгены Артем Нахрадян толкует «с той стороны», с румынской

станцией Сокола Рохе. Таких переговоров немало у него на дню. Это торопливый, без протокола диалог двух коллег. Это работа. Трудная, требующая нервов, энергии и изобретательности. Поток грузов растёт с каждым днем. Надо попевать.

В кабинете у Нахрадяна три флажка — советский, румынский и болгарский. Древки их сходятся, как сходятся стволы деревьев, растущих из одного корня. Унгены — железнодорожные ворота в Болгарию и Румынию. Здесь стальные рельсы, прибежавшие с холодного севера, из целинных степей, карельских лесов, стыкуются с рельсами, бегущими к розовым плантациям и виноградникам стран-соседей.

Мы идем меж путей, словно по цехам гигантского транспортного комбината. Рампы с их бетонными многометровыми площадками, краны, вагонные парки.

Граница дружбы, объединяющая братские страны, обладает гигантской созидательной силой. Она возвела к жизни эту станцию. Здесь тезис об экономическом сотрудничестве приобретает наглядный и предельно выразительный смысл.

Отсюда, со станции, видны стальные фермы моста через Прут. На этом мосту, над быстрой темной водой, встречаются два потока грузов. Мост — символ, мост — рукопожатие.

Румынский кондуктор в синей, с красной окантовкой

форме, вскочив на подножку товарного вагона, прикладывает руку к козырьку. Он здесь теплый человек, кондуктор. Прогрохочет мост, потом — Сокола Рохе, Яссы. И обратный путь.

Кондуктор отдает честь Унгенам. Смуглолицые индонезийцы в светлых костюмах салютуют в ответ. Моряки, они ждут пезда, чтобы ехать в Измаил. Там, в затоне, стоит теплоход, выстроенный на верфях в Венгрии. Тот самый, который мы видели недавно, путешествуя по Дунаю, — «Ментавай». Вместе с нашими моряками, перенимая на ходу, в плавании, их опыт и умение, индонезийцы отправятся на родину.

Стайкой проплывает ряд свеженьких, нарядных красных вагонов. Четкие буквы ОРВ. Общий вагонный парк стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Общий парк позволяет более эффективно использовать транспортные средства, избежать порожнего пробега вагонов.

Могучие электродомкраты поднимают над землей длинный пассажирский вагон. Вагону меняют колеса. Теперь ему предстоит катиться по более узкой колее — в Софию. Пассажиры, поднятые почти до уровня второго этажа, разглядывают из окна вагона станцию.

Унгены. Бывший провинциальный полустаночек, дремавший на берегу Прута...

Пассажиры жадно впитывают впечатления. Унгены. Большая приграничная станция.

Чуть подальше — мост, стальное, вечное рукопожатие двух берегов, двух стран...

СТРАНИЦА ДЕСЯТАЯ САДУ ЦВЕСТЫ!

Володька, одиннадцатилетний парнишка из Кировограда, приехал на Карпаты. На летние каникулы, в гости к тете. Живет Володька в бывшем графском имении Бахта (там сейчас Закарпатская сельскохозяйственная опытная станция, и Людмила Лукинична работает на ней агрономом) и уже знает кое-что о прошлом этих мест. Бывал он и за перевалом, лазал по горам, бродил по берегам горных рек, где плещется форель. Есть о чем рассказать друзьям в Кировограде. Но вот на границе Володька не был и людей в зеленых фуражках не видел. Очень это огорчает парня, ведь Береговский район, где он живет, пограничный.

Много книг о пограничниках прочитал Володька, и сложился у него образ границы: черная, взрыхленная полоса, суровая и неприступная. Ее называют ничейной полосой. Часовые, застывшие у полосатых столбов, дозоры в маскировочных халатах, натянутые поводки служебных собак, яркие вспышки сигнальных ракет.

...Голубое, прозрачное утро. Солнце палит. Вдоль дороги тянутся бесконечные зеленые плантации. И легкий ветерок шелестит широкими, как лопухи, табачными листьями. Чуть поодаль складывают сено в шарообразные скирды. Рубиновый «Москвич» тормозит около темно-зеленой изгороди с широкими воротами. Володька первым выскакивает из машины и видит... сад.

Ровными рядами тянутся яблони и сливы. Они не раскидывают пышных крон, как дома, на Кировоградщине, а почти стелются по земле. Длинная, густая паутина...

И видит Володька зрелище необычайное: ходят по саду военные люди. Одни — в защитных гимнастерках и зеленых фуражках, другие — в гимнастерках салатного цвета, с любопытными гербами на петличках: сторожевая башня и два скрещенных автомата. Внимательно рассматривают они деревья, беседуют с гражданскими людьми. Налево, совсем рядом, высокая арка. На ней четкими рельефными буквами написано: СССР.

Граница. Еще шаг — и ты очутишься в Венгрии, а «ничейной» полосы тут что-то не видно. И на той стороне — тоже тянутся цепи карликовых деревьев.

— На этот раз ошиблись, капитан Данко, — смеется майор Меркушев, русоволосый, небольшого роста, — заяц не мог сломать ветку, косому вообще сюда не проникнуть — смот-

рите, какую изгородь смастерили.

Капитан Данко привязывает ветку и поднимает на нас серые, выцветшие на солнце глаза.

— У нас в Венгрии их называют гномы-великаны, — говорит он о деревьях.

— То, что гномы, мы видим, но почему великаны?

— А это вам пусть специалист объясняет, — капитан лукаво подмигивает парню в бежевой рубашке. Это венгерский бригадир.

Сегодня в сад приехали советские и венгерские пограничники — встретиться с рабочими садоводческих бригад, посмотреть, как растет их общее детище — сад советско-венгерской дружбы. Общий язык находят сразу — ведь многие пограничники сами в недавнем прошлом водили комбайны, убирали хлеб, сажали яблони.

Вчера, когда мы решили поехать на эту встречу, Володька очень просил взять его с собой, и Людмила Лукинична тоже присоединилась к просьбе племянника — «пусть хлопец посмотрит, какая она, граница».

Как-то летом — было это в 1959 году — остановились здесь голубые автобусы, загорелые ребята и девочки выбежали на широкое поле, разбили палатки и расположились на ночлег. Посланцы советской молодежи ехали на Всемирный

фестиваль в Вену. И это была их последняя остановка на родной земле. Проснулись рано утром, как только первые солнечные лучи осветили широкую зеленую равнину. «Вот бы в этих краях сад посадить — уж очень место подходящее», — сказал кто-то из ребят.

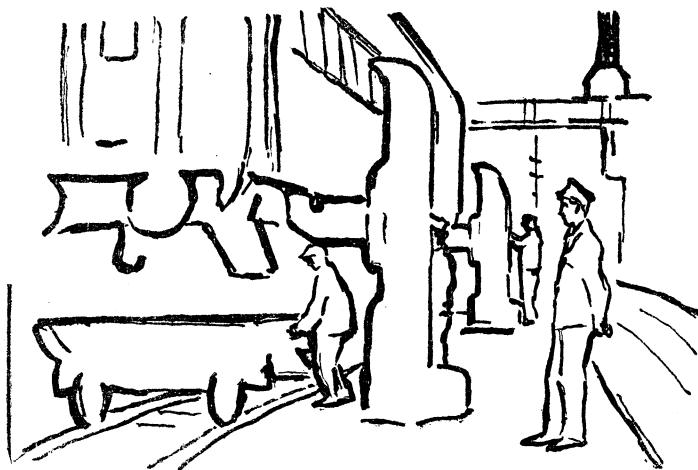
Идея понравилась жителям пограничных сел — нашей Лужанки и венгерского села Берешурань. И решили посадить сад в честь вечной нерушимой дружбы двух народов-братьев.

Стали подготавливать участок для сада. Специалисты определили: близко к поверхности подходят грунтовые воды — тогда провели дренаж на площади более 100 гектаров. Участок обнесли сеткой. Ведь рядом находится заповедник, и когда проводили осушительные работы, зайцы часто наведывались «в гости».

29 марта 1960 года — день рождения сада. Жители обоих сел собрались на границе, на торжества приехали садоводы и колхозники из других сел. Венгры привезли с собой саженцы карликовых деревьев. Посадили яблони сорта «джонатан», «старкинг», «розмарин», «делишес золотой», сливы «венгерка мускатная».

— Вы пробовали «джонатан»? — спрашивает капитан Данко. — Наш Сабольч-Сатмарский район — родина этого сорта. Такие багрово-красные яблоки с пряным ароматом. И сохраняются долго — до мая.

— «Старкинг» очень напо-

минает по вкусу нашу среднеазиатскую дыню, — говорит розовощекий юноша (это один из наших садоводов), он надвигает серую кепку почти на глаза. Солнце палит нестерпимо. — В прошлом году, когда венгры приезжали делать опрыскивание, мы угощали их сахарной ашхабадской дыней.

Теперь в саду не только садоводческая бригада работает. Ученые Закарпатской сельскохозяйственной станции проводят опыты — пробуют разные способы обрезки — венгерскую, крымскую. Ученые двух стран обмениваются опытом борьбы с вредителями. А недавно чехи подарили минеральные удобрения. «Интернациональный опыт», — говорят на станции.

— Почему все-таки гномы-великаны?

Венгерский бригадир рассказывает о том, как лет десять назад садовод Шандор Фейеш начал работы по выведению карликовых яблонь, слив, персиков, груш. Ветви деревца он привязывал к почве не в форме классической дуги, а придавал им горизонтальное положение. Результаты оказались поразительными. Уже на третий год деревца-гномы давали урожай 20—25 центнеров с гектара, через пять-шесть лет урожай достигал 160, а на плодородной почве — и 200 центнеров с гектара. Под руководством доктора Фейеша сады карликовых деревьев были заложены в госхозах и коллективных хозяйствах. Роста де-

ревья небольшого, а урожай дают «великанский».

— Потому и называют их гномы-великаны, — бригадир вопросительно смотрит на капитана Данко, словно ищет подтверждения правильности своих слов. Капитан Данко сам неплохой садовод, и жена его учится на агронома.

— Приезжайте осенью, — говорит розовощекий садовод, — когда урожай созреет. Вы не увидите ни на одной яблоне лестницу, и сливы будут убирать, стоя на земле. Вот и пригодится их карликовый рост.

— Пойдемте посмотрим на «младшего брата», — приглашает венгерский бригадир.

«Младший брат» — так называют сад, который в 1963 году трудящиеся села Берегшурань посадили рядом с нашим садом. Сажали деревья глубокой осенью. Поначалу копали вручную, и работа шла довольно медленно, а надо было торопиться — вот-вот мороз грянет. И тогда колхоз имени Ленина помог друзьям. На участок пришла посадочная машина — трактор с буровом-ямокопателем. Слово штопор ввинчивался бур в землю, и одна за другой появлялись ямы. Восемьсот в день. Через десять дней сад был посажен.

Вдали виднеются белые домики. Это Берегшурань. Деревья в саду совсем юные. И работают здесь юные девушки в белых платочках — взрыхляют землю.

— Это учащиеся восьмого класса, сейчас каникулы, и они приехали помочь.

Капитан Данко растирает в ладонях сухую землю и смотрит на небо: в дымчатом мареве медленно плывут к нам со стороны Тисы серые тучи.

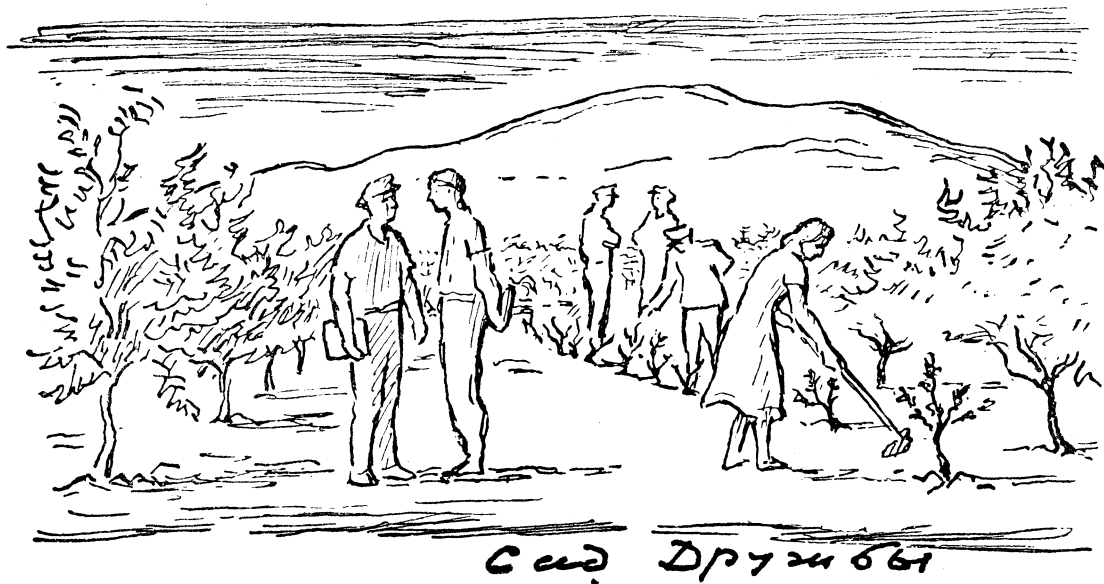
— Нужен дождь, — говорит майор Меркушев, словно читая мысли венгерского капитана.

В голосе его слышится желание земледельца. Не пограничника. Ведь в дождь службу нести куда тяжелее. Это майор хорошо знает — семнадцать лет на границе.

...Вот и побывал Володька на границе, поговорил с людьми в зеленых фуражках и даже земляка своего встретил — один пограничник оказался комбайнером из Кировоградской области.

Окончились летние каникулы, вернулся Володька домой и, конечно, рассказал друзьям о том, что есть в наши дни и такие границы, где сады растут, — границы между друзьями.

И, может быть, сейчас, когда пришла пора цветения и стоят у него дома, на Кировоградщине, сады в бело-розовом убранстве, он представил себе другой край и иной сад. Деревья там не похожи на те, что дома. Они низко стелются по земле. И в воздухе струится пряный аромат. Граница в цвету...

Сад Дружбы

ЛЕСТРЫЙ МИР

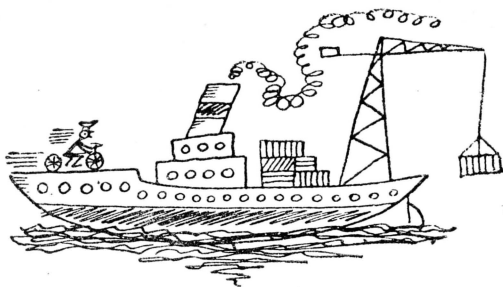
УКРАДЕННЫЕ СКВАЖИНЫ

Техасцы любят говорить, что в их штате все самое большое, самое замечательное и самое выдающееся. При этом они готовы сослаться даже на гигантский скандал, недавно разразившийся в их штате.

В Техасе были обнаружены 244 наклонные скважины, предназначенные для того, чтобы выкачивать нефть с чужих нефтяных полей.

Обман открылся случайно — из одной зарегистрированной скважины вместо нефти вдруг полилась грязь, потому что нефть была выкачана соседней скважиной-воровкой. В «черном бизнесе» оказались замешаны многие видные граждане штата. Им предъявляется обвинение в краже нефти на сумму 50 миллионов долларов.

Да, недаром американцы говорят: «Парень, в Техасе нет ничего невозможного».

ВЕЛОКАПИТАН

Капитан одного датского танкера взял с собой в плавание... велосипед и во время длительных стоянок, когда приходится следить за разгрузкой, раскатывал на велосипеде по трехсотметровой палубе.

Это начинание неожиданно поддержала пароходная компания, решившая впредь снабжать велосипедами капитанов всех танкеров. По мнению компании, это единственная возможность заставить капитанов постоянно присутствовать при утомительных работах в порту.

ТУРИСТЫ НА САМООБСЛУЖИВАНИИ

На одной из площадей города Анвейлера (ФРГ) появился необычный автомат. Стоит опустить в него монету, как автомат начинает без умолку говорить. За пять минут он успевает, не сходя с места, познакомиться с желающим с историей города и его достопримечательностями. Гид-автомат по желанию заказчика может говорить на немецком, английском, французском или голландском языках.

„ДВУНОГИЙ ПУДЕЛЬ“

Пудели очень хорошо поддаются дрессировке. Но собака датчанина Карла Селинга из города Оденсе ходит на задних лапках не из желания услужить своему хозяину. Ходить иначе пудель просто не умеет. Он «служит» всю свою жизнь.

ЛЕСНАЯ КАНОНАДА

Выстрел — и капсула, пролетев десяток метров, вонзилась в землю. Еще выстрел, еще и еще... Спустя полчаса лесник, расстреляв весь патронташ, отправился осматривать свой «полигон». Все в порядке — капсулы с проросшими семенами деревьев ушли в землю на нужную глубину. Через несколько дней ростки пробьются к солнцу, и целая плантация саженцев раскинется на месте бывшей пустоши.

Канадские лесники признали надежным и быстрым этот способ посадки лесов на больших площадях.

ХИМИЧЕСКИЕ ЛУЖАЙКИ

Одна британская фирма начала недавно изготавливать искусственные поля для футбола и гольфа. Химические лужайки не требуют ухода садовников, а фирма может поставить «траву» любого роста и густоты. У знаменитых английских газонов появился опасный конкурент.

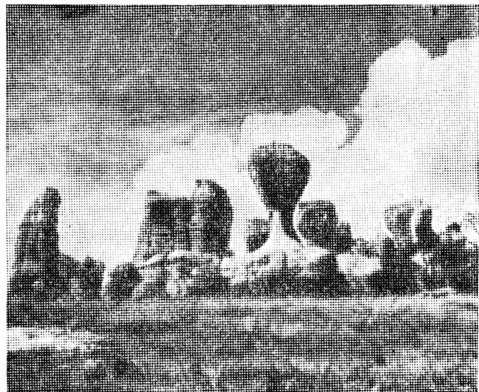
ЛАЙКИ НА МОНБЛАНЕ

Однажды при восхождении на Монблан альпинисты взяли с собой трех лаек. Собаки без труда преодолели подъем, как будто у них на лапах были альпинистские кошки. Очень хорошо переносили лайки и мороз. Некоторые утверждают, что лайки лучше приспособлены для работы в горах, чем испытанные восходители — овчарки и сенбернары.

КАМЕННАЯ „ДЕРЕВНЯ“

Древняя индейская легенда говорит, что эти скалы — остатки очень большого города, в котором жизнь внезапно исчезла, а все постройки обратились в камень. Поэтому местность в одном из районов Бразилии так и называется «Вилка Велха» — «Старая Деревня».

БЕРЕЖЕНОГО... СТОРОЖ БЕРЕЖЕТ

Община Уэнчелс на английском берегу Ла-Манша вот уже почти шестьсот лет держит специального сторожа, обязанность которого — сидеть и смотреть на море. Эта должность была учреждена в 1380 году, после того как Уэнчелси был razoren высадившимися французами. Тогда же сторожу было положено жалование пять с половиной пенсов в неделю, которое осталось и поныне неизменным.

Нынешний сторож, по имени Фред Курд, потребовал недавно прибавки жалования, а также обратился в мэрию с просьбой купить ему подзорную трубу, так как единственным своим глазом он видит не очень четко. Резолюция мэра: «Отказать. В ближайшее время высадки французов не ожидается».

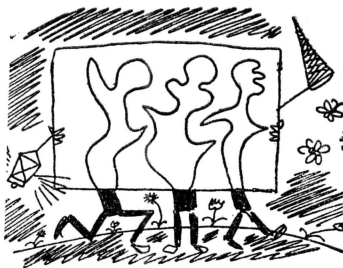
МЕДВЕДЬ-ТО БУРЫЙ

Жители итальянского местечка Орсария близ Удине никак не могли привыкнуть к металлической скульптуре медведя, окрашенной в белый цвет. Противоестественная «полярная» масть медведя уж очень противоречила ландшафту североитальянских холмов...

Но летняя ночная гроза поправила дело: белого медведя опалила молния, ударившая в металлическую скульптуру. Теперь в туристских путеводителях появилась такая фраза:

— В Орсарии интересна скульптура белого медведя, которому молния вернула «естественный» бурый цвет...

„Призраки! Призраки!..“

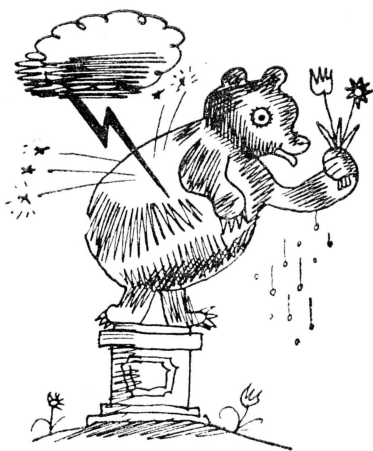

Однажды тихим летним вечером прохожие в предместьях Вероны (Италия) заметили на холме близ города странные пляшущие огни. Несколько любопытных подошли поближе — пляшущие тени, окруженные белым сиянием, мелькали в темных зарослях.

«Призраки! Призраки!..» — перепуганные горожане бросились за полицией.

В роли призраков оказались три... энтомолога, которые с фонарем и белым экраном охотились за ночными бабочками.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

СТВОЛ-БУЛАВА

Эта необычная ель растет в лесу недалеко от города Геттингена (ФРГ). Ее ствол покрыт коническими утолщениями, из которых «выходят» сучья. Ботаники признают, что эта ель — очень редкий экземпляр растительного мира.

Жорж СИМЕНОН

Дама из Байе

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Французский писатель Жорж Сименон прославился детективными повестями и рассказами, главным героем которых является инспектор Мегрэ. Персонаж, в реальности которого многие не сомневаются, как не сомневались в свое время в реальности Шерлока Холмса. И главная причина популярности писателя, выпустившего уже около двухсот книг, в той человечности, благородстве, которыми он наделял своего героя.

Садитесь, мадемуазель, — сказал Мегрэ, вздохнув и отложив в сторону свою трубку.

Потом взглянул на записку прокурора и прочел: «Семейное дело. Выслушайте же, что скажет Сесиль Ледрю, но в действиях соблюдайте сугубую деликатность».

Дело происходило в Кане, куда Мегрэ приехал, чтобы реорганизовать местную полицию. Он никак не мог привыкнуть к порядкам нормандского города. Ему не хватало свободы действий, которую он ощущал в Париже.

Взять, к примеру, эту записку. «Семейное дело... сугубая деликатность...» Значило ли это, что ему снова придется столкнуться с семьей какого-нибудь важного чиновника, одного из столпов города? Просто удивительно, сколько здесь шуринов и невесток, с которыми полиция должна обращаться деликатно!

— Я вас слушаю, мадемуазель.

Она была хороша, эта мадемуазель Сесиль, чуть-чуть слишком хороша. Траурное платье постыжно подчеркивало бледность ее лица.

— Ваш возраст?

— Двадцать восемь лет.

— Профессия?

— Я лучше сама все объясню по порядку. Я была сиротой и начала работать, когда мне исполнилось пятнадцать. Сначала служанкой. Я тогда еще носила косички и не умела ни читать, ни писать.

Мегрэ с трудом подавил в себе изумление. Рассказ никак не вязался с утонченной внешностью Ледрю.

— Я нашла работу у мадам Круазье, в Байе. Вы слышали о ней?

— Признаюсь, нет.

Эти провинциалы! Считают, что весь мир должен знать их знакомых.

— Я о ней еще расскажу. Она ко мне очень хорошо относилась. Она уговорила меня учиться, чтобы из меня что-нибудь вышло. Я жила у нее не как служанка, а как компаньонка. Она просила называть ее тетей Жозефиной.

— Итак, вы живете в Байе у мадам Жозефины Круазье?

Глаза девушки заволоклись слезами.

— Теперь все кончилось, — сказала она, вытирая слезы платком. — Тетя Жозефина умерла вчера здесь, в Кане. Поэтому я к вам и пришла. Чтобы рассказать вам об убийстве и...

— Минутку. Вы уверены, что мадам Круазье была убита?

— Я могу в этом поклясться.

— И вы при этом присутствовали?

— Нет.

— Вам кто-то сказал об этом?

— Моя тетя...

— Простите, ваша тетя сказала вам, что она была убита?

— Что вы, инспектор! Я отлично отдаю себе отчет в своих словах. Тетя не раз говорила мне, что если что-нибудь с ней случится в доме на улице Реколле, то я должна немедленно потребовать расследования.

— Подождите минутку. Что значит «дом на улице Реколле»?

— Это дом ее племянника Филиппа Делижара. Тетя Жозефина приехала на несколько недель в Кан, чтобы вставить зубы. Она впервые в жизни обратилась к врачу на шестьдесят восьмом году. Тетя остановилась у своего племянника, а я осталась в Байе: Филипп меня терпеть не может.

На листке бумаги Мегрэ написал: «Филипп Делижар».

— Сколько ему лет?

— Сорок четыре или сорок пять.

— Чем он занимается?

— Ничем. У него было состояние — вернее, состояние его же-

ны, но, насколько я знаю, через несколько лет от него осталось одно воспоминание. Тем не менее он продолжает жить в большом доме на улице Реколле и держит кухарку, лакея и шофера. Филипп часто приезжал в Байе просить у тети денег.

— И она ему давала?

— Никогда! Она отвечала ему: «Потерпи, вот я умру...»

Пока молодая женщина говорила, Мегрэ мысленно подвел первые итоги. В Байе, на одной из тихих улочек возле собора, где звук шагов заставляет дрожать занавески в каждом окне, жила мадам Жозефина Круазье, вдова Жюстина Круазье.

История ее обогащения была и необыкновенной и заурядной. Круазье, мелкий чиновник, был помешан на страховании, что было предметом невеселых шуток окружающих.

Однажды, в первый и последний раз в своей жизни, он решил отправиться на пароходе в Саутгемптон. Море было беспокойно. Корабль накренился, Круазье ударился о рубку и раскроил череп. Его вдова, к своему собственному удивлению, получила вскоре около миллиона франков от различных страховых компаний.

С этого дня единственной заботой Жозефины Круазье было следить за тем, как растет ее состояние. Она преуспела в этом, поговаривали, что ее состояние оценивалось в четыре или пять миллионов франков.

Сын ее сестры, Филипп Делижар, начал с того, что женился на дочери преуспевающего барышника. Он купил и обставил роскошный особняк, который стал гордостью Кана. Но его вложения оказались настолько же неудачными, насколько выгодными были начинания его тети. Ходили слухи, что уже три или четыре года он живет в кредит, занимая под большие проценты деньги в счет будущего наследства.

— Итак, мадемуазель Ледрю, единственным основанием для ваших обвинений является то, что Филипп нуждался в деньгах?

— Я же сказала вам, что мадам Круазье просила меня, если что-нибудь случится с ней на улице Реколле...

— Простите, но вы должны согласиться, что страхи пожилой женщины вряд ли могут служить основой для обвинений. Не лучше ли нам обратиться к фактам?

— Тетя умерла вчера, в пять

часов вечера. Они уверяют, что от сердечного приступа!

— У нее было большое сердце?

— Не настолько, чтобы от этого умереть.

— Вы в это время были в Байе?

Мегрэ показалось, хотя он мог и ошибиться, что девушка какое-то мгновение колебалась, прежде чем ответить.

— Нет... я была здесь, в Кане.

— Но ведь вы сказали, что не сопровождали мадам Круазье в этой поездке?

— Это так. Но от Байе до Кана только полчаса на автобусе. А мне надо было кое-что купить.

— И вы не видели своей тети?

— Нет, но я зашла в дом на улице Реколле.

— В какое время?

— Около четырех. Мне сказали, что мадам Круазье нет дома.

— Кто вам это сказал?

— Лакей.

— Он спросил у хозяев?

— Нет, он сам мне сказал.

— Значит, это или было правдой, или он получил инструкции заранее.

— Я так и подумала.

— И куда вы пошли потом?

— Мне надо было купить массу мелочей. Потом я вернулась в Байе. А сегодня, читая местную газету, узнала о смерти тети.

— Странно...

— Простите?

— Я говорю, странно. В четыре часа вам сказали, что вашей тети нет дома. Вы возвращаетесь в Байе и на следующее утро узнаете из газеты, что ваша тетя умерла через несколько минут, самое большое через час, после вашего визита. Я вас правильно понял, мадемуазель Ледрю, что вы официально просите начать расследование?

— Да, инспектор. У меня нет больших денег, но я готова пожертвовать всем, чтобы выяснить правду и наказать виновных.

— Одну минутку. Кстати, о ваших финансовых возможностях. Могу ли я поинтересоваться, что вы наследуете после смерти мадам Круазье?

— Ничего. Я сама писала завещание и отказалась что бы то ни было принять от нее. Иначе никто бы не поверил, что я бескорыстно относилась к мадам Круазье.

Это звучало чуть-чуть слишком убедительно, чтобы быть правдой. Но при всем старании Мегрэ не мог найти ни единой трещинки в ее броне.

— Таким образом, вы остались без гроша?

— Я этого не сказала, инспектор. Я получала жалование как компаньонка мадам Круазье. Расходов у меня почти не было, я могла понемногу откладывать, чтобы у меня были деньги на черный день. Но, повторяю, я готова истратить все до последнего су, чтобы отомстить за тетю.

— Разрешите задать вам еще один вопрос. Наследник — Филипп, не правда ли? Теперь предположим, что он убил свою тетю. В таком случае он теряет право на наследование. Что же случится с миллионами?

— Они будут пожертвованы на воспитание одиноких девушек.

— Мадам Круазье интересовалась благотворительностью?

— Она жалела девушек, которые живут одни. Она знала об опасностях, которые их окружают.

— Благодарю вас, мадемуазель.

— Так вы начнете расследование?

— Я проверю кое-что. И если мне покажется необходимым... Да, кстати, где я смогу вас отыскать?

— Похороны состоятся через два дня. Я буду здесь, в Кане, рядом с ней...

— А Филипп?

— Мы не разговариваем. Я молюсь и... немного плачу... Ночую я в гостинице святого Георгия.

Мегрэ докуривал трубку, внимательно разглядывая внушительный серый особняк, ворота с медным кольцом и изысканный подъезд с бронзовыми канделябрами.

Прошли сутки после разговора с девушкой. Мегрэ понадобилось время, чтобы распутаться с делами в полицейском управлении. Он решил сам заняться расследованием. Он боялся, что любой инспектор из местной полиции примет просьбу прокурора слишком всерьез. Мегрэ чувствовал — это дело для него, хотя с сожалением сознавал, что расследование придется вести в обстановке настолько уважаемой, что будет неприлично держать в зубах любимый «дымокур».

Прежде чем войти в особняк, он несколько раз глубоко затаившись, продолжая наблюдать за посетителями — напыщенными буржуа Кана, пришедшими выразить соболезнование.

— Да, весело будет, — вздохнул он, выбивая трубку о подошву, и вошел в дом. Миновал се-

ребряный поднос, заваленный визитными карточками, пересек облицованный белыми и голубыми плитками вестибюль и остановился за большой задрапированной черным дверью, у гроба, окруженного цветами, свечами и темными фигурами.

Запах горящего воска и хризантем уже создавал должную атмосферу. К этому добавлялось ощущение торжественности, охватывающее людей переполненным правосудия и смерти...

Сесиль Ледрю стояла на коленях в углу. Лицо ее было закрыто черной вуалью, достаточно прозрачной, чтобы подчеркнуть серьезность ее лица. Губы ее шевелились, а пальцы непрерывно перебирали янтарные четки.

Мужчина, весь в черном, с прихорашенными красными веками, смотрел на Мегрэ, словно взвешивая, какое право имел тот присутствовать здесь.

— Месье Филипп Делижар?

Я — инспектор Мегрэ. Если бы вы могли уделить мне несколько минут...

Мегрэ показалось, что Филипп бросил неприязненный взгляд на девушку.

— Следуйте за мной, инспектор. Мой кабинет на втором этаже.

Мраморная лестница с прекрасными коваными перилами. Шелковые обои на стенах. Затем громадный кабинет с мебелью времен империи, тремя окнами, выходящими в сад, большой, чем можно ожидать в центре города.

— Садитесь, пожалуйста. Я полагаю, что обязан вашему визиту махинациям этой девицы?

— Вы имеете в виду мадемуазель Сесиль Ледрю?

— Да, я действительно имею в виду эту подвальную заговорщицу, которой, кстати, удалось в течение некоторого времени оказывать отрицательное влияние на мою тетю. Желаете сигару?

— Нет, спасибо. Вы говорите: в течение некоторого времени... Значит ли это, что влияние было непродолжительным?

Мегрэ не было никакой нужды изучать Филиппа внимательно. Он был типичен для любого провинциального города. Богатый буржуа, больше всего заботящийся о внешнем виде, об идеальном покрое костюмов, об изысканности разговора и манер, выделяющих его из среды простых смертных. Он сохранил элегантность даже в трауре.

— Вы должны понять, инспектор, как тяжело видеть в своем

доме полицейского в такой печальный момент. Однако я отвечу на все ваши вопросы. Я хочу, чтобы это дело было окончено как можно скорей и Сесиль получила заслуженное наказание.

— Что вы хотите этим сказать?

— Когда тетя решила поговорить у нас, я предложил ей взять с собой и компаньонку. Наш дом достаточно вместителен. Но тетя решительно отказалась. Больше того, она по секрету поведала мне, что давно мечтает отделаться от Сесиль.

Мегрэ не сдержался. Обстановка кабинета, манера Филиппа выражаться заставили его буркнуть: «До чего же лживы бывают люди!» Хозяин не заметил иронии в словах инспектора.

— Рано или поздно моя тетя порвала бы с этим созданием, которое старалось внести раздор в наши отношения.

— И даже это?

— Да, она, например, донесла тете, что у меня есть любовница. Давайте же говорить как мужчина с мужчиной, инспектор. Неужели непонятно, что в моем возрасте и при моем положении совершенно естественно... ну, конечно, без огласки... как светский человек... Но моя бедная тетя с ее идеями о чистоте не могла этого понять.

— И Сесиль ей рассказала?

— А откуда же еще тетя могла об этом узнать? Но, скажу я вам, это был глупый ход с ее стороны. Предательство обернулось против Сесиль. Когда тетя узнала, что ее целомудренная компаньонка встречается под крышей ее же дома с молодым человеком, о котором достаточно сказать, что он происходит далеко не из лучшей семьи...

— У Сесиль есть возлюбленный?

Если даже возмущение Мегрэ не было искренним, то по крайней мере он убедительно изобразил его. И воспользовался случаем, чтобы вытащить из кармана трубку.

— По крайней мере два года! Два года, как они встречаются каждый вечер! Его зовут Жак Мерсье. У него с приятелем какое-то транспортное предприятие. И необходимо заметить, что его родители полностью разорились несколько лет назад.

— Трудно поверить! И вы рассказали об этом тете?

— Разумеется. А почему бы и нет? Разве это не мой долг?

— Без сомнения.

— И именно тогда моя тетя окончательно решила расстаться с Сесиль. Но не объявляла об

С ПЯТОГО НОМЕРА НАЧИНАЕМ ПУБЛИКОВАТЬ ДЕТЕКТИВНУЮ ПОВЕСТЬ АГАТЫ КРИСТИ «ЗАГАДКА ЭНДХАУЗА».

этом, потому что боялась мести. Я предложил ей переехать к нам в дом. Я готов был предоставить в ее распоряжение второй этаж.

— И когда же вы говорили с тетей об этом?

— Ну... да, это было позавчера.

— И достигли соглашения?

— Не формально. Но договорились в принципе.

— И все-таки вы, насколько я понимаю, не обвиняете Сесиль в убийстве вашей тети?

Филипп резко вскинул голову.

— Я и слова не сказал об убийстве. Если она говорила вам об этом, то, значит, она просто сошла с ума от злости. Моя тетя скончалась от сердечного приступа. Доктор засвидетельствовал это в своем сертификате.

— Итак, значит, вы не обвиняете Сесиль в убийстве вашей тети?

— Я наверняка бы это сделал, если бы не был уверен, что моя тетя умерла своей смертью.

— Еще один вопрос, месье Делижар. Ваша тетя умерла около пяти часов, не так ли?

— Вскоре после пяти. По крайней мере так мне сказала жена. Я сам здесь в это время не был.

— Так. Но в четыре часа мадам Круазье не было дома?

— Каждый день к четырем часам она ходила к дантисту.

— Вы не знаете, когда ваша тетя вернулась домой?

— Около пяти, насколько мне известно. Присутствие началось, как только она пришла. Она скончалась прежде, чем ей смогли помочь.

— Это случилось в ее спальне?

— Да. В комнате в стиле Людовика Четырнадцатого, на втором этаже.

— И ваша жена была рядом?

— Она поднялась вверх сразу, как только тетя открыла дверь и позвала на помощь.

— Разрешите спросить, а где вы были в это время?

— Я надеюсь, инспектор, что эти вопросы не значат, что вы меня допрашиваете? Учтите, что я не потерплю никакого допроса.

— Разумеется, нет. Но мы должны же доказать абсурдность заявлений мадемуазель Сесиль.

— О, конечно... Я был в моем клубе. Я выхожу из дома в половине пятого или без четверти пять и для моциона иду через город пешком. В пять я сажусь за бридж, а в половине восьмого за

мною приезжает машина и отвозит меня домой.

— Вы узнали о несчастье в клубе?

— Точно так.

— А когда вернулись домой...

— Моя тетя была мертва, и у нее уже был доктор.

— Ваш доктор?

— Нет. Он слишком далеко живет. Моя жена вызвала врача, живущего по соседству. Но он уже ничего не мог сделать.

— А слуги?

— Арсен, шофер, был выходным. Лакей был на первом этаже. А кухарка, я полагаю, — на кухне. Есть ли у вас еще вопросы, инспектор? Я обязан быть с теми, кто пришел в мой дом, чтобы выразить соболезнование. В любой момент может прийти городской судья, президент моего клуба. Я думаю, что лучше всего строго предупредить Сесиль. Если же она будет и в дальнейшем распускать клевету, я добьюсь ордера на ее арест.

Филипп Делижар, наверно, удивился легкой улыбке, шевельнувшей губы Мегрэ. Инспектор уже несколько минут не сводил взгляда с зеркала, висящего над каминном, в котором отражалась закрытая портьерой дверь. Портьера несколько раз шевельнулась, и в какой-то момент инспектор увидел бледное лицо, которое могло принадлежать только мадам Делижар. Мегрэ подумал, слышала ли жена, как ее супруг «по-мужски» исповедовался в жизни светского мужчины.

— До свидания, инспектор. Я надеюсь, что после объяснений, которые я вынужден был сделать, мой траур впредь не будет нарушен. Лакей проведет вас к выходу.

Филипп позвонил, сдержанно поклонился полицейскому и размеренными шагами удалился через закрытую портьерой дверь.

Четверть часа спустя Мегрэ сидел в кабинете прокурора, сдержанный и ироничный Мегрэ, и с сожалением крутил в кармане трубку. Прокурор Кана был не из тех, кто позволяет курить в своем кабинете.

— Ну и как, инспектор? Вы поговорили с девушкой?

— И не только с ней.

— И каково же ваше мнение? Чепуха, не так ли?

— Наоборот. У меня такое чувство, будто бедная старуха поки-

нула наш грешный мир не без посторонней помощи. Но кто помог ей? В этом-то и вопрос... И еще один вопрос: вы в самом деле хотите узнать правду?

Гостиница святого Георгия была одной из тех маленьких гостиниц, которые можно найти в любом городе, гостиниц, о которых вы никогда не услышите, пока кто-нибудь не пошлет вас туда. Постояльцами ее были священники, фанатичные девы, старики — в общем все, кто в той или иной мере связан с истинной верой — от церковных служек до торговцев свечами.

Вестибюль гостиницы был уставлен стульями с соломенными сиденьями. Мегрэ ждал уже полчаса. Старушка, сидевшая рядом, несколько раз отрывалась от своего вязанья и бросала суровые взгляды на синий трубочный дым, обвивавший канделябры.

«А ты, дорогой, ждешь ту же, что и я», — подумал Мегрэ сразу, как только увидел молодого человека, нервно ходившего по вестибюлю и через каждую минуту поглядывавшего на часы.

За полчаса ожидания мужчины кое-что узнали друг о друге, хотя и не обменялись ни одним словом. Ход мыслей молодого человека был несложен: «Так вот каков этот знаменитый инспектор, о котором говорила Сесиль. На вид он неопасен... толстоват, добродушен... Что его привело в гостиницу? Наверно, есть какие-нибудь новости...»

А Мегрэ думал: «Неплох парень, этот Жак Мерсье! Красивый парень. Может быть, чуть-чуть слишком красивый. Никак не похож на провинциала. Такое впечатление, что у него могут быть свои собственные идеи. Правильные черты лица, волнистые волосы, яркие глаза... огонь в крови... Ага, вот идет мадемуазель Сесиль! При вечернем освещении она не кажется такой благочестивой».

Когда Сесиль вошла, она первым заметила Жака Мерсье, и на лице ее появилась улыбка. Но молодой человек показал на инспектора, и она, нахмурившись, подошла к Мегрэ.

— Вы хотели поговорить со мной? — спросила она, явно недовольная, что Мегрэ увидел ее возлюбленного.

— Мне хотелось бы выяснить некоторые детали. Но, очевидно, лучше это сделать не здесь. В гостинице так тихо, что слышно, как

летает моль. Не пойти ли нам в кафе?

Сесиль взглянула на Мерсье. Тот кивнул, и через несколько минут все трое сидели в баре рядом с бильярдом.

— Прежде всего разрешите мне сказать, мадемуазель Сесиль, что вы напрасно умолчали о нашем знакомстве с месье Мерсье.

— Я думала, это не имеет никакого отношения к делу. Но, конечно, я должна была догадаться, что Филипп все вам расскажет. А что он еще обо мне сказал?

— Как вы можете догадаться, ничего хорошего. Я думаю, он, как говорится, вполне светский человек. Пива, гарсон! Что вы будете пить, мадемуазель? Портвейн? И вы тоже?

Мегрэ поглядывал на катящиеся по суку бильярдные шары, глубоко затягивался трубкой и наслаждался застойным мирком провинциальной жизни.

— Итак, это продолжается уже два года?

— Мы встретились два года назад.

— А как давно месье Мерсье начал посещать вас в доме старой госпожи?

— Больше года.

— И вам не приходило в голову пожениться?

— Старая госпожа, как вы ее называете, никогда бы этого не допустила. Она бы восприняла это как измену. Она очень ревновала меня ко всем. У нее никого в жизни, кроме меня, не было... И племянника, которого она терпеть не могла. Она относилась ко мне, как к своей собственности. Мне приходилось скрывать свои отношения с Жаком.

— Ваша очередь, месье Мерсье.

— Я не хочу, чтобы меня впутывали...

— Никто не собирается вас впутывать. Мадемуазель Сесиль просила расследования, а вы можете помочь полиции, отвечая на мои вопросы. Филипп Делижар уверяет, что ваши дела оставляют желать лучшего.

— Ну...

— Это правда?

— Ответь ему, Жак.

— Да, это правда. Мы вступили в дело с моим приятелем и купили три грузовика, чтобы возить рыбу из маленьких портов на Канале. К сожалению, грузовики оказались очень старыми, и вот...

— И когда?

— Что когда?

— Когда вы прикрываете ваше дело?

— Уже три дня, как грузовики стоят, потому что мы не заплатили за гараж.

— Спасибо. Теперь, мадемуазель, не повторите ли вы, во сколько вы пришли на улицу Реколле?

— Позавчера? Около четырех... Правда, Жак?

— Вы были с ней?

— Я привез ее в машине и ждал за углом. Это было в пять минут пятого.

— Вы приехали вместе из Байе? Мегрэ сердито поглядел на Сесиль, которая раньше говорила, что приехала в Кан автобусом.

— Так. Теперь скажите мне, мадемуазель, вот что: когда вы прочли в газете о смерти Жозефины Круазье, вы спросили Жака отвезти вас в Кан. Во сколько вы приехали туда?

— Примерно в половине десятого утра.

— Расскажите мне подробно, что вы увидели.

— Сначала я увидела лакея, потом разных людей в вестибюле, потом Филиппа Делижара, который подошел ко мне и ухмыльнулся: «Я-то думал, что вы раньше прибежите». А потом я увидела тетю...

— Одну минутку. Вы видели тело? Где?

— В гробу.

— Значит, она была уже в гробу, но крышка еще не была закрыта?

— Они закрыли крышку немного погодя. Люди, которых я встретила внизу, были от гробовщика.

— И вы узнали лицо? Вы в этом уверены?

— Абсолютно. А что же еще я должна была увидеть?

— Вы не заметили ничего ненормального?

— Конечно, нет. Я плакала... я была очень расстроена...

— И последний вопрос: я знаю главный вход в дом на улице Реколле. Я полагаю, там должен быть и черный ход.

— Да, сзади дома есть маленькая дверь, которая ведет на другую улицу. Туда выходят только ограды садов.

— А если пройти в дом этой дверью, то можно подняться наверх, миновав лакея и кухарку?

— Да. Если подняться по черной лестнице на второй этаж.

— Сколько я вам должен, гарсон? Благодарю вас, мадемуазель. И вас, месье Мерсье.

Мегрэ заплатил по счету и поднялся. Он остался доволен разговором.

Через несколько минут, все еще не выпуская изо рта трубки, он вошел в клуб Делижара и проследовал в кабинет секретаря. Здесь он задал ряд вопросов и записал все ответы в записную книжку.

— Теперь разрешите прочесть мне ваши ответы. Вы сказали, что уверены в том, что Филипп Делижар приехал позавчера в клуб в четверть шестого... Правильно? Партнеры уже ждали его, потому что игра обычно начинается в пять. Он занял место за столом. Но как только были розданы карты, его позвали к телефону. Он вернулся очень бледный и объявил, что только что умерла его тетя... Это все. Вам больше нечего добавить? Благодарю вас, месье.

Доктор Левин, тот врач, который был вызван к постели мадам Круазье, оказался молодым человеком с ярко-рыжими волосами. Он был в белом халате и занимался тем, что жарил отбивную на спиртовке в своем кабинете.

— Я не помешал вам, доктор? Простите, но мне надо уточнить некоторые детали, касающиеся смерти мадам Круазье.

Левину было не больше двадцати семи лет. Он только что начал практиковать в Кане. И судя по всему, не был пока отягощен множеством пациентов.

— Вам приходилось раньше бывать в доме месье Делижара?

— Я удивился, когда меня вызвали в один из богатейших домов города.

— Во сколько это было? Вы можете назвать точное время?

— Даже очень точно, — улыбнулся Левин. — Ко мне приходил, чтобы помочь на приеме, маленькая медсестричка. Уходит она в пять часов. И вот, только она надела шляпку и только я собрался поцеловать ее на прощание, как зазвонил телефон.

— Итак, это случилось ровно в пять. И долго вы добирались до улицы Реколле?

— Минут семь-восемь.

— Вас впустил лакей и провел на второй этаж?

— Не совсем так. Лакей открыл дверь, но тут же на лестнице появилась женщина и крикнула: «Скорее, доктор!» Это была мадам Делижар. Она сама провела меня в спальню направо...

— Одну минутку. В спальню направо... В комнату, обтянутую голубым шелком?

— Вы ошибаетесь, инспектор. Комната направо оклеена бумажными обоями. С желтыми кругами.

— И мебель в стиле Людовика Четырнадцатого?

— Вы опять ошиблись. Я кое-что смыслю в стилях и не сомневаюсь, что комната направо обставлена в стиле Регентства.

К удивлению доктора, Мегрэ записал все эти малозначащие детали в записную книжку.

— Так-так. В десять минут шестого вы были уже наверху. Где же вы обнаружили тело?

— Разумеется, в кровати.

— Покойная была раздета?

— А как же иначе?

— Извините, я перебыл вас. Значит, в пять десять Жозефина Круазье находилась в постели и была раздета. Что же было на ней?

— Ночная рубашка.

— Остальная одежда лежала рядом?

— Не думаю... Нет. В комнате все было в полном порядке.

— И никого, кроме мадам Делижар?

— Никого. Она была очень взволнована. Она описала мне ход приступа. Я внимательно осмотрел труп и обнаружил, что мадам Круазье перед смертью была в очень ослабленном состоянии. Это по крайней мере десятый приступ.

— Могли вы хотя бы приблизительно установить время смерти?

— Без труда. Смерть наступила в четверть пятого, мгновенно...

Доктор отшатнулся, потому что Мегрэ вскочил с места и схватил его за плечи.

— Что? Четверть пятого?!

— А что? Мадам Делижар пыталась дозвониться двум другим докторам, прежде чем отыскала меня. А это требует времени.

— Четверть пятого, — повторял Мегрэ, почесывая бровь. — Мне не хотелось бы вас оскорблять, доктор... вы, так сказать, еще недавно... Вы уверены в том, что говорите? Вы не отказались бы от своего заявления, узнав, что от этого зависит жизнь человека?

— Я могу только повторить...

— Хорошо. Я вам верю. Но я должен предупредить, вам почти наверняка придется повторить ваше заявление на суде, и адвокаты сделают все возможное, чтобы заставить вас отказаться от своего заключения.

— Им это не удастся.

— Что случилось потом?

— Ничего. Я подписал сертификат о смерти. Мадам Делижар сразу вручила мне двести франков.

— Это что, ваша обычная ставка?

— Вряд ли. Это была ее идея, а я не стал спорить. Она проводила меня вниз. Лакей открыл мне дверь.

— Больше вы никого не встречали?

— Ни души.

Инспектор зашел в ресторан. Даже ресторан, как и все места, которые инспектору пришлось посетить за день, был чуть запыленным, чопорным и торжественным.

И все-таки это дело относилось к тем, которые Мегрэ любил больше всего: respectable фасад, положительные и впечатляющие персонажи — все указывает на добродетель, доведенную до скуки. И Мегрэ предстояло разрушить этот фасад, разрыть руины и вынюхать скотину в образе человеческого носителя самого непростительного из пороков — убийцу ради денег.

Прокурор повторял ему утром: — Делайте, что считаете нуж-

ным, но будьте деликатны. Оплошность может вам дорого обойтись... И мне также. Филипп Делижар — известный человек в городе. У него могут быть долги, но его принимают всюду. Что касается девушки, этой Сесиль, как вы ее называете, стоит вам схватить ее, как разные там газеты начнут шуметь, что она жертва капиталистов. Вашим лозунгом, инспектор, должна быть Деликатность!

Мегрэ как-то слишком уж неуважительно пробормотал про себя:

— Хорошо, старушка. Никому не удастся выйти сухим из воды!

Жаркое оказалось вкусным, и Мегрэ покинул стол в состоянии блаженства.

— Мы это скоро распутаем, — пообещал он сам себе. — А теперь нам предстоит интервью с лакеем...

Лакей Делижара открыл дверь и хотел провести Мегрэ в гостиную.

— Нет-нет, мой друг. Я хочу побеседовать именно с вами. Вы знаете, кто я такой, не так ли? Так чем вы занимались, когда я позвонил?

— Пили кофе на кухне.

— Тогда разрешите присоединиться к вам.

Лакею ничего другого не осталось, как провести Мегрэ на кухню и объявить кухарке и шоферу: «Инспектор желает выпить с нами чашку кофе».

Шофер Арсен сидел в расстегнутой серой униформе. Кухарка оказалась очень толстой пожилой женщиной.

— Не обращайтесь на меня внимания, друзья. Я мог бы вызвать вас в участок, но зачем беспокоить вас по пустякам. Не надо застегиваться, Арсен. Никаких формальностей... Кстати, как случилось, что позавчера вам дали выходной? Вас всегда отпускают по пятницам?

— Да нет. В то утро хозяин ни с того ни с сего заявил, что в воскресенье мне придется поработать, так как он собирается съездить на юг. Поэтому мне лучше бы отдохнуть в пятницу.

— Значит, в тот день месье Филипп сам правил машиной?

— Да. Я думал, ему машина не понадобится, а потом гляжу, он на ней ездил.

— А как вы узнали?

— Внутри грязь осталась.

— В тот день не было дождя. Значит, он выезжал за город?

— Понимаете, у нас город не-большой. Отъедешь несколько сот метров, и ты уже в поле.

Мегрэ повернулся к лакею.

— А вы где днем были?

— В буфетной. Я позавчера чистил столовое серебро.

— Вы не помните, во сколько мадам Круазье ушла из дому?

— Около четырех. Как всегда. Она ходила к зубному, а он живет рядом.

— И как она выглядела?

— Как всегда хорошо. Она очень хорошо сохранилась. И такая была веселая. Никогда не пройдет мимо, не поговорив.

— А в тот раз что она сказала?

— Ничего. Она просто крикнула мне: «Пока, Виктор».

— К дантисту она ходила пешком?

— А она машинам не доверяла. Даже из Байе приезжала на поезде.

— А где же в то время была машина?

— Не могу сказать.

— Но не в гараже?

— Нет, месье. Месье и мадам уехали сразу после обеда. Они вернулись через час, но, наверно, оставили машину за углом. Они никогда не ставят ее у входа — здесь слишком узкая улица. А ставят за углом. Из буфетной ее не было видно.

— Итак, вы говорите, что месье и мадам вернулись часа в три. А через час, около четырех, мадам Жозефина Круазье ушла из дому. Ну и что было потом?

— Потом приходила мадемуазель Сесиль.

— Во сколько?

— Десять минут пятого. Я сказал ей, что тетушки нет дома, и она ушла.

— И кто-нибудь видел ее, кроме вас?

— Никто.

— Ну и дальше?

— Месье ушел. В четыре двадцать пять. Я заметил время, потому что он уходил обычно попозже.

— Он ничего не нес в руках?

— Ничего.

— И он вел себя нормально?

— Разумеется.

— Ну, продолжайте.

— Я как раз начал чистить ноги... Да. Тогда все и случилось. Мадам вернулась около пяти.

— И выглядела так же хорошо?

— И в отличном настроении. Она даже подошла ко мне и сказала, что люди говорят неправду про зубных врачей. Лечить зубы совсем не больно.

— И она поднялась к себе в комнату?

— Да.

— Ее комната в стиле Луи Четырнадцатого?

— Да.

— Желтая комната, справа?

— Нет, что вы! Это комната в стиле Регентства. В ней никто не живет.

— Ну и что же случилось потом?

— Я не знаю... Прошло несколько минут. Потом мадам сбегала вниз, очень взволнованная.

— Одну минутку. Сколько времени прошло с тех пор, как вернулась мадам Жозефина?

— Минут двадцать. Было чуть ли не полшестого, когда мадам велела мне позвонить в клуб и сказать месье, что у его тети сердечный приступ.

— И вы ему позвонили?

— Да.

— И сказали, что у тети сердечный приступ?

— Да. Больше я ничего не знал.

— А потом поднялись наверх?

— Нет. Никто из нас наверх не поднимался. Пришел молодой доктор, и мадам сама провела его наверх... Только часов в семь нам сказали, что мадам Круазье умерла. А увидели мы ее только в воскресенье.

— В желтой комнате?

— Да нет же. В голубой.

Зазвенел звонок. Виктор проворчал:

— Это месье. Чай требует.

Мегрэ медленно поднялся и пошел к двери.

Кончив свою беседу в доме на улице Реколле, Мегрэ зашел в контору канской газеты и купил вчерашний номер.

Потягивая пиво в открытом кафе, он внимательно изучил газету, особенно большое внимание уделяя разделу объявлений, из которого Сесиль узнала о кончине старухи.

Мегрэ некоторое время раздумывал, допивая вторую кружку.

Потом сказал вслух:

— Деликатность!

Встал, заплатил по счету, поймал такси и приказал шоферу ехать на окраину, туда, где начались поля...

— Прокурор просил вас подождать.

Мегрэ вздохнул. В приемной прокуратуры висела пыль, да и скамья была жесткой.

Было десять часов утра.

Мегрэ разбудил местный полицейский. Он заявил, что прокурор требует инспектора к себе немедленно.

В десять минут одиннадцатого Мегрэ поднялся с жесткой скамьи и подошел к секретарше.

— У прокурора кто-нибудь есть?

— Да. В девять тридцать к нему пришел месье Делижар.

Мегрэ усмехнулся. Каждый раз, когда он проходил мимо двери прокурора, он слышал шум голосов. И каждый раз Мегрэ иронически улыбался.

Только в половине одиннадцатого секретаршу вызвал звонок из кабинета. Она вернулась и сказала:

— Месье, прокурор просит вас войти.

Делижар еще не ушел. Мегрэ сунул в карман теплую трубку и с задумчивостью, которая по крайней мере наполовину была напускной, вошел в кабинет. Инспектору доставляло удовольствие прикидываться туповатым. В такие минуты он казался нескладным и еще более добродушным, чем обычно.

— Доброе утро, прокурор. Доброе утро, месье Делижар.

— Закройте за собой дверь, инспектор. Вы поставили меня в исключительно неприятное положение. О чем я просил вас вчера?

— Проявлять деликатность, месье.

— Разве не сказал я вам, чтобы вы не придавали значения басням этой девицы Сесиль?

— И вы еще сказали мне, что месье Делижар очень важный человек в Кане и что нам надо деликатно обращаться с делами, в которых он запутан.

Мегрэ улыбнулся, краем глаза поглядывая на Филиппа.

В свете дня месье Делижар казался еще более respectable, чем прокурор. Он напустил на себя полную незаинтересованность и даже не удосужился повернуться к инспектору.

Прокурор метнул на Мегрэ свирепый взгляд. Казалось, ему трудно сдерживать гнев.

— Садитесь немедленно! Я не выношу людей, которые мечутся по комнате!

— С удовольствием, месье.

— Где вы были вчера в девять вечера?

— В девять? Дайте подумать... О, конечно! Я был в доме месье Делижара.

— И он не знал об этом! За его спиной! Вы проникли туда без всякого на то права! У вас не было ордера на обыск.

— Мне хотелось поговорить со слугами.

— Именно поэтому месье Делижар и пришел ко мне. Именно в этом он вас и обвиняет. И я вынужден признать, что его обвинения полностью оправданы. Вы превысили полномочия. Если вам захотелось допросить слуг, вы обязаны были поставить в известность хозяина. Это понятно каждому. Вы меня слушаете?

— Разумеется, месье прокурор.

И Мегрэ смущенно опустил глаза, совсем как мелкий чиновник, уличенный в описке.

— И это еще не все! Затем вы совершили проступок более серьезный. Настолько серьезный, что мне даже трудно представить, какие последствия он вызовет в

высоких сферах. После того как вы вытянули из слуг все сплетни, я бы даже сказал, спровоцировали их на сплетни, вы покинули дом. Но через некоторое время снова проникли туда, уже через заднюю дверь. Я надеюсь, вы не будете этого отрицать?

Мегрэ вздохнул.

— Каким ключом вы отперли дверь в саду? Уж не Сесиль ли Ледрю вам его вручила? Я советую вам очень серьезно взвесить все последствия вашего поступка.

— А у меня не было ключа от задней двери. Я даже не намеревался заходить в сад. Я просто хотел узнать, как они пронесли тело...

— Что?!

И прокурор и Филипп вскочили на ноги, одинаково потрясенные, бледные.

— Я об этом расскажу. Если

вы, конечно, пожелаете. Кстати, о двери. Замок-то на ней детский. Его любой отмычкой открыть можно. Я и захотел проверить, так ли это. Было темно. В саду никого не было. Я увидел, что гараж совсем рядом. Мне так не хотелось беспокоить месье Делижара по пустякам, ведь я понимаю, что он расстроен, поэтому я сам пошел поглядеть на пятна в машине, о которых говорил мне Арсен.

Прокурор нахмурился. Филипп, небрежно теребивший в руке перчатки, открыл рот, чтобы сказать что-то, но Мегрэ не дал ему такой возможности.

— Вот и все, — сказал он. — Я, конечно, понимаю, что делать этого не следовало. Но я прошу вашего прощения и постараюсь где надо оправдаться по мере моих сил и возможностей.

— Значит, вы признаетесь в нарушении закона! Вы, инспектор полиции...

— Я даже не могу выразить свое сожаление, месье прокурор. Если бы я не заботился так о спокойствии месье Делижара — я ведь знал, что он только что велел принести ему чай наверх, — я бы сам задал ему несколько вопросов...

— Довольно! Сегодня же я направлю в министерство полиции жалобу месье Делижара. Полагаю, что мы можем считать инцидент исчерпанным, месье Делижар. Я заверяю вас, что приму все меры, чтобы загладить перед вами...

— Благодарю вас, мой дорогой прокурор. Поведение этого человека было возмутительным. И уверяю вас, что только мое безграничное уважение к порядку и полиции удерживает меня от дальнейших действий.

Прокурор с подчеркнутой теплотой пожал руку Делижару и поспешил вперед, чтобы открыть ему дверь.

— Еще раз благодарю вас. Надеюсь, мы скоро увидимся.

— Я обязательно приду завтра на похороны, месье Делижар. И я надеюсь...

Внезапно они услышали спокойный голос Мегрэ:

— Месье прокурор, я желал бы, если вы мне позволите, задать этому человеку один вопрос. Только один.

Прокурор опять нахмурился. Делижар, стоявший на пороге, произвольно остановился, и Мегрэ продолжал:

— Месье Делижар, пойдете ли вы на похороны Каролины?

Прокурор был поражен эффектом этих слов. В одно мгновение лицо Филиппа, казалось, развалилось на куски.

Мегрэ осторожно прикрыл дверь.

— Как видите, мы еще не кончили. Простите, что я вас задерживаю, но надеюсь — ненадолго.

— Инспектор, — начал прокурор.

— Не бойтесь. Я не собираюсь, как говорят газеты, обнажать секреты личной жизни светского человека. Каролина не содержанка и не работница, совращенная месье Делижаром. Все остается в рамках респектабельности. Она его старая няня...

— Я требую, чтобы вы объяснили...

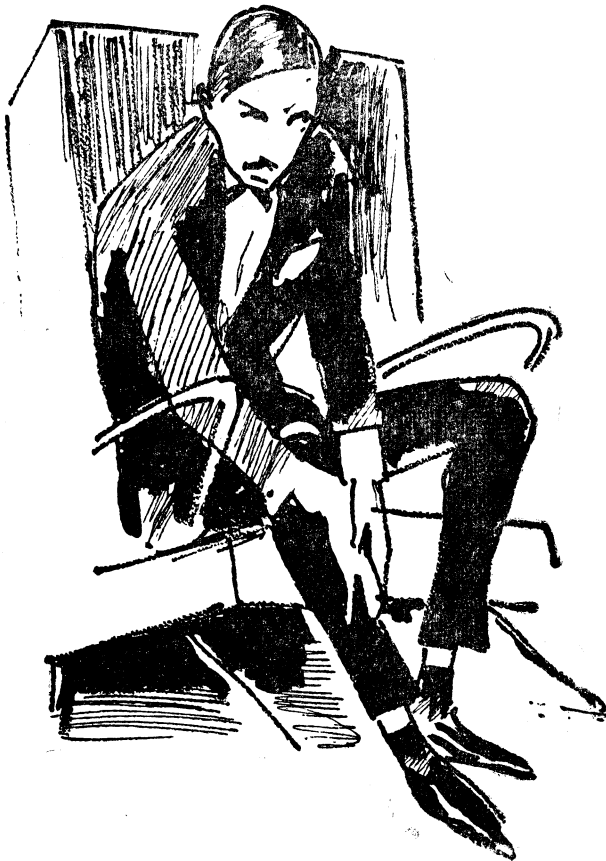
— С большим удовольствием. Постараюсь отнять у вас минимум времени... Я начну, с вашего позволения, с тайны желтой комнаты, что, без сомнения, вызовет в вашей памяти приятные воспоминания о книжках с убийствами, которые вы читали в детстве. С желтой комнаты и начались мои открытия. Вернее, она подтвердила мои подозрения... Перестаньте коситься на дверь, месье Делижар!

— Я жду, — вздохнул прокурор, не выпуская из рук ножа для разрезания бумаги.

— Вы должны знать, что на втором этаже дома на улице Реколле мадам Круазье жила в комнате налево, в так называемой комнате Луи Четырнадцатого, обтянутой голубым шелком. Итак, без нескольких минут пять мадам Круазье вошла в дом — в добром здравии и прекрасном настроении, обменялась несколькими словами с лакеем и поднялась в свою комнату. Повторяю, в голубую комнату. Когда доктор Левин приехал по вызову в десять минут шестого, его провели в комнату направо, обставленную в стиле Регентства и оклеенную желтыми обоями. В этой комнате, в ночной рубашке, лежала в постели старая женщина. Что бы вы на это сказали?

— Продолжайте, — сухо сказал прокурор.

— И это не единственная тайна. Вот вам другая. Молодого доктора Левина, который недавно начал практиковать в городе и который лечит бедняков, получая за визит десять франков, вызывают в роскошный особняк Делижаров. Ему отдают предпочтение перед всеми другими врачами. Он обнаруживает, что старуха умерла в четыре пятна-

дцать. Кто же лжет? Доктор или лакей, который видел, как мадам Круазье пришла домой около пяти? Если лакей, то тогда должен лгать и зубной врач, который уверяет, что в четыре пятнадцать мадам Круазье сидела у него в кресле.

— Я не понимаю...

— Терпение. Я тоже не сразу понял. Так же, как я не мог понять, почему месье Делижар, который ушел из дому раньше, чем обычно, добрался до клуба только в четверть шестого.

— Иногда человек может идти медленнее, — вырвалось у прокурора.

Делижар сидел неподвижно.

— Тогда ответьте мне, пожалуйста, такой вопрос. Месье Филипп не успел сесть за стол в клубе, как позвонил лакей и сообщил, что у его тети сердечный приступ. Это было все, что сказал лакей, больше он ничего не знал. Месье же Делижар возвращается и говорит своим партнерам, что его тетя скончалась.

Прокурор неприязненно взглянул на Филиппа.

— Теперь мелочи. Почему месье Делижар именно в этот день дал выходной своему шоферу? Совпадение? Хорошо. Зачем тогда он сам едет куда-то на машине в два часа и оставляет ее на улице? Где он и его жена были с двух до трех?

— У постели больной женщины, — словно очнувшись, сказал Филипп.

— У постели. Точно. У постели Каролины, той самой Каролины, которая живет на окраине города. Поэтому и грязь в машине... И я могу доказать, что это грязь известного карьера, что напротив дома Каролины.

Как будто в расеянности, Мегрэ вынул из кармана трубку, набил ее и принялся расхаживать по кабинету.

— Мы столкнулись, месье прокурор, с одним из гнуснейших и простейших преступлений, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться, с преступлением, когда весь расчет на то, что вряд ли стали бы расследовать обстоятельства внешне естественной смерти в одной из виднейших семей города.

Филипп Делижар в жизни не сделал ровным счетом ничего,

если не считать, что он женился на богатой, жил широко, спекулировал бездумно и в конце концов растранил все состояние жены. Уже три года, как он был в отчаянном положении. Единственной его надеждой была тетя, да и та отказывалась ему помогать.

Как все ясно! Как все просто! Я думаю, месье Делижар не будет спорить, если я скажу, что бывали дни, когда в его доме не было и сотни франков. В таком возрасте не пойдешь учиться. Не переменишь образа жизни. А тетя старая. И несмотря на влияние неприятной мадемуазель Ледрю, она не хочет лишиться своего племянника наследства. На всякий случай Филипп намекает старухе, что ее компаньонка не настолько чиста, на

трудно. Значительно труднее скрыть истинную причину смерти от врачей. Особенно когда это связано с большим наследством. Яд — рискованно. Это первое, о чем подумают сплетники. А ведь всем известно, что Делижары сидят без гроша. Застрелить невозможно... Нож оставляет следы... И в то же время, повторяю, убийство уже решено. Не хватает только удобного случая — случая разделаться с тетею без риска.

И вдруг появляется такая возможность. У Филиппа есть старая няня, Каролина, приблизительно того же возраста, что и тетя. Она живет одна в маленьком домике на окраине города. У нее уже было несколько сердечных приступов. И тут Делижары узнают, что у нее только

сколько хотелось бы тете... Вы следите за моими словами, месье прокурор? У Филиппа нет другого выхода. Жозефине Круазье придется умереть, чтобы Делижары могли жить в свое удовольствие.

Подтолкнуть человека к линии, разделяющей жизнь и смерть, не

что был еще один. Они едут к ней днем и возвращаются через час, зная, что жить ей осталось не больше двух часов.

Расположение комнат помогает им в осуществлении плана. Они стараются не упустить ни единой детали.

Мадам Делижар немедленно

уходит из дома через заднюю дверь, пешком добирается до Каролины, благо это недалеко, и не отходит от ее постели, пока няня не умирает. Это случилось в четверть пятого.

Филипп не покидает дома до обычного часа. И только немного раньше, не в силах справиться с нетерпением, садится в машину, оставленную за углом, едет к дому Каролины, кладет тело в машину и вместе с женой возвращается обратно.

Оба они проникают в дом через заднюю дверь, вносят тело на второй этаж в желтую комнату.

Слуги уверены, что мадам Де-

лижар не выходила из дому, а месье Филипп — в клубе.

А те ждут возвращения мадам Круазье. Она должна скоро вернуться. Жозефина входит в комнату, в синюю комнату, и ее тут же убивают.

Филипп немедленно отправляется в клуб, опять же через заднюю дверь, и едет туда на машине. Ему нужно алиби. Из клуба он тоже едет машиной, а потом говорит всем, что приехал на такси.

Доктора выбирают со всей тщательностью. Он не должен знать ни планировки дома, ни Жозефины. Мадам проводит его к телу Каролины. Доктор совер-

шенно правильно устанавливает причину смерти и подписывает сертификат. Осталось только отвезти ночью тело няни обратно, и работа окончена.

Несколько секунд в кабинете прокурора стояла тишина. Затем прокурор, не отрывая глаз от ножа для разрезания бумаги, спросил:

— Почему вы подумали о Каролине?

— Это логично. Доктор не мог осматривать тело Жозефины Круазье. Значит, он осматривал что-то другое тело. Я купил вчерашнюю газету и прочел список умерших. Я был уверен, что найду хотя бы одну старуху. Я на-

Соседние с нами планеты, даже если на них нет жизни, смогли бы, пожалуй, стать гостеприимным домом для некоторых земных организмов — к такому выводу пришел английский энтомолог Хинтон. Ученый проводил опыты над личинками насекомого, обитающего в Уганде. Три года Хинтон хранил личинки в засушенном состоянии. Когда же он поместил их в воду, все личинки сразу ожили.

Личинки переносили 77-часовое пребывание в жидком воздухе (-190°C) и ятими минутное погружение в жидкий гелий (-270°C). Они выдерживали также — в течение минуты — температуру $+104^{\circ}$.

Приспособляемость, прямо скажем, удивительная.

Меркурий, ближайший спутник Солнца, кажется, пользуется особым расположением нашего светила...

У Меркурия атмосфера состоит в основном из молекулярного и атомарного водорода. Но ведь даже

Земля, гораздо более крупная планета, чем Меркурий, не может долго удерживать своим притяжением подвижные атомы водорода.

Советский астроном Н. Козырев предложил гипотезу, согласно которой атмосфера Меркурия — это что-то вроде проточного озера. Из нее постоянно вытекает газ, но утечка тут же пополняется. И пополняется, видимо, благодаря «солнечной реке» — потоку протонов, который постоянно испускает Солнце.

На сухих и каменистых склонах гор южного и северного Дагестана растет небольшой кустарник, напоминающий колючую подушку. Это — трагакантовый астрагал. Подсеките ветку астрагала, и польется густая драгоценная жидкость — камедь.

О целебных свойствах астрагалавого сока жители гор знают давно. Камедь помогала избавиться от невыносимой зубной боли, заживляла открытые раны. В наше время камедь ши-

роко используется в текстильной, кондитерской и парфюмерной промышленности.

Наши ботаники доказали, что при разведении этих растений на специальных плантациях можно получить в десять раз больше камеди, чем в естественных условиях.

Наша Земля — планета с «хвостом». Целый ряд данных говорит о том, что у Земли и некоторых других планет солнечной системы имеются своеобразные пылевые «хвосты», которые тянутся за ними в мировом пространстве. По мнению советского академика В. Г. Фесенкова, «хвост» Земли, возможно, родился из пылевого облака, которое образовалось из частиц межпланетной пыли, захваченных земным притяжением.

Недавно советский астроном В. И. Морозов на основе многочисленных наблюдений пришел к выводу, что такое облако действительно существует.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ЗАГАДКИ
ПРОЕКТЫ
ОТКРЫТИЯ

шел ее. А когда узнал о связи ее с семейством Делижаров, дело было, считайте, закончено. Ее соседи подтвердят, что видели, как туда несколько раз приезжала машина. Они, правда, ничего не заподозрили, ибо знали, что в последнее время бывшие хозяева Каролины часто ее навещали. Может быть, это единственный добрый поступок Филиппа Делижара.

Хлопнув ножом по столу, прокурор резко спросил:

— Вы признаете себя виновным, Филипп Делижар?

— Я буду отвечать только в присутствии своего адвоката.

Традиционная формула... Он

попытался встать, но зашатался. Мегрэ пришлось принести ему стакан воды.

Вскрытие тела Жозефины Круазье показало, что сердце ее было в отличном состоянии и что ее сначала пытались задушить шнурком от корсета, а затем — она сопротивлялась — добились двумя ударами ножа в спину.

— Я вынужден поблагодарить вас, — признался прокурор с кривой усмешкой. — Вы в самом деле звезда того же масштаба, что и ваша слава. Однако я хочу сказать, что методы, которые

ми вы пользуетесь, в небольшом городе неприемлемы.

— Это значит, что мне бы здесь долго не продержаться?

— Я хотел уведомить вас...

— Спасибо.

— Но...

— Мне и самому здесь не очень нравится. Меня в Париже жена уже заждалась. Единственное, на что я надеюсь, так это на то, что канские присяжные не настолько ослеплены роскошью особняка этого мерзавца Филиппа, чтобы забыть потребовать для него смертной казни.

Перевел Кир. БУЛЬЧЕВ

Но природа таинственного облака остается загадкой для астрономов.

Можно ли получить из океанской воды золото? Эта проблема давно волновала ученых. Однако многочисленные попытки извлечь драгоценные металлы и редкие элементы, которыми так богата морская и океанская вода, до сих пор кончались неудачей.

Но недавно химик Э. Бауэр создал вещество, способное аккумулировать золото, и из 100 литров океанской воды извлек 1,4 миллионной доли грамма драгоценного металла!

Сейчас Эрнст Бауэр собирается проводить более широкие эксперименты непосредственно в океане.

У гренландской акулы — как установили ихтиологи — под водой светятся глаза. Это привлекает к ее пасти наивных рыб.

Остроумное «изобретение» природы взято на вооружение японскими рыбаками, которые монтируют в гру-

зила своих сетей искусственные алмазы. На их яркий блеск и бросаются любопытные тунцы.

В пустыне на юго-западе Северной Америки обитает удивительный зверек — каменистая белка. Это очень живое и подвижное существо может не пить в течение... 100 дней! Даже верблюду, который, как известно, способен прожить без воды 30 дней, не под силу тягаться с этим «засухоустойчивым» зверьком. Ученые сейчас выясняют, каким образом это маленькое животное так отлично приспособилось к засухе.

Недавно доктор Ласло Вертес в Венгрии, в области Комаром, раскопал стоянку древнего человека, которая существовала примерно 400 тысяч лет назад, — каменные орудия, остатки древней фауны и кострище. Это кострище, по предварительным данным исследователей, — самое древнее из всех известных.

В Париж из Нью-Йорка в глухом темном ящике был доставлен самолетом большой рой пчел. На пасаке им приготовили угощение — блюда с патокой и выставляли его ежедневно вечером в одно и то же время. Пчелы с точностью часового механизма прилетали к ужину.

Как-то после очередного «ужина» пчел тем же способом возвратили в Нью-Йорк. Здесь их поместили в условия, сходные с парижскими. Перелет длился 19 часов, разница во времени составляла 6 часов. Таким образом, пчелы попали в Нью-Йорк задолго до «ужина» следующего дня. И что же? К блюдам с патокой они прилетели по парижскому времени...

Значит, пчелы «определяют» время, игнорируя такие привычные ориентиры, как солнце и звезды. Возможно, они руководствуются периодическим воздействием каких-то космических излучений, которые через «тайных агентов» в их организме давали знать о наступлении времени, когда подавалось угощение.

У него было двадцать две «достоверные» биографии. Книги его были переведены почти на тридцать языков. Но никто не знал его настоящего имени.

«Я чувствую себя рабочим среди людей, безвестным и неназванным, как каждый рабочий, который вкладывает свою долю в движение человечества к прогрессу», — отвечал через печать назойливым репортерам всемирно известный «Неизвестный», писатель, скрывающийся под псевдонимом Б. Травен.

В седьмом номере за прошлый год мы рассказали о полной трагических превратностей судьбе этого непримиримого защитника угнетенных.

Публикуемый рассказ «Солнце» взят из сборника мексиканских рассказов Б. Травена.

Рисунок С. ПРУСОВА

Б. ТРАВЕН

СОЛНЦЕ

Однажды индейский вождь, по имени Плюма Негра, явился к испанскому монаху Бальверду-миссионеру.

Это произошло в те времена, когда некоторые католические миссионеры, проповедуя христианство в Мексике, стремились не только к тому, чтобы упрочить светскую и политическую власть церкви, но и желали снять с индейцев бремя грехов и помочь им обрести спасение в раю.

Вождь Плюма Негра сказал монаху:

Когда монах закончил, вождь сказал:

— Мой добрый друг, я выслушал все, что ты сказал мне и моим советникам. Я мог бы ответить сразу же. Но ты объяснял так терпеливо, что я обдумываю ответ. Мне будет досадно, если, поторопившись, я скажу что-нибудь опрометчивое и причиню страдание тебе и твоим богам. Теперь я пойду спать. А утром вернусь и скажу, что я надумал и какое принял решение. И оно не будет поспешным. Ведь когда высказываешь правду хоро-

— Нашими богами, особенно старшими, мы вполне довольны. Но вот с младшими у нас то и дело случаются неполадки. Когда нужен дождь, бог дождя не посылает, а когда ждешь сухой погоды, вдруг куда-то убегает бог теплого ветра. Так же и со многими другими младшими богами. Старейшины моего племени держали совет и решили, чтобы я отправился к тебе, вестник новой религии, послушать, не сумеешь ли ты предложить нам лучших богов. Если мы убедимся, что твои боги лучше наших, то признаем их, а своих богов забудем. Расскажи нам про твою веру. Мы выслушаем тебя и все, что ты расскажешь о своих богах, передадим нашему народу. И объявим тебе наше решение.

Патер Бальверд в ясных, безыскусственных выражениях изложил сущность евангелия, как излагают ее ребенку. Все, что могло бы внести неясность, он, разумеется, опустил.

Вождь слушал монаха, не прерывая.

шо обдуманную и честную, никакой бог не может гневаться, потому что эту правду сам бог вкладывает в сердце человека. Согласен ли ты со мной, друг мой?

— Конечно, брат мой, — ответил патер, — вполне согласен. Да вразумят тебя и направят на стезю спасения бог и пресвятая дева.

На следующее утро, когда патер отслужил в часовне мессу и собрался завтракать, явился вождь со своими спутниками.

Монах сразу приступил к беседе. Но вождь сказал:

— Я вижу, ты собираешься есть. Будет лучше, если ты спокойно утолишь голод. Иначе ты станешь спешить. А вера не терпит спешки, ни моя, ни твоя. Говорить будем потом.

Закончив трапезу, монах вышел к посетителям. Вождь и его спутники расположились под деревом у самой часовни.

Монах ничего не спрашивал у вождя и не торопил его. Он спокойно дожидался, пока вождь сам заговорит. И вождь сказал:

— Я хорошо обдумал в моем сердце все слова, которые услышал. Твой бог позволил стегать себя плетью. Так ли это?

— Да, чтобы принять на себя грехи мира.

— Он позволил оплевать себя, поносить, забросать грязью, позволил, точно глупый, над собой смеяться, позволил в насмешку нацепить на себя колпак из колючек. Так ли это?

— Да, чтобы принять на себя грехи людей.

— Он позволил пригвоздить себя к бревну и умер постыдно, точно хворая собака. Так ли это?

— Да, ради того, чтобы избавить людей от грехов.

Затем вождь сказал очень спокойно:

— Вот что наш бог вложил мне в сердце этой ночью: кто не в силах внушить людям должного почтения и позволяет стегать себя, оплевывать, поносить, забрасывать грязью, осмеивать, тот не может быть богом индейцев. Тот, у кого нет ни сил, ни умения защитить себя, тот не может быть богом индейцев. Тот, у кого нет ни сил, ни умения избавиться от бревна, к которому его пригвоздили, не сумеет ни от чего избавить людей. Такой не может быть богом индейцев. Тот, кто, пригвожденный к бревну, сулит и причитает, как старая баба, не может быть богом индейцев.

Вождь хотел продолжить свою речь. Однако монах не сумел сохранить такого невозмутимого спокойствия, какое вчера проявил индеец. И он перебил вождя:

— Все это мой бог совершил, чтобы спасти людей; он страдал ради того, чтобы не страдали люди.

На это вождь ответил:

— Ты говоришь, он всемогущ, твой бог, он — бог бесконечной любви. Так ли это?

— Да, это так.

— Если он и вправду всемогущ, твой бог, почему он не избавляет людей от всех грехов и преступлений без того, чтобы страдать, чтобы позволить над собой глумиться, чтобы покорно умереть? Для чего он разыгрывал это длинное представление? Лицемер не может быть богом индейцев.

— Но, — снова перебил монах, — бог все это совершил ради того, чтобы люди в награду за свою веру заслужили вечное блаженство.

Индеец возразил:

— К чему такой окольный путь, друг мой? К чему нужно заслуживать то, что бог бесконечной любви и бесконечного могущества может раздать людям даром, как дает мне все моя мать из одной любви, ничего не требуя взамен, и не спрашивает, верую ли я в нее, поклоняюсь ли я ей. Она дарит мне все с любовью, не споря и не торгуясь, и дала бы даже тогда, если бы я ее — упаси меня от этого мой бог, — если бы я ее обидел. Моя мать превосходит твоего бога, потому что у нее больше бесконечной любви, больше бесконечного милосердия, а веры и молитв она совсем не требует.

— Но мой бог не умер, как ты предполагаешь, — перебил патер. — Ты это вчера, наверное, пропустил мимо ушей. Мой бог воскрес через три дня после смерти и в великом блеске вознесся на небеса.

— Сколько раз? — спросил вождь кратко и сухо. Слегка удивленный, патер ответил:

— Ну, один раз, конечно.

— И он, твой бог, с тех пор возвращался когда-нибудь? — спросил вождь.

— Нет, — ответил монах, — он не возвращался с тех пор, но он обещал, что когда-нибудь вернется, чтобы судить и...

— И проклинать, — подхватил вождь.

— Да, — подтвердил монах вызывающе, — да, чтобы проклинать всех, кто ни во что не ставил его, не верил в него, не прислушивался к его слову, не желал жить по святому учению.

Вождь спокойно сказал:

— Вот какие слова сейчас вложил мне в сердце мой бог. Мой бог умирает каждый вечер ради нас, своих индейских детей, умирает, чтобы подарить нам прохладу, покой и мир. Он умирает в золотом блеске, не осмеянный, не поруганный, не замаранный грязью. Но наутро он вновь воскресает; стрелы золотых лучей пронзают небосвод, и, наконец, он выходит, огромный, золотой, могущественный, даруя свет, тепло, красоту, изобилие, награждая цветы ароматом и красками, внушая птицам звонкие песни, вливая в стебли маиса силу и крепость, насыщая плоды сладостью и живительными соками, играя с облаками в небе и с синим ветром в море. И, как моя любимая мать, мой бог, отдавая, ничего не требует взамен и никого не проклинает. Вечно молодой, вечно лучезарный, вечно щедрый, вечно воскресающий, вечно живой, великий золотой бог индейцев...

И когда вождь сказал все это, он поблагодарил патера Бальверда за радушие...

А придя к себе домой, он созвал всех мужчин племени, чтобы рассказать о хождении к миссионеру. У мужчин не в обычае было вести длинные разговоры.

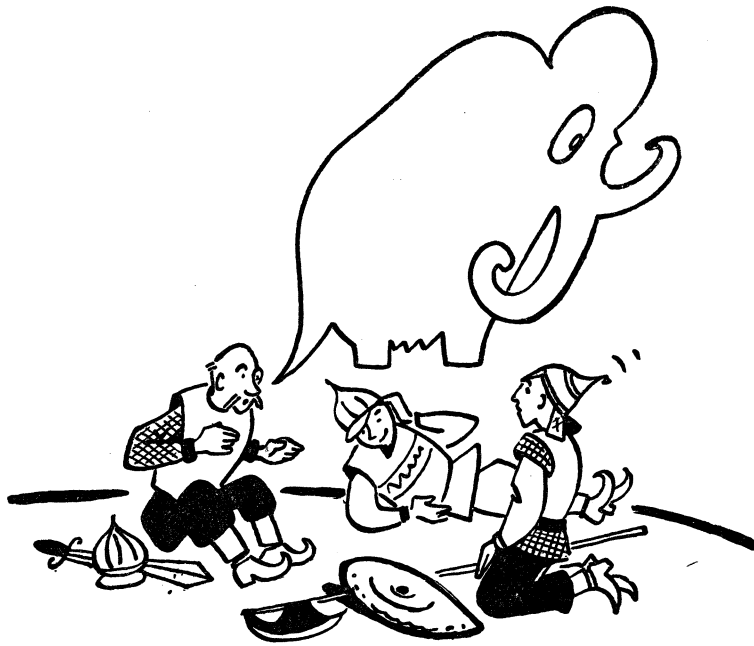
Но на этот раз даже они были удивлены тем, что рассказ о долгом странствии и долгих переговорах с проповедником новой религии может стать таким коротким.

Вождь Плюма Негра обвел взглядом мужчин и сказал спокойно:

— Вы, мужчины, не обменивайте своей корзины, полной зрелого золотого маиса, на закрытую корзину, в которой неизвестно что находится. Я кончил.

Это племя обитает в северной части Сьерра Мадры. И до сих пор оно не признает христианской веры.

Перевела с немецкого М. БАХРЕХ

О НЕОБЫЧНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ И ТАИНСТВЕННОМ ИСЧЕЗНОВЕНИИ ЗВЕРЯ ВЕСА,

НАПИСАННЫХ НА ОСНОВАНИИ
АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, НАУЧНЫХ
ДААННЫХ И ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ

В. ЛЕВИН

Барон Сигизмунд Герберштейн, человек непоседливый и любознательный, в 1549 году написал книгу, в которой весьма подробно изложил все, что видел, слышал и запомнил. «У них имеется великое множество птиц и различных животных, — писал путешественник о народах Сибири, — каковы, например, соболи, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное морж... Кроме того, Вес, точно так же белые медведи, волки, зайцы... и весьма многие другие...»

Советский ученый Б. Н. Городков заинтересовался этой записью. Он решил выяснить, какого зверя замаскировал Герберштейн под непонятным именем Вес. Поиски привели к удивительному открытию.

Это был... мамонт!

Но позвольте! Ведь считается, что мамонт жил давным-давно, где-то в конце ледникового периода, что он вымер на заре истории человечества! Скорее всего Герберштейн что-то напутал — всем известно, как любили фантазировать средневековые путешественники.

Если бы дело было только в показаниях Герберштейна...

МАМОНТ ВЫХОДИТ ИЗ ЛЕГЕНД

Мало, пожалуй, найдется животных, которые задавали бы ученым столько загадок, как мамонт. Его длинные огромные кости, видом своим напоминающие слоновые, были известны в Европе еще в глубокой древности, но

вот чьи они — долгое время было загадкой за семью печатями.

Алхимики толкли кости в ступах, создавая лекарственные порошки от бед и порчей. На них то молились, как на мощи святых, то предавали анафеме, принимая за останки богом проклятых драконов. Одни видели в них «самородное порождение недр земных», другие — доказательство того, что когда-то земля, еще не погрязшая в грехах, могла рождать людей-великанов.

И вдруг в 1479 году итальянский ученый-путешественник Юлий Лэт сделал сенсационное сообщение: «В Скифии находят змеиные зубы, по виду вроде слоновых клыков». Мало того, оказывается, что для народов Сибири эти кости — явление довольно обычное. По их мнению, они принадлежали зверю, но... зверю подземному. Маньчжурский император Кан-хи, любитель и знаток старинной литературы, писал: «Далеко на Севере в стране олоссов (русских), близ моря, имеются крысы величиной со слона. Они живут в земле и умирают, едва лишь их коснется дуновение воздуха или луч солнца... мясо этих животных холодно, как лед... Зубы их сходны с зубами слонов».

Датчанин Избрандт Идес, совершивший в XVII веке поездку по Сибири, свидетельствовал: «Якуты, тунгусы и остяки говорят, что эти животные постоянно держатся в земле и ходят там туда и сюда». Другой путешественник, голландец Н. Витзен, в то же самое время сообщал, что в Сибири при разливах рек находят зубы, похожие на слоновые, и что «тамошние жители называют их маммутекоос, что значит кости зверей маммутов».

Просачивающиеся в Европу сведения о «зверях маммутах» производили сильное впечатление. Не было числа самым фантастическим умозаключениям, вплоть до того, что сибирские находки — это-де не что иное, как останки слонов Ганнибала, которые разбредлись по Европе и, достигнув Урала, вымерли от морозов. А некоторые вполне серьезно счи-

Рисунки Г. КОВАНОВА

таи, что «слоновые падалища» занесло в Сибирь во время всемирного потопа.

Как бы там ни было, но ни у кого уже не возникало сомнения, что кости, которые находили в Европе, и останки «сибирских чудовищ» принадлежат одному и тому же зверю. Да, но какому? Судя по гигантским размерам и бивням, наверняка слону. Но ведь слон — животное теплолюбивое. Как он умудрился жить в Сибири, в стране снегов и морозов?

Одна из первых попыток объяснить это непонятное явление была сделана лишь в XVIII веке. Ученые того времени пришли к выводу, что когда-то на Земле климаты были «райские» и, как писал известный русский историк Василий Никитич Татищев, «равная теплота на всей Земле была... и слоны везде жить могли».

Так, в первой же научной гипотезе история мамонта оказалась связанной с изменениями климата планеты. Мамонт вышел из страны легенд и стал реальностью, правда, чрезвычайно таинственной и непонятной — еще слишком мало фактов было в руках ученых. В «анкете» мамонта не была заполнена ни одна графа.

МАМОНТ ДЕЛАЕТ ПЕРВЫЕ ШАГИ

А тем временем, пока в Европе спорили и гадали, каков он есть, мамонт, эвенки вовсю промышляли мамонтовыми бивнями.

В сентябре 1799 года сибирский охотник Осип Шумахов на побережье Ледовитого океана заметил какой-то непонятный предмет, скрытый в глыбе оледенелой земли. Несколько раз приходил к этому месту охотник, но лишь на третий год, летом, он увидел в полутоттаившей земле труп гигантского мамонта. В 1806 году об этом узнал находившийся в Якутске адъютант Петербургской академии наук Михаил Иванович Адамс. Когда он прибыл к месту находки, труп мамонта был основательно обглодан хищниками.

И все-таки Адамсу удивительно повезло: на боку и на голове

мамонта осталось немного кожи с густой шерстью, сохранились ухо и мозг животного. А скелет вообще был почти цел. Впоследствии эту уникальную находку выставили в Петербургской кунсткамере. В «личное дело» мамонта была вклеена первая «фотография».

Ученые увидели гигантское животное высотой более трех метров, с большой головой, похожей на слоновую, с огромными, странно изогнутыми бивнями. Но больше всего поразила ученых мамонтовая шерсть — длинная, густая, рыжеватого-черного оттенка. Выходит, что мамонт был надежно укутан от морозов. Гипотеза о «райских» климатах повисла в воздухе...

Чрезвычайно интересовался находками мамонтовых костей знаменитый французский ученый Кювье. Факты из области палеонтологии, которыми располагал ученый, говорили, что на протяжении истории Земли животный мир основательно изменялся, исчезали одни животные и появлялись новые. Но ведь, с другой стороны, библия, с которой Кювье тщательно старался примирить науку, «учит», что Земля «создана» всего около семи тысяч лет назад.

Как же могло в столь короткое время, отпускаемое библией, уместиться в истории Земли такое количество геологических эпох? Кювье попытался найти выход. По его представлениям, время от времени Землю постигают грандиознейшие катастрофы, и после каждой на планете заново «создается» жизнь. Во время одной из таких катастроф и погиб таинственный гигант.

Такой поворот темы вполне устраивал церковников: их «учения» гипотеза Кювье не подрывала.

МАМОНТ ПРОШЕЛ ПО ПЛАНЕТЕ

Но безбожником оказался сам мамонт.

В 1832 году таможенный чиновник, любитель-археолог Буше де Перт производил раскопки на реке Сомме во Франции. Эта местность славилась обилием ископаемых костей. И вот однаж-

ды среди костей мамонта археолог увидел кремень странной формы. За первой находкой последовали другие. Камни были явно обработаны человеческой рукой, правда, еще неумелой и грубой.

«Эти грубо обтесанные камни стоят целого музея!» — воскликнул Буше де Перт. Радость ученого была понятной — ведь имевшиеся в то время в коллекциях изделия древних людей были обработаны куда более тщательно. Открытие Буше де Перта отодвигало историю человечества в такую глубину тысячелетий, что вся библейская «хронология» становилась бессмысленной.

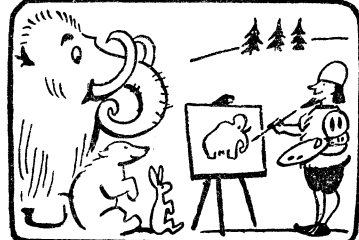
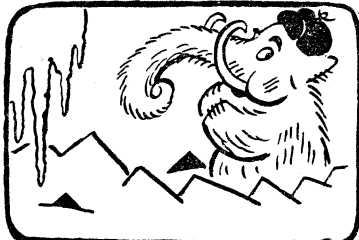
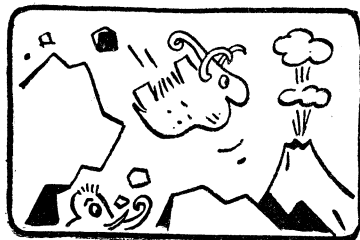
Более того, мамонт оказался современником человека! Но ведь тогда выходит, что великий Кювье не прав? Почему таинственные катастрофические силы, погубив мамонта, пощадил человека, тогда еще такого неприспособленного?

Снова надо было искать причины исчезновения мамонта.

В 1837 году ученик Кювье швейцарский ученый Агассис произнес в обществе естествоиспытателей речь, в которой, основываясь на находках замерзших трупов мамонтов и носорогов, утверждал, что когда-то Земля пережила оледенение. Со временем в науку прочно вошло понятие «ледниковый период».

...Когда-то, около миллиона лет назад, с севера на Европу начали надвигаться огромные ледяные поля, достигавшие одного-двух километров толщины. Все отступало перед неумолимыми льдами: стирались горы, огромные валуны переносились за тысячи километров, исчезали леса. Ледник то отходил к северу, оставляя за собой мертвую землю, покрытую озерами и болотами, — и постепенно сюда вновь приходила жизнь; то вновь надвигался — и снова все живое уходило к югу.

И лишь около 10 тысяч лет назад Земля окончательно сбросила с себя панцирь великого оледенения. За этот огромный промежуток времени появились новые животные, которые приспособились к суровым условиям ледникового периода и исчезли вместе с ним. К таким животным причислили и мамонта.

Вторая биография мамонта была создана: мамонт стал «жителем» ледникового периода.

МАМОНТ ПРОДОЛЖАЕТ ЗАГАДЫВАТЬ ЗАГАДКИ

Но в какой же именно этап ледникового периода вымер мамонт?

...Знаменитый русский путешественник и ученый Эдуард Толль предполагал, что мамонт в Европейской части России и в северной Сибири существовал в эпоху последнего оледенения, причем допускал, что отдельные колонии мамонтов жили даже в послеледниковое время. Примерно такой же точки зрения придерживались знаменитые археологи Обермайер и Городцов. В. В. Докучаев, изучая условия образования современных почв и растений, пришел к выводу, что мамонты вымерли уже в послеледниковое время.

Мамонт, в свою очередь, продолжал загадывать загадки. Посудите сами. С одной стороны, содержимое желудка одного из замерзших трупов мамонта свидетельствовало, что основной пищей сибирского великана были различные травы тундры. Следовательно, мамонт — обитатель тундры. Но с другой стороны, простой подсчет говорит: чтобы прокормить себя, взрослый мамонт должен был обгладывать по нескольку десятков гектаров тундры в день. Для малоподвижного гиганта такая нагрузка в течение всего года получалась непосильной. Кроме того, судя по строению зубов, мамонт мог разжевывать не только сочные травы, но и грубую древесную растительность. Так чем же все-таки питался мамонт?

И еще. Исследования показали, что природа, окружавшая мамонта, найденного на реке Березовке, правом притоке Колымы, была более разнообразной и богатой, чем сейчас. С другой стороны, изучение мамонта, найденного на Таймыре, говорит о том, что этот зверь жил в условиях, близких к современным. Так в каких же все-таки условиях жил мамонт?

И таких «с одной стороны — с другой стороны» накопилось уже немало.

Да и в самом учении о ледниковом периоде много спорных положений. Одни ученые считают, что причина оледенения в умень-

шении солнечной радиации, другие — в том, что планета время от времени меняет свое положение относительно Солнца. Некоторые исследователи думают, что когда-то Гольфстрим отклонился от своего направления, и это вызвало резкое похолодание, другие указывают на поднятие северных областей Европы и Америки, превратившее их в гигантские ледяные плато.

Несмотря на обилие гипотез, «удовлетворительного объяснения причин великого оледенения материков северного полушария еще не найдено, тем более что до сих пор все еще не разрешен вопрос о числе и характере... оледенений», — писал один из крупнейших советских археологов, академик П. П. Ефременко.

А доктор биологических наук, член-корреспондент Академии наук СССР И. Г. Пидопличко, исследуя данные археологии, палеоботаники, палеонтологии, пришел к выводу, что «специфического и катастрофического оледенения равнин умеренных широт Европы не существовало».

А как же мамонт, который успел стать олицетворением оледенения?

А МОЖЕТ БЫТЬ?..

В 1949 году на севере Таймырского полуострова были обнаружены бивень мамонта, уходящий в землю. Когда его захотели вытащить, оказалось, что под ним, в земле, лежит и череп животного.

Академия наук СССР срочно снарядила экспедицию, которая спасла для науки полный скелет мамонта с остатками сухожилий, кожи и шерсти.

Материал экспедиции был тщательно исследован. Спорово-пыльцевой анализ показал, что климат и растительный мир во время гибели этого животного были близки современным.

И вот на основании данных этой экспедиции академик Е. Н. Павловский заявил: «...мамонт не мог существовать в условиях ледникового периода, он мог жить в более теплое, послеледниковое время». И. Г. Пидопличко развивает эту мысль дальше: «Если мамонт не жил и не мог жить в условиях ледникового периода, то, следовательно, рутшатся все предыдущие утверждения о том, что мамонт есть руководящая форма ледникового периода».

Мы не собираемся сейчас рассматривать большой и важ-

ный вопрос о том, сколько было оледенений. Это отдельная тема. Для «биографии» неуловимого мамонта интересно то, что И. Г. Пидопличко разрушает узел, связывающий судьбу животного-исполина с оледенением Земли, и заявляет: мамонт — «житель» современного климата.

Так, может быть, Герберштейн все-таки не ошибся, и в XVI веке на севере Московии действительно существовал зверь Вес, то есть мамонт? И почему бы не предположить, что мамонта постигла судьба его современника зубра, в вымирании которого так или иначе был повинен человек?

Именно к такому выводу и пришел Пидопличко, составив третью биографию мамонта, отрывок из которой он зачитал на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов: «Мамонт существовал еще в I тысячелетии нашей эры... Есть все основания признать, что основным фактором в вымирании мамонта был человек».

...Все мы видели в учебнике истории картину: первобытные охотники добывают камнями одинокого мамонта. Но никто еще не воссоздал картину массового уничтожения этих гигантов. А у археологов есть для этого материалы: на одной из стоянок каменного века были найдены кости 800—1000 мамонтов! И такая стоянка не исключение.

И если в каменном веке люди с их примитивными орудиями столь успешно охотились на этого зверя, то какой же печальной могла стать его участь потом!

Безусловно, последняя страница истории мамонта еще не написана. И если, как утверждает Пидопличко, мамонт жил в условиях современного климата, то «последние из могикан» действительно могли существовать еще несколько столетий назад, скрываясь в недоступных для людей местах.

Правда, подавляющее большинство мамонтовых костей относится к древнейшим временам истории человечества. Но ведь не случайно же известный историк Сыма Цянь, живший уже в I веке до нашей эры, написал о мамонте, как о животном, которое еще бродит по земле: «Из зверей водятся... огромные кабаны, северные слоны в щетине и северных носорогов род».

...И кто знает, может быть, и ждет где-нибудь нас мамонтовый череп с огнестрельной раной во лбу.

Геннадий ФИШ

ИЗ ШВЕДСКОГО ДНЕВНИКА

Студенческие фуражки

Перед этой поездкой я вновь перечитал записки писателя Карела Чапека о Швеции. Вот что он писал: «В этой стране много новых мостов и дорог и мало политики, псы здесь без намордников, девушки не накрашены, улицы без полицейских, купальные кабины без ключей, калитки без щеколд, автомашины и велосипеды остаются на улице без присмотра и жизнь проходит без вечного страха и недоверия. Шведы очень гостеприимны».

Теперь я могу сказать, что за тридцать лет, прошедших после поездки Карела Чапека, мостов и дорог прибавилось. И среди них есть такие чудесные сооружения, как мосты между шхерами под Гетеборгом, как мост Вестербру через озеро Меларен, который соединяет северные районы Стокгольма с южными. Под его пролетом спокойно проходят океанские суда.

Однажды я провел целый день в столице с делегацией наших инженеров-мостовиков. Мы проплыли на катере под десятками мостов на морском заливе и на озере. Если восточная часть Стокгольма смотрит своими набережными на море, то западные его набережные выходят на озеро Меларен. От наших инженеров-специалистов я услышал много добрых слов о новых стокгольмских мостах, о том, что не случайно называют этот город «Венецией севера». Только мосты здесь получше, чем в Венеции, и туристские компании создали специальный экскурсионный тур, который так и называется «Под мостами».

Псы здесь по-прежнему без намордников, улицы без полицейских, купальные кабины без ключей, калитки без щеколд. Что же касается девушек, то они, увы, накрашены. И даже очень молоденькие. В старших классах средней школы отведены специальные часы, когда девочек учат премудростям косметики.

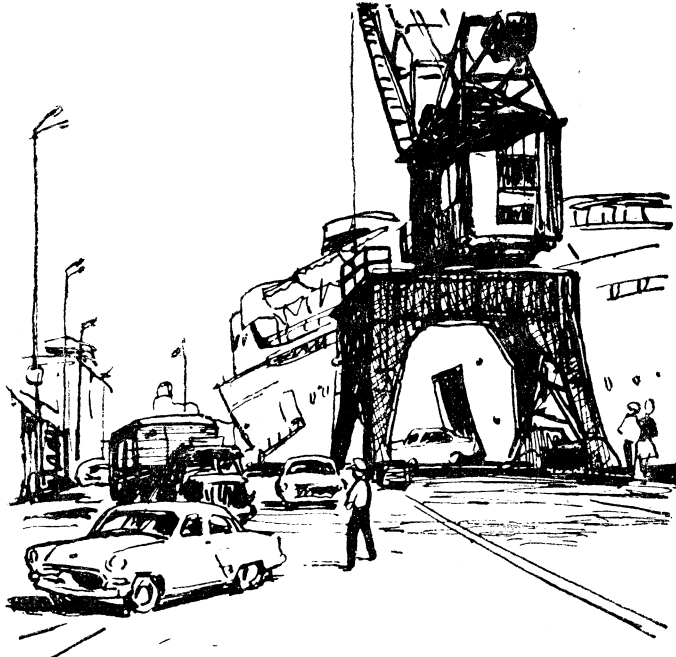
— Все равно девчонки мажутся, — говорила мне со вздохом одна учительница. — Запретами не поможешь. Лучше их в школе учить, как это делать со вкусом.

Карл Сандблат — активист движения за атомное разоружение — подарил мне несколько номеров журнала Центральной организации гимназистов Швеции.

На обложке номера была изображена студенческая фуражка, перечеркнутая жирным крестом.

Что это значит?

Я знал, что каждой весной тысячи девушек и юношей Дании, Норвегии, Швеции, сдав испытания

Рисунки Ю. АЛЕКСЕЕВА

Первые метры по шведской земле.

Горят ночные рекламы.

на то, что у нас называется аттестатом зрелости, а у скандинавов — студенческими экзаменами, дающими им право поступать прямо в вузы, торжественно надевают долгожданную, заранее купленную студенческую фуражку с белым верхом и цветным околышем: красным — в Дании, синим — в Норвегии, черным — в Швеции.

И хотя лишь малая часть сдавших студенческие экзамены осенью пойдет учиться, все они целое лето будут носить свою студенческую фуражку — символ того, что стали взрослыми. С осени эти фуражки носят уже только те, кто действительно становится студентом, а остальные хранят их всю жизнь как воспоминание о славных днях молодости.

Студенческая фуражка всегда была как бы условным признаком, выделяющим привилегированное меньшинство людей.

Александр Васильевич Шотман, старый питерский большевик, рассказывал однажды, что когда он молодым еще парнем, спасаясь от царских жандармов, бежал в Швецию, то в Стокгольме для большей конспирации надел студенческую фуражку. В то время в Швеции проходили бурные забастовки. Когда Шотман стоял однажды на путях у железнодорожного переезда, машинист маневрового паровоза, увидав «студентика» в белой фуражке, выпустил на него струю пара, который сразу смешался с угольной пылью.

— Он принял меня за буржуя, — смеялся Шотман. — Для конспирации это было хорошо, но белоснежный верх фуражки, увы, превратился в грязный блин...

И вот теперь, более полувека спустя, в журнале шведских гимназистов ученики настаивали на том, чтобы упразднить студенческую фуражку. Они считали, что она символизирует кастовость.

В других статьях в своем журнале гимназисты требовали также «убрать латынь», «сократить преподавание закона божьего».

Председатель столичной организации гимназистов заявил, что «кафедра в классе должна исчезнуть. Она производит недемократическое впечатление и возводит учителя в положение бога. Школьная молодежь должна уяснить, что учитель не какой-нибудь безупречный робот, а человек, как и все другие, со своими ошибками и недостатками».

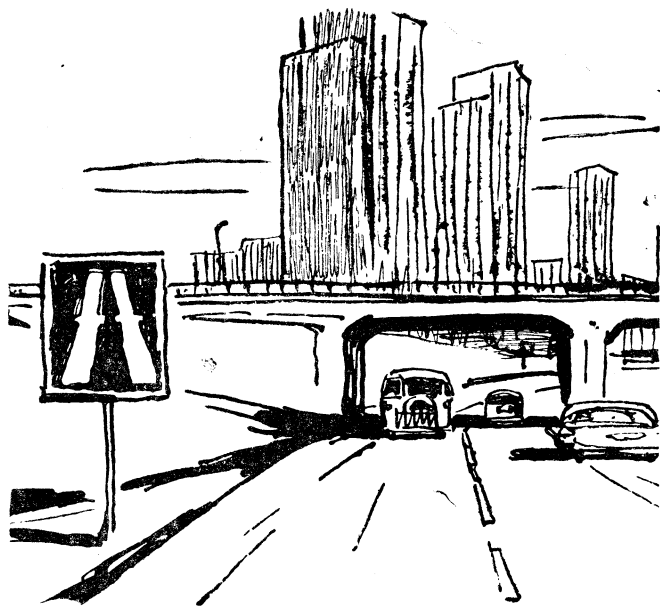
— Прочитав этот журнальчик, — улыбаясь, сказал Сандблат, — вы поймете, как трудно учителям поддерживать в школе дисциплину. А все-таки молодежь в целом у нас превосходная. Наше движение за атомное разоружение стало таким массовым еще и потому, что во многих школах созданы примыкающие к нам юношеские группы. Молодежь с нами!..

В начале апреля прошлого года в Стокгольме состоялась демонстрация студенческой молодежи против кровавой диктатуры Франко. Демонстранты требовали освободить из испанских тюрем борцов за демократию.

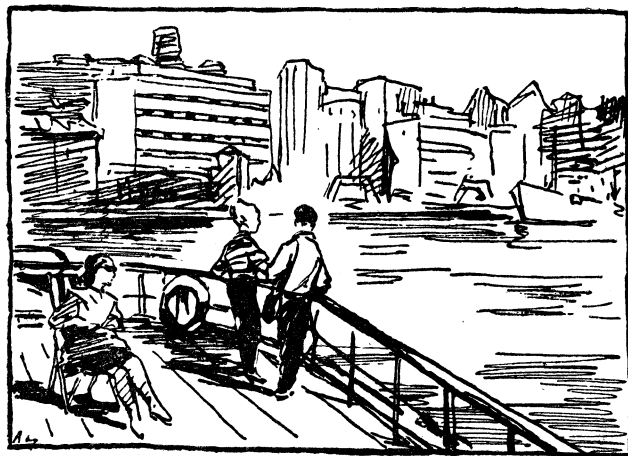
Одна из демонстранток продавала патефонные пластинки с песнями антифашистского подполья Испании, песнями, которые поют там политические заключенные. Они были записаны шведскими студентами в Испании во время недавних забастовок.

Пластинка эта выпущена обществом студентов-социалистов «Кларте», которое организовало и эту апрельскую демонстрацию. Доход от пластинки поступил в пользу узников Франко.

— Четыреста человек откликнулись на наш при-

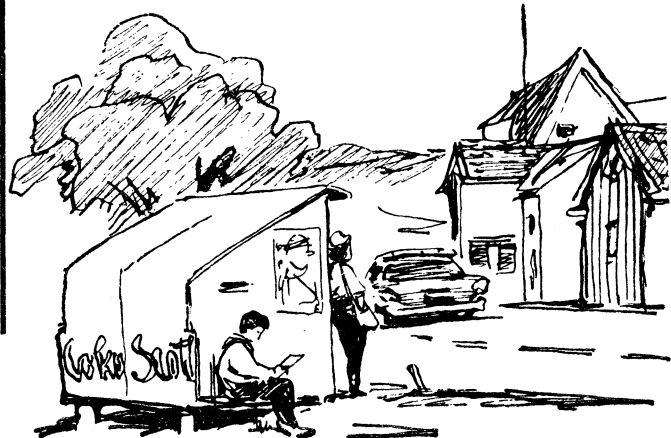

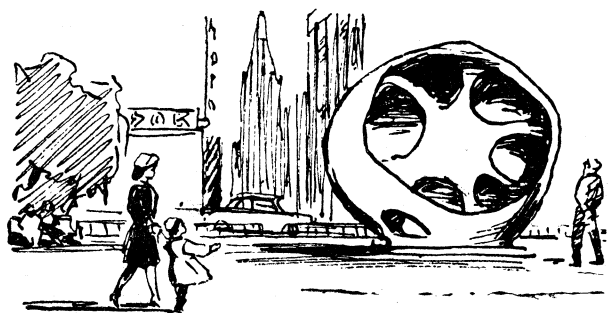
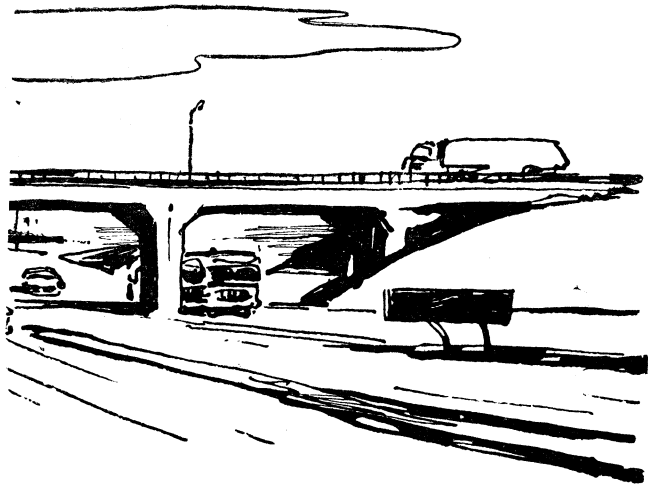
На спидометре — больше ста.

За кормой Стокгольм.

На автобусной остановке.

Гетеборг. На детской площадке.

У газетного киоска.

зв, — радуясь успеху демонстрации против Франко, говорила мне потом студентка Стокгольмского университета Ирэн. — Это не так уж мало. Ведь до недавних пор шведские студенты были далеки от общественной жизни.

Ирэн привезла меня в гости к нашим общим друзьям в один из «спальных городов», как здесь называют города-спутники, входящие в границы Большого Стокгольма. Спальные — потому, что тут нет ни контор, ни промышленных предприятий, сюда приезжают из центра лишь после работы.

Через распахнутую на балкон дверь лился вечерний весенний холодок, насыщенный озоном сосновых рощ, обступивших дома. В разгаре оживленной беседы Ирэн включила телевизор.

— Актуелт, — сказала она (так здесь называют последние известия). — Сейчас мы увидим моих друзей!

В тот день началась голодовка студентов Стокгольмского университета. Голодовка протеста против политики апартеида, проводимой расистами Южно-Африканской Республики.

На экране телевизора замелькали кадры хроники: молоденькие изящные девушки, юноши со шкиперскими бородками рядами сидят в зале клуба молодежи. Лица их серьезные.

— Мы будем голодать так в течение многих дней, каждый день на это место будет приходиться другая смена, — объяснила нам Ирэн. — Я тоже сегодня находилась бы среди них, если бы не должна была привезти вас сюда. Но ничего, завтра буду там.

— И вы думаете, что сможете чего-нибудь добиться таким образом?! — с некоторым скепсисом спросила одна гостя. — Разве правителям ЮАР не все равно, обедают или нет стокгольмские студенты?

— У нас слишком уж привыкли к тому, что делается в ЮАР, — отозвалась Ирэн, — ведь это так далеко. Вот мы и хотим усилить протест нашего народа. Пикеты около магазинов, торгующих южноафриканскими товарами, газеты уже не считают сенсацией и перестали о них писать. А сегодня — видите! — мы попали в телевизоры. На нас смотрят не только в Стокгольме!

Да, теперь уже не повторить вслед за Чапеком, что в Швеции «мало политики».

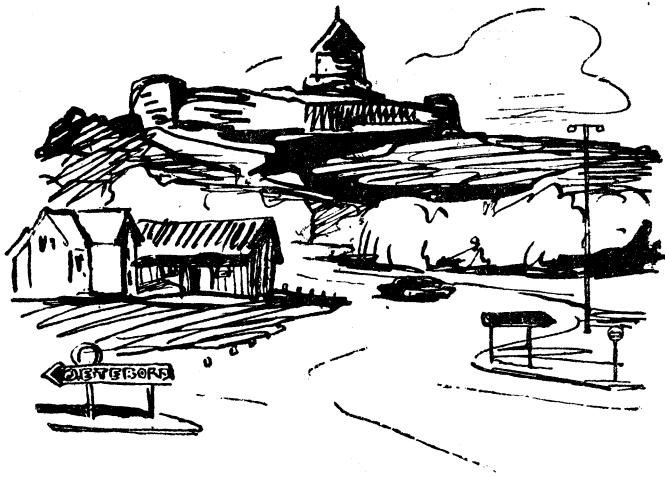
Что же касается автомобилей, то их теперь так много, что большинство «ночует», выстроившись вдоль тротуара под открытым небом.

Шведского обывателя гложет тревожное беспокойство: «Может быть, у меня более дешевая марка автомобиля, чем у сослуживца, или экран телевизора меньше, чем у соседа? Значит, надо дополнительно где-нибудь подработать... Войти в новые долги. В свою очередь, и сосед не дремлет...

«Мне начинает казаться, что обеспеченность шведам больше вредит, чем приносит пользы, — пишет Эрик Лундквист. — Люди настолько заелись и отупели, что не способны мыслить».

Отсутствие культуры ведет к неумению жить полнокровной жизнью. Очень туго приходится науке. Несмотря на зажиточность — недовольство, люди несчастливы».

Многое изменилось в Швеции со времен Чапека. Эти изменения можно проследить даже по сказкам. Раньше Нильс Хольгерсон — герой знаменитой сказки Сельмы Лагерлеф — облетал всю Швецию верхом на гусях. Ныне же «Карлсон на крыше» — любимый ребятами герой современной веселой пове-

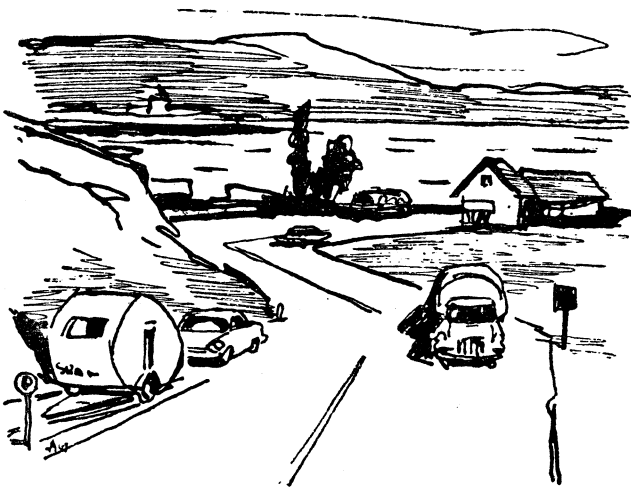

Старинный замок близ Гетеборга.

Автомат с бутербродами.

Дорога от фьорда в горы.

сти Астрид Линдгрэн — имеет уже вмонтированный в тело моторчик с пропеллером, с помощью которого летает по воздуху.

Но действительность обгоняет волшебную сказку. Весной этого года тысячи шведов встречались, разговаривали с людьми, которые уже побывали в космосе, — с первым космонавтом Юрием Гагариным и Валерием Быковским, человеком, который за пять суток видел восемьдесят закатов и восходов солнца.

Я был в Голубом зале Стокгольмской ратуши, когда известная общественная деятельница Ева Пальмер, генеральный секретарь общества дружбы «Швеция — СССР», открыла танцы в первой паре с Юрием Гагариным. Затем она передала кавалера своей дочке-школьнице.

Девушка вспыхнула румянцем, хотя об этом танце у нее с матерью было все договорено еще за неделю до «космического бала» в ратуше.

ЭСКИЛЬСТУНА

Когда я впервые приехал в столицу Швеции, этого музея здесь еще не было. Он мирно покоился на дне гавани. Теперь же, всплыв из глубины, он стал достопримечательностью столицы и привлекает и старых морских волков и бесконечные экскурсии школьников. Имя его — королевский флагман, трехпалубный, шестидесятичетырехпушечный фрегат «Ваза».

Норвежцы в Осло оберегают под крышей деревянный «Фрам» Фритьофа Нансена и плот Тура Хейердала «Кон-Тики», знаменитые своими необыкновенными плаваниями. В отличие от них фрегат «Ваза» ни в какие плавания не ходил. Просто-напросто, выйдя первый раз в море, он через полчаса перевернулся под порывом налетевшего шквала и пошел ко дну со всем экипажем и многочисленными грузами, собравшимися на палубе отпраздновать спуск на воду нового флагмана.

В 1961 году корабль, пролежавший 333 года на дне стокгольмской гавани, затянутый сотнями тонн ила, был поднят со всеми своими пушками, ядрами, кухонной посудой и даже разменной мелкой монетой, принадлежавшей матросам.

Фрегат очистили, поставили у берега острова Дьюргорден, вблизи которого он затонул. Вокруг его огромного дубового тела высотой в шесть этажей возвели стены из алюминия, положили крышу и превратили в музей. Внутри здания воздух насыщен влагой, чтобы корабль лучше сохранился.

Высокие стены музея-ангара видны с многочисленных набережных столицы. Сюда на краснобоких автобусах спешат по большим и малым мостам экскурсанты.

Конечно, любопытно увидеть, как выглядели «линкоры» лет триста с лишним назад. С уважением думаешь об инженерах и водолазах, которым удалось в целости поднять этот дубовый набухший соленой водой трехмачтовый Левиафан.

То были следы военной мощи и славы. Но победы шведского оружия несли народу лишь несчастья и разорение.

И, проходя по дощатым подмосткам, которыми в три этажа обнесен фрегат, я думал о новой славе шведского народа. Славе, обращенной к будущему. Символом этой новой славы могло бы стать небольшое торговое судно каботажного плавания «Эскильстуна III».

Внешне оно ничем не примечательно. Гривастый раззолоченный лев-галион, искусно вырезанный из дерева, не поддерживает его форштевня. Это обыкновенный, выдавший виды морской ломовик, много лет перевозивший пассажиров и грузы из Эскильстуны, города шведских оружейников и металлистов, в Стокгольм. Но однажды он оторвался от родного берега и совершил великое и опасное плавание в будущее. Это было первое морское судно, прорвавшее блокаду, которой интервенты пытались задушить молодую Советскую республику.

С грузом медикаментов, кос и плугов «Эскильстуна III» пришла в Петроградский порт в мае 1919 года.

* * *

Однажды в Москве на встрече со шведскими профсоюзными активистами я спросил, не очень надеясь получить ответ, — ведь с тех пор прошло сорок четыре года, — не помнит ли кто-нибудь об этом плавании «Эскильстуны III».

— Я был тогда еще очень молодым, совсем подростком, но кое-что помню об этом судне, — сказал высокий стройный старик в застегнутом на все пуговицы, несмотря на страшную жару, пиджаке. Это был член делегации общества «Швеция—СССР» Ялмар Вернер, кассир стокгольмского отделения профсоюза разнорабочих.

— «Эскильстуна III» небольшой пароход. Капитаном на нем был тогда Эфраим Эрикссон, человек с ясным пролетарским сознанием. Я его лично знал. Он умер не так давно... Четвертым штурманом на «Эскильстуну» Эрикссон взял в это плавание Линдерупа.

— Линдеруп? Тот самый?..

— Да, Свен Линдеруп.

Речь шла об известном деятеле рабочего движения Швеции, депутате риксдага многих созывов, одном из создателей компартии.

В трюмах «Эскильстуны» были и тюки с медикаментами и хирургические инструменты, купленные на средства, собранные шведскими рабочими.

— Мы узнали, что в Петрограде и во фронтовых госпиталях раненым красноармейцам делают операции без наркоза. Нет ни эфира, ни хлороформа — никаких анестезирующих средств, не хватает скальпелей и других инструментов. Помню, какое страшное впечатление произвело это на нас. Пожалуй, тогда во всей стране не нашлось рабочего, который не уделит бы хоть несколько крон на помощь Советам.

Подросток Ялмар Вернер жил тогда вблизи Ньючепинга, зарабатывал крохи, но был счастлив, что и на его взнос можно было сделать две или три операции под наркозом.

Я не знаю, какое имя носили те шведские теплоходы, которые в октябре 1962 года смело вопреки запрету американских властей продолжали идти к Гаване.

Но мне вдруг показалось, что путь, проложенный «Эскильстуну» на восток, эти суда спустя десятилетия продолжили через Атлантику к острову Свободы.

Читатель журнала М. Ходаков (пос. Горняк, Алтайский край) пишет: «В газетах сообщалось о недавно открытом племени биндибу в Австралии. Мне бы очень хотелось подробнее узнать об этом неизвестном племени».

С такой же просьбой к нам обращаются и другие читатели.

БИНДИБУ

...Антропологическая экспедиция шла по Большой Песчаной пустыне Австралии. Озеро Маккай осталось на севере. Запасы питьевой воды подходили к концу. И вдруг один из участников экспедиции увидел вдалеке струйку дыма. Костер? Люди? Но ведь ни одного племени аборигенов здесь никогда не встречали.

Вскоре экспедиция подошла к глубокому ущелью, по дну которого бежал ручей. На берегу были видны землянки и тлеи головни — следы костра, дым которого заметили ученые. Но тех, кто разложил костер, не было видно.

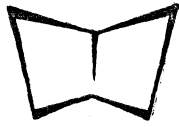
Сгустились сумерки. Неожиданно из темноты выбежали обнаженные люди — они пришли к источнику.

...Так в конце прошлого года было обнаружено племя австралийских аборигенов биндибу, не известное науке. Четыре месяца экспедиция под руководством Дональда Томсона из Мельбурнского университета провела среди тех, кто никогда еще не видел белых людей.

Биндибу всего 40 человек. Селенье их называется Лабби-Лабби.

Люди племени, как пишет в своем отчете мельбурнский антрополог, «дружески настроены и свободны от страха», живут семьями. Орудия труда и оружие биндибу, как и «положено» людям каменного века, изготавливают из камня и дерева, но способом совершенно необычным. Как пишет Томсон, нужную форму камню они придают, «отгрызая кружочки камня и выплевывая их один за другим так, что они падают на песок, точно снежинки». Главное оружие биндибу — лангуро, напоминающее выдолбленную лодку. Лангуро для биндибу — и копьё, и дротик, и щит, и нож, и «контейнер» для пищи. Чтобы изготовить это универсальное орудие, два человека работают неделю. Кроме лангуро, на «вооружении» племени находится что-то вроде томагавков и несколько кусочков железа. Питаются биндибу главным образом растительной пищей, но при случае, когда сезонные дожди превращают пустыню в большое красное болото, разнообразят свое меню мясом страусов и кенгуру, ящерицами и мелкими птицами. Язык биндибу, как пишет Томсон, не похож ни на один из известных.

Изучение нравов и обычаев затерянного племени будет продолжено.

СРЕДИ КНИГ

НОВОЕ В ИЗДАТЕЛЬСТВАХ

Наш корреспондент М. Михайлова побывала в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». Мы печатаем интервью с Н. Б. Зубковым, заместителем главного редактора.

В 1961 году в издательстве восточной литературы вышла небольшая книга. С ее обложки на читателя смотрело женское лицо — задумчивые, чуть удлиненные глаза, прекрасно очерченный рот, нежный овал лица. Это был портрет царицы Нефертити. Книга «Здесь жила Нефертити» английской художницы М. Чабб положила начало серии «По следам исчезнувших культур». О многом узнали читатели серии за прошедшие годы: о таинственной Каффе, о погребенном в песках пустыни государстве шумеров, о замечательных фресках Тассили, найденных в Сахаре...

Как видно из перечня, все книги рассказывают о прошлом народов Азии и Африки. Это не случайно. Азия и Африка — колыбели древнейших на земле цивилизаций, но самобытная культура народов, давших человечеству замечательные памятники литературы, архитектуры и искусства, изучена еще недоста-

точно, а то, что изучено, известно небольшому числу людей. Книги серии в какой-то степени восполняют этот пробел, помогают развенчать созданный колонизаторами миф о том, что эти страны не имеют своей истории.

В 1965 году выйдет книга крупнейшего американского ученого-шумеролога С. Н. Крамера «История начинается в Шумере». Это 27 очерков о «первом» в истории человечества: о первой школе, первом литературном диспуте, первом библиотечном каталоге... Материал для очерков ученый нашел в клинописных табличках древних шумеров — народа, обитавшего в IV—II тысячелетиях до нашей эры по нижнему течению Тигра и Евфрата.

Книга архитектора Ж. Ф. Лауэра «Загадка египетских пирамид» объяснит читателю причины, побудившие древних египтян строить эти величественные сооружения, раскроет мнимые загадки пирамид, познакомит с археологами, усилиями которых раскрываются древние тайны.

Несколько лет назад весь мир был взбудоражен сообщениями о Кумранских рукописях. В начале 1965 года издательство выпустило книжку И. Д. Амосина «Находки у Мертвого моря», в которой дается систематический очерк памятников материальной культуры и рукописей, найденных в пещерах. До конца года выйдут посвященные той же те-

ме романы немецких писателей А. Аллегро «Сокровища Медного свитка» и «Пещера у Мертвого моря» Г. Штолля.

Советские ученые первые в мире заставили зазвучать тангутские письмена — язык народа, уничтоженного войсками Чингисхана. Они составили первый словарь тангутского языка и создали новый раздел науки — тангутскую филологию. Историей изучения тангутских текстов посвящена небольшая книжка Е. И. Кычанова «Звучат лишь письмена...».

Другая серия — «Путешествия по странам Востока» — знакомит читателей с настоящим стран Азии и Африки. Выйдут книги о жизни аборигенов Австралии (А. Маршалл, «Мы такие же люди»), об обычаях и фольклоре индонезийцев («Вести добрые» В. Островского), о населении, животном и растительном мире бывшей Экваториальной и Западной Африки (В. Шредер, Р. Кениг, «На мопедах по Африке»), о быте, нравах и культуре меланезийцев, о печальной судьбе художника Гогена (Б. Даниельсон, «Позабывтые острова»).

Будет продолжено издание серии «Памятники литературы народов Востока». В музеях, библиотеках, научных учреждениях нашей страны хранятся уникальные рукописи народов Востока, и задача издательства — сделать их достоянием широкого круга читателей. Подготовлены к изданию «Путевые заметки» знаменитого средневекового армянского ученого Симеона Лехаца. Продолжается издание сводного (критического) текста поэмы «Шахнаме» великого Фирдоуси. Этот текст впервые составлен по пяти самым древним из сохранившихся рукописей: Бриганского музея (1276—1277 гг.), Каирской (1323 г.) и грем Ленинградским (1333, 1452 г. и середины XV в.). Будет издан сводный персидский текст поэмы «Лайли и Маджнун», входящей в «Хамса» («Пятерицу») великого азербайджанского поэта XII века Низами Ганджави. В основу этого издания текстологи взяли одиннадцать старейших рукописей, в том числе хранящихся в библиотеках Ленинграда и Баку.

В литературном изложении выйдут знаменитый древнеиндийский эпос «Рамаяна».

Ледяные карлики Урала

Мы привыкли, говоря о ледниках, вспоминать Арктику, Антарктиду, высокие горные хребты. Но мало кто знает, что на Северном Урале, где самая высокая вершина не превышает полутора километров, насчитывается 150 природных ледников!

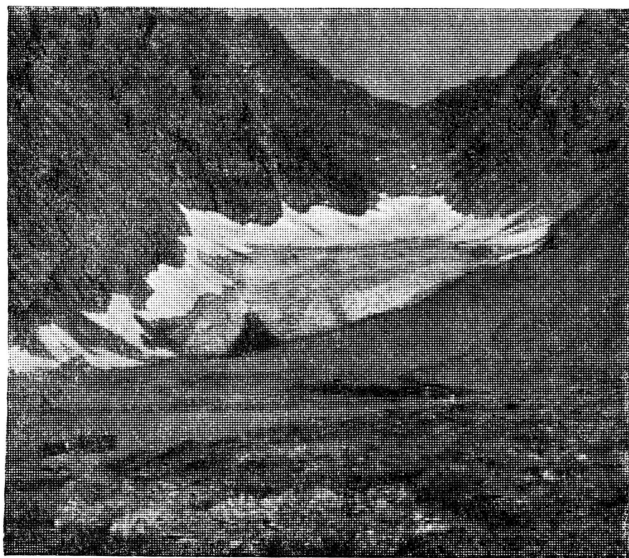
Долгое время они были не известны науке: тропы исследователей проходили в стороне от ледников, укрытых нестаящим снегом. Считалось, что оледенения на Урале нет из-за малой высоты гор и континентального климата.

И лишь в 1929 году геолог А. Н. Алешков впервые обнаружил ледники в Приполярном Урале.

Неожиданное открытие заинтересовало геологов и географов. Вскоре, во время Второго Международного Полярного года (1932—1933 гг.), на Урал отправилась специальная гляциологическая экспедиция. С каждым годом ученые открывают все новые и новые ледники на Северном Урале.

Какие же условия вызывают образование уральских ледников? На Северном Урале часты снегопады. Сильные западные ветры сдувают снег с вершин и несут его на подветренные склоны, где он скапливается и, не успевая растаять в течение короткого лета, превращается в лед. Уральские ледники, несмотря на свои сравнительно небольшие размеры, далеко не «безобидны». Они производят большую разрушительную работу, формируя горный рельеф Урала — подобие остроконечных вершин Альп и Кавказа.

Обширные планомерные исследования современного оледенения древних гор начались во время Международного геофизического года. Летом 1957 года Институт географии АН СССР организовал Полярно-уральскую гляциологическую экспедицию. К востоку от Воркуты была сооружена базовая станция, а непосредственно на ледниках — несколько стационаров.

Уже сейчас накоплены ценнейшие научные материалы. Ледяные карлики Урала — уникальная естественная лаборатория, где ученые решают многие теоретические и практические вопросы — от проблемы древнего оледенения Земли до проблемы водноэнергетических ресурсов Урала.

Е. ЗИНГЕР,
научный сотрудник Института географии АН СССР

Мангровый лес Кызылкумов

«Солнце село. Похолодало, поднялся вечерний ветерок, и сразу же, словно из-под земли, зазвучала величавая мелодия...»

Так начиналась опубликованная в первом номере нашего журнала заметка о поющем мангровом лесу. В редакцию пришло письмо Льва Корсунского, которое как бы продолжило разговор о загадке Кызылкумской пустыни.

...Уступ за уступом резко обрывается сыпучий песок Кызылкумов. Голые скалы. В одном из уступов — вход в небольшой грот. Проходим несколько метров в абсолютной темноте, и вдруг из-за поворота в глаза бьет резкий луч дневного света. Выходим на другую сторону гряды. На песчаной подошве выстроились тысячи цилиндрических столбиков один-полтора метра высотой.

— Что это?

— «Железный» ископаемый лес, — поясняет сопровождающий нас молодой геолог Сергей Шульц.

Мангры. В них-то и весь секрет.

«Мангровые леса, — говорит энциклопедия, — это своеобразная растительность из невысоких вечнозеленых деревьев и кустарников в тропиках, по илстым берегам океанов, открытых морей и в устьях рек». Цилиндрические столбики, которые мы увидели, и есть остатки мангрового леса.

Ученым известен ископаемый лес, найденный в вулканических отложениях третичного периода в Аризоне (США). Точно такой же лес, но погребенный, найден в Грузии. Но кызылкумский гораздо древнее их, а главное, лучше сохранился. Почему? Благодаря разливу древнего устья Аму-Дарьи часть стволов оказалась под водой и сгнила. Пни были занесены песком, в котором громадное содержание железа. Через поры деревьев железо проникло в пни. И они «зажелезились». Сколько было паводков, наносов — не сосчитать. Но ветры обнажили в конце концов остатки «железного» леса. И вот спустя сто миллионов лет мангровый лес раскрывает ученым свои тайны. И главная из них еще раз подтвердила гипотезу, что примерно 90—100 миллионов лет назад, в молодую с геологической точки зрения верхнюю меловую эпоху, Кызылкумы были не песками, а тропиками.

...Мы долго стояли у древнего леса. Солнце медленно опускалось за гору. По ущелью загулял ветер. Неожиданно как бы из-под земли разнеслась могучая, удивительного тембра музыка. Этот ноктюрн был сыгран ветром на флейте цилиндрических пустотелых труб древнего леса.

ЛЕВ КОРСУНСКИЙ

Н у к с

ВОКРУГ СВЕТА

№ 4 АПРЕЛЬ 1965 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В. КИРИК — ...Говорит Космос... Говорит Космос...	1
А. ШАМАРО — Атлас Ленина	4
Вести из братских стран	7, 13
РЭЙ БРЭДБЕРИ — Пустыня	8
Таинственные кольца Бургундии	14
Схватка с морским дьяволом	14
Он жил в джунглях 200 тысяч лет назад	15
«Золотая рыбка» из горного ручья	16
Уншпунненское ядро	16
Единоборство с леопардом	17
Непокоренный Форс	17
Г. ГАЕВ — Коррида по-памплонски	18
Е. ФЕДОРОВСКИЙ — Поиск	20
Памятник отважным	23
ГАРРИ ТАБАЧНИК — Пульс — 150 в минуту	24
Обручение с деревом	27
М. РЕДЬКИН — Течет река Волга...	28
М. КОНДРАТЬЕВА — «Баунти» идет на Таити	34
О. ТОМИЛИНА — Изделия из металла индийских кустарей	38
И. ГРИЧЕР — Остров маки	40
Храбрый охотник из Голо	45
А. РАКОВ — Котики у себя дома	46
Ю. САВЕНКОВ, В. СМЕРНОВ, В. ЧЕРНЕЦОВ — От Черного до Балтийского	48
Пестрый мир	54
ЖОРЖ СИМЕНОН — Дама из Байе	56
Загадки, проекты, открытия	66
Б. ТРАВЕН — Солнце	68
В. ЛЕВИН — О необычных приключениях и таинственном исчезновении зверя Веса	70
ГЕННАДИЙ ФИШ — Студенческие фуражки. Эскильстуна	73
Биндибу :	77
Новое в издательствах	78
Е. ЗИНГЕР — Ледяные карлики Урала	79
ЛЕВ КОРСУНСКИЙ — Мангровый лес Кызылкумов	79

Главный редактор **В. С. САПАРИН**

Члены редакционной коллегии: **В. И. АККУРАТОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. М. ЗАБЕЛИН, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.**

Оформление **В. Чернецова** и **Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; приложение «Иснатель» — 4-10.

А02559 Подп. к печ. 12/III 1965 г. Бум. 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 600 000 экз. Заказ 161. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

На первой странице обложки: **БОЛИВИЯ**. На высокогорных плато в Андах пасут своих лам индейцы аймара.

За небольшим стадом неприхотливых животных обычно следит мальчишка-пастух. Ведь на долю взрослых приходится еще более трудное дело — выжать урожай из скудной каменной земли. Здесь, на пастбище, пройдет детство пастушка, здесь он закончит свою «школу». А когда подрастет мальчишка, он займет место родителей, и его сын будет так же брести по плато следом за ламами. Фото **В. ЧИЧКОВА**

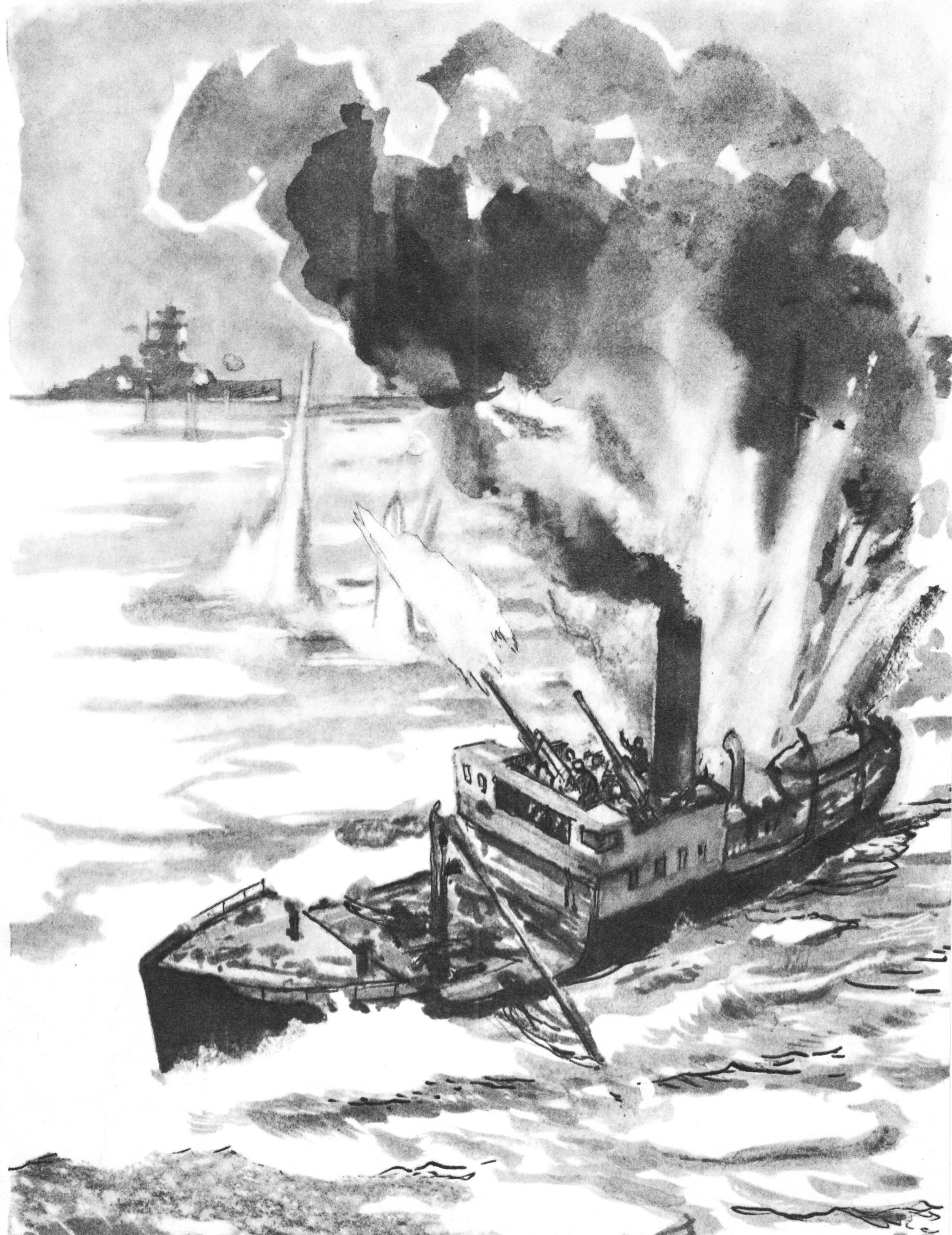
К 20-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

280-миллиметровые орудия главного калибра обрушивали на старый пароходик тонны металла и взрывчатки.

Но горящий, тонущий, истекающий кровью ледокольный пароход «Сибиряков» продолжал неравный бой с фашистским рейдером «Адмирал Шеер».

В № 5 «Вокруг света» читайте очерк **Е. Федоровского** о провале операции «Вундерланд».

В номере будут опубликованы и другие материалы, посвященные 20-летию победоносного завершения Великой Отечественной войны, разгрома фашистской Германии.

ВНИМАНИЮ ФОТОКИНОЛЮБИТЕЛЕЙ, ТУРИСТОВ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ!

Приближается пора увлекательных путешествий, туристских походов и экскурсий, когда вашими неизменными спутниками станут фотоаппарат и киносьемочная камера.

Фотоаппараты различных отечественных марок, портативные киносьемочные камеры и принадлежности к ним вы можете получить через Посылторг.

Посылторг может выслать также рюкзак туристский и альпинистский, палатку двухместную и четырехместную, столовый дорожный набор, ружье охотничье и принадлежности к нему, ружье для подводной охоты, ласты и маску для подводного плавания, рыболовные принадлежности, малогабаритные (карманный или переносный) радиоприемники, летние спортивные товары, легкий дорожный спортивный велосипед марки «Спутник» и многие другие товары, необходимые туристам и путешественникам.

Подробно с перечнем товаров Посылторга и условиями их высылки можно ознакомиться по преискуранту «Товары — почтой», который имеется в каждом почтовом отделении связи.

**ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ПРИОБРЕТАЙТЕ
НУЖНЫЕ ВАМ ВЕЩИ ДЛЯ ТУРИЗМА, ЭКС-
КУРСИЙ И ПУТЕШЕСТВИЙ!**

**ПОСЫЛТОРГ
МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ РСФСР**

